БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ЖЮЛЬ ВЕРН

ПЯТЬ НЕДЕЛЬ НА ВОЗДУШНОМ ШАРЕ

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ 1938

Ш

Пять недель на воздушном шаре
Жюль Верн

Аннотация
Жюль Верн. Пять недель на воздушном шаре
ГЛАВА I
ГЛАВА II
ГЛАВА III
ГЛАВА IV
ГЛАВА V
ГЛАВА VI
ГЛАВА VII
ГЛАВА VIII
ГЛАВА IX
ГЛАВА X
ГЛАВА XI
ГЛАВА XII
ГЛАВА XIII
ГЛАВА XIV
ГЛАВА XV
ГЛАВА XVI
ГЛАВА XVII
ГЛАВА XVIII
ГЛАВА XIX
ГЛАВА XX

ГЛАВА XXI
ГЛАВА XXII
ГЛАВА XXIII
ГЛАВА XXIV
ГЛАВА XXV
ГЛАВА XXVI
ГЛАВА XXVII
ГЛАВА XXVIII
ГЛАВА XXIX
ГЛАВА XXX
ГЛАВА XXXI
ГЛАВА XXXII
Глава XXXIII
ГЛАВА XXXIV
ГЛАВА XXXV
ГЛАВА XXXVI
ГЛАВА XXXVII
ГЛАВА XXXVIII
ГЛАВА XXXIX
ГЛАВА XL
ГЛАВА XLI
ГЛАВА XLII
ГЛАВА XLIII
ГЛАВА XLIV

Аннотация

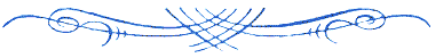
Жюль Верн. Пять недель на воздушном шаре. Пер. А.В. Бекетовой. Рисунки Риу.

Москва, Детиздат ЦК ВЛКСМ 1938 352 с. 50300. (Библиотека приключений).

Жюль Верн
Пять недель на воздушном шаре

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

МОСКВА 1938 ЛЕНИНГРАД

ЖЮЛЬ ВЕРН

ПЯТЬ НЕДЕЛЬ на ВОЗДУШНОМ ШАРЕ

Перевод с французского
А. БЕКЕТОВОЙ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ВСЕСОЮЗНОГО ЛЕНИНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО
СОЮЗА МОЛОДЕЖИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ГЛАВА I

Речь, заслужившая шумные аплодисменты. — Представление доктора Самуэля Фергюссона собранию членов Лондонского географического общества. — «Excelsior». — Портрет доктора Фергюссона. — Убежденный фаталист. — Пиршество в «Клубе путешественников». — Многочисленные тосты, произнесенные во время этого пиршества.

Заседание Лондонского географического общества 14 января 1862 года было очень многолюдно. Председатель этого общества сэр Френсис М. делал своим почтенным сочленам важный доклад, часто прерываемый аплодисментами. Свой доклад — редкий образец красноречия — «председатель закончил следующими, полными самого высокого патриотизма, словами:

— Англия, благодаря отваге своих путешественников, всегда шла в области географических открытий во главе других стран. (Многочисленные проявления одобрения.) Доктор Самуэль Фергюссон, один из ее славных сынов, не посрамит своей родины. («Нет! Нет!») Если его попытка

удастся («Конечно, удастся!»), то она свяжет в одно целое, дополнив их, наши разрозненные сведения об Африке. (Горячие одобрительные возгласы.) Если же она потерпит неудачу («Никогда! Никогда!»), то во всяком случае явится одним из самых отважных замыслов человеческого гения… (Неистовый топот ног.)

— Ура! Ура! — кричали члены собрания, наэлектризованные последними прочувствованными словами своего председателя.

— Ура неустрашимому Фергюссону! — вырвалось у одного из самых экспансивных членов собрания.

Крики, полные воодушевления, неслись со всех сторон. Имя Фергюссона было у всех на устах. Зал дрожал от возбужденных голосов и аплодисментов…

Все это многочисленное общество состояло из отважных путешественников, исколесивших пять частей света, теперь состарившихся, утомленных, но когда-то полных энергии. Все они, в той или иной форме, в свое время пережили кораблекрушения, пожары; всем им грозили и томагаук индейца, и дубина дикаря, и столб пыток, и опасность очутиться в желудке полинезийца. И тем не менее во время доклада сэра Френсиса

М. сердца этих старых путешественников бились восторженно, и никто не запомнит, чтобы когда-либо какой-нибудь оратор в Лондонском географическом обществе пользовался большим успехом, чем его председатель в этот день.

Но в Англии энтузиазм выражается не одними только словами. Тут же на заседании было постановлено для осуществления плана доктора Фергюссона выдать ему две тысячи пятьсот фунтов стерлингов. Значительность суммы соответствовала важности предприятия.

Один из членов общества обратился к председателю с вопросом, не будет ли доктор Фергюссон официально представлен собранию.

— Доктор ждет распоряжений собрания, — ответил сэр Френсис М.

— Пусть войдет! Пусть войдет! — раздались крики. — Любопытно ведь увидеть собственными глазами такого необыкновенно отважного человека!

— Но, быть может, этот невероятный проект лишь мистификация, — заметил один, апоплексического вида, командир судна.

— А что, если доктора Ферпоссона совсем не существует? — выкрикнул какой-то насмешливый голос.

— Тогда нужно было бы его изобрести, — шутливо отозвался другой член этого степенного собрания.

— Попросите пожаловать сюда доктора Фергюссона, — распорядился сэр Френсис М.

И Самуэль Фергюссон, нисколько не смущаясь, вошел в зал при громе рукоплесканий.

Это был мужчина лет сорока, среднего роста, с румяным лицом сангвиника. Черты его были правильны. Крупный нос напоминал нос корабля — именно таким и должен он был быть у человека, рожденного делать открытия. Добрые глаза, в которых светились ум и отвага, придавали особую привлекательность этому лицу. Руки были несколько длинные, а походка изобличала хорошего ходока.

Вся фигура доктора дышала таким спокойствием и такой серьезностью, что не могло быть и речи о какой-нибудь, даже самой невинной, мистификации.

Поэтому крики «ура» и аплодисменты замолкли лишь тогда, когда доктор Фергюссон любезным жестом попросил дать ему возможность говорить. Тут он направился к приготовленному для него креслу и, став подле него неподвижно, с устремленным на собрание энергичным взгля-

дом, поднял к небу указательный палец правой руки и произнес всего одно слово:

— Excelsior![1]

Ни одна речь в парламенте никогда не имела такого бурного успеха, как это брошенное доктором Фергюссоном слово. Оно совершенно затмило и самый доклад сэра Френсиса М. Доктор показал себя человеком одновременно великим, скромным и осторожным. Все положение дела он умудрился охарактеризовать единым словом: «Excelsior».

Старый командир судна, сразу перешедший на сторону необыкновенного человека, немедленно потребовал, чтобы речь доктора Фергюссона была «полностью» напечатана в «Известиях Лондонского географического общества».

Но кто был этот доктор Фергюссон и какому делу собирался он себя посвятить?

Отец молодого Фергюссона, честный капитан английского флота, с самого раннего возраста приучил сына к опасностям и приключениям своей профессии. Славный мальчик, повидимому никогда не знавший, что такое страх, рано проявил живой ум, исследовательские способ-

---

[1] Примечания: 1

Excelsior (латинск.) — высокий, высочайший.

ности и удивительную склонность к научной работе; кроме того, он обладал редким умением выходить из затруднительных положений. Ничто никогда не ставило его в тупик; даже первое обращение с вилкой, обыкновенно так затрудняющее малышей, было ему нипочем. Рано пристрастился он к чтению книг о смелых похождениях и изысканиях. Со страстью изучал он открытия, ознаменовавшие первую половину девятнадцатого века. Он мечтал о славе Мунго Парка, Брюсса, Каллье, Левальсена и, наверное, не мог немного не помечтать о славе Робинзона Крузо, рисовавшейся ему не менее заманчивой. Сколько чудесных часов провел мальчик с Робинзоном на его острове Жуан Фернандец! Юный Самуэль порой одобрял действия одинокого матроса, порой не соглашался с его планами и проектами. Ему казалось, что на его месте он поступил бы иначе, быть может лучше, и во всяком случае — не хуже его! Но уж наверно он никогда не покинул бы этого благодатного острова, где Робинзон был так счастлив. Нет! Никогда! Даже если бы ему, Самуэлю, предложили стать первым лордом Адмиралтейства![2]

---

[2] Примечания: 2

Первый лорд Адмиралтейства — так называется в Англии морской министр.

Можно представить себе, как развились все эти наклонности мальчика в условиях его приключенческой жизни во всех частях земного шара! Отец его, будучи сам образованным человеком, не преминул развить живой ум сына серьезным изучением географии, физики, механики, а также познакомил его в общих чертах с ботаникой, медициной и астрономией.

Когда почтенный капитан Фергюссон скончался, сыну его Самуэлю было двадцать два года, и он уже успел совершить кругосветное плавание. После смерти отца он поступил на службу в бенгальский инженерный корпус, где и отличился в нескольких сражениях.

Но жизнь солдата была не по душе молодому Фергюссону: не стремясь сам командовать другими, он в то же время и не желал никому подчиняться. Он вышел в отставку и, то охотясь, то составляя гербарий, из Калькутты добрался до Сюрата, на севере Индостанского полуострова. Фергюссон, надо сказать, считал это путешествие простой любительской прогулкой.

Из Сюрата он отправляется в Австралию и здесь в 1845 году принимает участие в экспедиции капитана Стурта.

Около 1850 года Самуэль Фергюссон возвраща-

ется в Англию. Охваченный более чем когда-либо страстью к открытиям, он сопровождает до 1853 года капитана Мак Клюра в его экспедиции, обогнувшей американский континент от Берингова пролива до мыса Фарвеля.

Фергюссон удивительно переносил все климаты и все трудности, встречаемые на пути. Прекрасно чувствовал он себя среди самых тяжких лишений. Это был тип настоящего путешественника, чей желудок сжимается и расширяется сообразно обстоятельствам, чьи ноги укорачиваются и удлиняются в зависимости от импровизированного ложа, на котором он может в любой час дня заснуть и в любой час ночи проснуться.

Поэтому совсем не удивительно, что наш неутомимый путешественник с 1855 по 1857 год исследует в обществе братьев Шлагинтвейт всю западную часть Тибета и возвращается из этой экспедиции с запасом любопытных этнографических наблюдений.

Принимая участие во всех этих экспедициях, Самуэль Фергюссон в то же время был самым деятельным и самым популярным корреспондентом дешевой, всего в один пенс, газеты «Дейли Телеграф», которая, выходя ежедневно в количе-

стве ста сорока тысяч экземпляров, обслуживала миллионы читателей. Вот почему доктор Фергюссон, не состоя членом ни одного научного учреждения, ни одного географического общества — Лондона, Парижа, Берлина, Вены или Петербурга, пользовался такой известностью. Он всегда держался вдали от ученых обществ, принадлежа, так сказать, к секте воинствующей, а не болтающей, и считал более полезным употреблять время на изыскания и открытия, чем на споры и разглагольствования.

Пиршество в «Клубе путешественников».

Рассказывают, что один англичанин специально приехал в Швейцарию для того, чтобы осмотреть Женевское озеро. Его усадили в одну из тех старых карет, где сиденья устроены, как в омнибусах, по бокам. Случайно наш англичанин сел спиной к озеру. И вот, объехав ёго кругом, он ни разу не вздумал оглянуться, что, впрочем, не помешало почтенному путешественнику вернуться в Лондон в восторге от Женевского озера!

Доктор же Фертюссон не раз оборачивался во время своих странствований и, оборачиваясь, повидал многое. Это уж было в его натуре. И мы имеем основание думать, что доктор был немного фаталистом: он считал, что какая-то сила толкает его путешествовать и, объезжая земной шар, он подобен паровозу, который не избирает сам направления, а мчится по проложенным рельсам. «Не я гонюсь за дорогой, а она за мной», часто говаривал он.

Отсюда понятно то хладнокровие, с которым доктор Фергюссон встретил бурные овации членов географического общества. Он, не знавший ни гордости, ни тщеславия, был выше этих мелочей. Предложение, сделанное им председателю

сэру Френсису М., он считал делом совершенно простым и естественным и даже не заметил, какое огромное впечатление оно произвело на собрание. По окончании заседания доктора повезли в «Клуб путешественников», где в честь его было устроено великолепное пиршество. Количество блюд соответствовало значению, которое придавалось экспедиции почетного гостя, а поданный на стол осетр только на три каких-нибудь дюйма был короче самого Самуэля Фергюссона.

Французские вина лились рекой, провозглашались многочисленные тосты в честь знаменитых путешественников, прославившихся своими исследованиями Африки. Пили за здравствующих и за умерших, придерживаясь при этом алфавита, что уж было совершенно по-английски: пили за Абба-ди, Адамса, Адамсона, Андерсона, Арно, Балдвина, Барта, Батуда, Беке, Бельтрама, Берба, Бимбаги, Болвика, Болоньези, Болцони, Бонемэна, Брауна, Бриссона, Брюн-Ролле, Брюсса, Бурхарда, Бурчелля, Бэки, Бюрана, Валберга, Вейстера, Винко, Винцента, Водея и других и, наконец, подняли бокалы за доктора Самуэля Фергюссона, который благодаря своему удивительному замыслу должен был создать одно целое из трудов всех своих предшественников и дополнить серию африкан-

ских открытий.

ГЛАВА II

Статья в газете «Дейли Телеграф». — Газеты и научные журналы заинтересованы экспедицией доктора Фергюссона. — Доктор Петерсон поддерживает своего друга. — Заключение многочисленных пари. — Различные предложения, делаемые доктору Ферггоссону.

На следующий день, 15 января, в газете «Дейли Телеграф» была напечатана следующая заметка:

> «Наконец-то Африка раскроет тайну своих необъятных пустынь. Современный Эдип[3] разгадает загадку, которая была не по силам ученым шестнадцати веков. В былые времена найти истоки Нила считалось безумной попыткой, неосуществимой мечтой.
>
> Доктор Барт, шедший по пути, начертанному Денгамом и Клаппертоном; доктор Ливингстон, проделавший свои отважные исследования от мыса Доб-

---

[3] Примечания: 3
Эдип — герой греческих преданий, славившийся своей мудростью.

рой Надежды до бассейна реки Замбези; капитаны Бюртом и Спек, открывшие Великие внутренние озера, — все эти путешественники проложили для современной цивилизации три новых пути. Точка пересечения этих путей есть как бы сердце Африки, куда до сих пор не удалось проникнуть ни одному путешественнику. Сюда-то и должны были быть устремлены все усилия.

И вот труды смелых пионеров будут завершены отважной попыткой доктора Самуэля Фергюссона, чьи славные исследования не раз были оценены по заслугам нашими читателями.

Этот неустрашимый путешественник намерен на воздушном шаре пересечь Африку с востока на запад. Если не ошибаемся, то исходным пунктом этого изумительного путешествия будет остров Занзибар, расположенный у восточного берега Африки. Что же касается места завершения путешествия, оно определится лишь обстоятельствами.

Вчера на заседании Лондонского географического общества официально было

доложено об этом предполагаемом научном исследовании, и тут же на заседании было ассигновано на покрытие расходов экспедиции две тысячи пятьсот фунтов стерлингов.

Мы все время будем держать наших читателей в курсе этой экспедиции, не имеющей прецедента в географических летописях».

Разумеется, эта заметка наделала много шума; прежде всего она вызвала целую бурю сомнений: доктор Фергюссон казался какой-то сказочной личностью. В февральском номере «Географических известий», издаваемых в Женеве, появилась остроумная статейка, высмеивающая Лондонское географическое общество, его пиршество в «Клубе путешественников» и даже феноменального осетра.

Доктор Петерсон своей статьей заставил замолчать женевских писак. Петерсон лично знал доктора Фергюссона и ручался за неустрашимость своего отважного друга.

Впрочем, вскоре о каких-либо сомнениях не могло быть и речи: приготовления к путешествию делались в самом Лондоне. Стало известно,

что Лионская фабрика получила солидный заказ на шелковую тафту, нужную для изготовления воздушного шара; и, наконец, британское правительство предоставило в распоряжение доктора Фергюссона транспорт «Решительный» под командой капитана Пеннета.

Тут сразу со всех сторон послышались одобрительные, подбадривающие отклики, посыпались тысячи приветствий. Описание подробностей экспедиции появилось на страницах «Известий географического общества». О них писалось и во многих других журналах. Северо-американскому «Обозрению» трудно было примириться со славой, выпавшей на долю Англии, и оно, обратив проект доктора Фергюссона в шутку, приглашало его, раз уж он пускается в подобное сказочное путешествие, залететь и в Америку. Словом, не считая газет всего мира, не было ни одного научного журнала, который в той или иной форме не отозвался бы на это смелое предприятие.

В Лондоне и во всей Англии заключались крупные пари: во-первых, действительно ли существует доктор, или это только мифическая личность; во-вторых, осуществится или нет этот отважный замысел; в-третьих, удачна ли будет эта экспедиция и, наконец, в-четвертых, вернется

ли обратно, или погибнет доктор Фергюссон. В книгу записей о заключенных пари заносились огромные суммы, словно дело шло о каких-нибудь скачках.

Таким образом, верующие и сомневающиеся, невежды и ученые — все обратили свои взоры на доктора Фергюссона, и, сам того не подозревая, он стал героем дня. Доктор охотно сообщал интересующимся самые подробные сведения о своей экспедиции, был чрезвычайно доступен и держал себя очень просто и естественно. Не один смелый искатель приключений, жаждавший разделить с ним славу и опасности, являлся к нему, но он всем отказывал, не давая по этому поводу никаких объяснений.

Много изобретателей предлагало Фергюссону свои приборы для управления его воздушным шаром, но ни одним из них он не пожелал воспользоваться. На вопрос же, не изобрел ли он сам такого двигателя, доктор обыкновенно упорно отмалчивался. Он с особенной энергией занимался приготовлениями к своему путешествию.

ГЛАВА III

Друг доктора Фергюссона. — Когда возникла эта дружба. — Дик Кеннеди в Лондоне. — Неожиданное и странное предложение. — Малоутешительная поговорка. — Несколько слов о мучениках Африки. — Преимущества воздушного шара. — Тайна доктора Фергюссона.

У доктора Фергюссона был друг, но это не был его «alter ego» (второе я). Вообще дружба не может существовать между двумя совершенно похожими друг на друга существами. И в данном случае разность склонностей, достоинств, темпераментов Фергюссона и Кеннеди нисколько не мешала им жить душа в душу, а, наоборот, делала их дружбу еще крепче. Дик Кеннеди был шотландец в полном смысле этого слова: откровенный, решительный и упрямый. Жил он в маленьком городке под самым Эдинбургом. Был он любителем рыбной ловли, но главной страстью его являлась охота, что совершенно не удивительно для сына Каледонии, выросшего среди гор. Особенно славился Кеннеди как стрелок из карабина. Он так метко попадал в лезвие ножа, что при этом

обе половины пули даже путем взвешивания нельзя было отличить одну от другой.

Лицом Кеннеди был типичный шотландец. Ростом выше шести английских футов, грациозный и ловкий, он в то же время производил впечатление настоящего геркулеса. Чрезвычайно загорелое лицо, живые черные глаза, смелость в движениях, наконец, что-то доброе, внушающее доверие, — все это невольно располагало к нему.

Знакомство друзей завязалось в Индии, где оба служили в одном полку. В то время как Дик охотился на тигров и слонов, Самуэль собирал свои коллекции растений и насекомых. Каждый из них был мастером своего дела, и часто найденное доктором редкое растение могло конкурировать с парой слоновых клыков, добытых его другом-охотником.

Судьба порой разлучала их, но взаимная симпатия всегда снова соединяла. Часто расставались они из-за далеких экспедиций доктора, но тот, вернувшись на родину, каждый раз неизменно проводил у своего друга несколько недель. Дик говорил о прошлом, а Самуэль строил планы на будущее: один глядел вперед, другой — назад.

У Фергюссона характер был беспокойный, Кеннеди же олицетворял собою спокойствие.

После своего путешествия в Тибет доктор около двух лет не заговаривал о новых экспедициях, и Дик уже начинал думать, что влечение к путешествиям и жажда приключений стали у его друга охладевать. Это приводило шотландца в восторг. Не сегодня — так завтра, думал он, жизнь могла бы плохо, кончиться. Как бы ни был опытен человек, ведь нельзя же всегда безнаказанно бродить среди людоедов и диких зверей. И Дик горячо уговаривал Самуэля бросить путешествия, уверяя его, что он уже достаточно много сделал для науки, а для того чтобы заслужить человеческую благодарность, — и того больше.

MAP
OF
AFRI
COSTE

На все эти уговоры Фергюссон не отвечал ни слова. Он был задумчив, занимался какими-то таинственными вычислениями, проводил целые ночи над опытами с необыкновенными приборами, никому до сих пор не известными. Чувствовалось, что в голове его созревает какая-то великая идея.

«Что он замышляет?» стал ломать себе голову Кеннеди, когда друг, в январе покинув его, направился в Лондон.

И вот однажды утром он это наконец узнал из заметки в «Дейли Телеграф».

— Боже мой! — закричал Дик. — Сумасшедший! Безумец! Лететь через Африку на воздушном шаре! Этого еще не хватало! Так вот, оказывается, что он обдумывал в течение этих двух лет!

Экономка Дика, старушка Эльспет, решилась было высказать предположение о том, что это сообщение — просто газетная утка.

— Ну, что вы! — воскликнул Кеннеди. — Точно я не узнаю в этом своего друга. Да разве это на «его не похоже? Путешествовать по воздуху! Он, изволите ли видеть, теперь вздумал соперничать с орлами! Нет, дудки! Этому не бывать! Уж я су-

мею тут помешать! Дай ему только волю — он в один прекрасный день и на луну, пожалуй, отправится.

В тот же вечер Кеннеди, встревоженный и раздраженный, сел в поезд и на следующий день был в Лондоне.

Через каких-нибудь три четверти часа его кэб остановился у маленького домика на Греческой улице, где жил доктор Фергюссон. Шотландец взбежал на крыльцо и пятью здоровенными ударами в дверь возвестил о своем прибытии. Фергюссон сам открыл ему.

— Дик! — воскликнул он, впрочем, без особенного удивления.

— Он самый, — заявил. Кеннеди.

— Как это ты, дорогой Дик, в Лондоне в разгар зимней охоты?

— Да! Я в Лондоне.

— А что ты собираешься здесь делать?

— Помешать неслыханному безрассудству!

— Безрассудству? — переспросил доктор.

— Правда ли то, что рассказывает эта газета? — спросил Кеннеди, протягивая другу номер «Дейли Телеграф».

— Ах, вот о чем ты говоришь! Эти газеты, надо признаться, довольно-таки нескромны. Но при-

сядь же, дорогой Дик.

— Не сяду! Скажи, ты в самом деле предпринимаешь это путешествие?

— В самом деле. Приготовления к нему идут полным ходом, и я…

— . Где же производятся эти приготовления, чтобы я мог разнести, разбить всё вдребезги?!

Милый шотландец не на шутку вышел из себя.

— Успокойся, дорогой Дик, — заговорил доктор. — Я понимаю, что ты можешь сердиться, даже быть обиженным на меня за то, что я до сих пор не ознакомил тебя с моими проектами…

— И это он еще зовет своими проектами!

— Видишь ли, я был чрезвычайно занят, — продолжал Фергюссон, не обращая внимания на восклицание друга. — Но успокойся же: я ведь не мог уехать, не написав тебе…

— Очень мне это важно! — перебил его Кеннеди.

— …по той простой причине, что я намерен взять тебя с собой, — докончил Фергюссон.

Шотландец отпрянул с легкостью, которая могла бы сделать честь серне.

— Послушай, Самуэль, не хочешь ли ты, чтобы нас обоих заперли в сумасшедший дом?

— Именно на тебя я рассчитывал, дорогой

мой Дик, и остановился на тебе, отказав очень многим.

Кеннеди совершенно остолбенел.

— Если ты послушаешь меня в течение десяти минут, — спокойно продолжал Фергюссон, — то, поверь, будешь мне благодарен.

— Ты говоришь серьезно?

— Очень серьезно.

— А что, если я откажусь отправиться с тобой?

— Ты не откажешься.

— Но если все же откажусь?

— Тогда я отправлюсь один.

— Ну, сядем, — предложил охотник, — и поговорим спокойно. Раз ты не шутишь, дело стоит того, чтобы его хорошенько обсудить.

— Только, если ты ничего не имеешь против, обсудим это за завтраком, дорогой Дик.

Друзья уселись один против другого за столиком, на котором возвышались гора бутербродов и огромный чайник.

— Дорогой мой Самуэль, — начал охотник, — твой проект безумен. Он невозможен. В нем нет ничего ни серьезного, ни осуществимого.

— Ну, это мы увидим после того, как испробуем, — отозвался доктор.

— Но пробовать-то именно и не надо, — наста-

ивал Кеннеди.

— Почему же, скажи, пожалуйста?

— А опасности, а препятствия всякого рода? Ты о них забываешь?

— Препятствия для того и существуют, чтобы их преодолевать, — с серьезным видом ответил Фергюссон. — Что же касается опасностей, то кто вообще гарантирован от них? В жизни повсюду опасности. Может быть, опасно сесть за стол, надеть на голову шляпу… Вспомним-ка старую английскую пословицу: «Кому суждено быть повешенным, тот не рискует утонуть».

На это сказать было нечего, но Кеннеди все же разразился целым потоком возражений, слишком длинных для того, чтобы их здесь приводить.

— Ну, хорошо, — . в конце концов заявил он после целого часа препирательств, — если ты уж во что бы то ни стало хочешь совершить путешествие через всю Африку, если это совершенно необходимо для твоего счастья, то почему не воспользоваться для этого обыкновенными путями?

— Почему? — спросил, воодушевляясь, доктор. — Да потому, что до сих пор все такие попытки терпели неудачи. Мунго Парк был убит на Нигере, Фогель исчез бесследно в земле ва-

дайцев, Удней умер в Мурмюре, Клаппертон — в Сакату, француз Мэзан был изрублен на куски, майор Лэнг убит туарегами — так же, как Рашер из Гамбурга. Как видишь — длинен список мучеников Африки. Очевидно, невозможно бороться со стихиями, с голодом, жаждой, лихорадкой, с дикими зверями и тем более — с дикими туземными племенами. И вот, если что-либо не может быть сделано одним способом, оно должно быть сделано другим: если нельзя пройти посредине, надо обойти сбоку или пронестись сверху.

— Вот это-то и страшно, — заметил Дик.

— Чего же бояться? — возразил доктор с величайшим хладнокровием. — Ты ведь не можешь сомневаться в том, что я принял все меры предосторожности против аварии моего воздушного шара? Но даже случись с ним что-нибудь, и тогда я все же окажусь на земле в условиях всякого другого путешественника. Повторяю, я уверен в своем воздушном шаре, и об авариях не стоит даже и думать.

— Наоборот, как раз и следует думать об этом.

— Нет, дорогой Дик. Я намерен расстаться со своим воздушным шаром не раньше, чем доберусь до западного берега Африки. Ты только пойми: с ним, с этим шаром, все возможно! Без него же

я подвергаюсь всем опасностям и случайностям прежних экспедиций. С шаром мне не страшны ни зной, ни ливни, ни бури, ни вредный климат, ни дикие звери, ни даже люди! Мне слишком жарко — я поднимаюсь выше; мне холодно — я опускаюсь к земле; гора на моем пути — я ее перелетаю, пропасть — переношусь так же, как и через величественную реку; разразится гроза — я уйду выше нее, польет ливень — пронесусь над ним, словно птица. Подвигаюсь я вперед, не зная усталости, и останавливаюсь, в сущности, вовсе не для отдыха. Я парю над неведомыми странами… Я мчусь с быстротой урагана то в выси небесной, то совсем близко от земли, и карта Африки развертывается перед моими глазами, будто страница какого-то гигантского земного атласа…

Слова Фергюссона, полные воодушевления, взволновали славного Кеннеди, но картина, нарисованная его другом, вызвала у охотника головокружение. С восхищением, смешанным со страхом, смотрел он на Самуэля, и ему казалось, что он уже раскачивается в воздухе…

— Но скажи мне, дорогой Самуэль, значит, ты нашел способ управлять воздушным шаром? — заговорил Кеннеди.

— Ничего подобного, это утопия.

— Как же ты полетишь?..

— По воле ветров, да… но, во всяком случае, с востока на запад.

— А почему?

— Да потому, что я рассчитываю на помощь пассатов, направление которых всегда одно и то же.

— Вот как… — проговорил в задумчивости Кеннеди. — Пассаты… конечно, в крайнем случае… пожалуй… быть может…

— Нет, не быть может, а наверное! В этом все дело, — перебил его Фергюссон. — Английское правительство предоставило в мое распоряжение транспорт. Вместе с тем условлено, что к предполагаемому времени моего прибытия на западный берег Африки там будут крейсировать три или четыре судна. И вот не дальше как через три месяца я буду на Занзибаре. Тут я наполню газом мой шар, и оттуда мы и устремимся…

— Мы?.. — с удивлением повторил Дик.

— Да. Неужели, друг мой, у тебя еще есть какое-нибудь возражение? Ну, говори же, — настаивал Фергюссон.

— Возражение? Их у меня целая тысяча! Начнем хотя бы с такого: скажи на милость, если ты

собираешься осматривать страну, подниматься и опускаться по своему желанию, то ведь ты этого не сможешь сделать иначе, как тратя газ. До сих пор, насколько мне известно, другого способа не имелось, а это всегда и служило препятствием для долгих путешествий по воздуху.

— На это, дорогой мой Дик, я отвечу тебе одно: я не буду терять ни одного атома газа, ни одной его молекулы…

— И ты сможешь по своему желанию снижаться?

— Смогу по своему желанию снижаться.

— Как же ты это сделаешь?

— А это уж моя тайна, дорогой мой друг. Положись на меня, и пусть мой девиз «Excelsior» будет также и твоим.

— Ну, ладно. «Excelsior», так «Excelsior», — согласился охотник, ни слова не знавший по-латыни.

Но в то же время он твердо решил всеми возможными способами противодействовать отъезду своего друга. И он сделал лишь вид, что согласился с ним, чтобы было удобнее следить за тем, что будет дальше.

Самуэль же после этого разговора отправился наблюдать за приготовлениями к полету.

ГЛАВА IV

Исследователи Африки: Барт, Бюртон и Спек.

Воздушный путь, которого собирался придерживаться доктор Фергюссон, был им выбран далеко не случайно. Он серьезно обдумал, откуда надо начать свой полет, и у него были основательные причины, чтобы подняться именно с острова Занзибар. Расположен этот остров на восточном побережье Африки под 6° южной широты. Отсюда же отправилась последняя экспедиция, посланная к Великим озерам для открытия истоков Нила.

Нужно заметить, что Фергюссон имел в виду связать результаты двух главных исследований: доктора Барта в 1849 году и лейтенантов Бюртона и Спека в 1858 году.

Доктор Барт, уроженец Гамбурга, получил разрешение присоединиться вместе со своим соотечественником Овервегом к экспедиции англичанина Ричардсона, направлявшейся в Судан.

Эта обширная страна лежит между 15° и 10° северной широты, и чтобы добраться до нее, нужно

проникнуть в глубь Африки на полторы тысячи миль. До сих пор она была известна только по путешествиям Денгама, Клаппертона и Уднея (1822–1824 годы).

Ричардсон, Барт и Овервег, стремясь продвинуть дальше исследования своих предшественников, прибыли сначала в Тунис и Триполи, а оттуда в столицу Феццана — Мурзук.

Тут они уклоняются от направления, перпендикулярного к экватору, и делают крюк к западу. Их сопровождают проводники-туареги, доставляющие им множество неприятностей. После всяких грабежей, оскорблений, вооруженных нападений их караван наконец прибывает в обширный оазис Асбен. Доктор Барт здесь расстается на время со своими компаньонами, чтобы предпринять экскурсию в город Агадес.

По его возвращении вся экспедиция 12 декабря снова пускается в путь. По прибытии в провинцию Дамергу путешественники разделяются, и Барт направляется в город Кано, которого достигает только благодаря своему терпению.

7 марта, несмотря на сильную лихорадку, доктор Барт в сопровождении только своего слуги покидает этот город. Главной целью его путешествия является обследование озера Чад, от

которого он находился на расстоянии трехсот пятидесяти миль. Подвигаясь все на восток, Барт добирается до города Цуриколо в царстве Борну, представляющего ядро великой центральной африканской империи. Здесь он узнает о смерти главы экспедиции — Ричардсона, погибшего от переутомления и лишений. Барт направляется дальше, сначала в город Кука — столицу царства Борну, расположенную на берегу озера Чад, а затем в город Нгорну, которого и достигает через двенадцать с половиной месяцев после своего отправления из Триполи. 29 марта он вместе с Овервегом направляется в царство Адамауа, к югу от того же озера Чад. Здесь он достигает Иола — города, расположенного немного южнее 9° северной широты. Это самый южный пункт, куда удается добраться нашему отважному путешественнику. 13 августа Барт возвращается в город Кука, откуда он отправляется в Мандару, Барги-ми, Канем и достигает самого восточного пункта своих странствований — города Масена, расположенного на 17°20′ западной долготы.

25 ноября 1852 года доктор Барт после смерти своего последнего компаньона, Овервега, отправляется на запад, посещает Сокото, переправляется через Нигер и наконец добирается до Тимбукту,

где томится в течение долгих восьми месяцев, перенося оскорбления шейха, дурное обращение и нужду. Но наступает момент, когда его пребывание в городе не может быть больше терпимо. Фулланы открыто грозят ему, и 17 марта

1854 года ему приходится бежать на границу, где он скрывается в течение тридцати трех дней, терпя страшные лишения. Отсюда в ноябре ему удается добраться сначала до Кано, а затем в город Кука. Прожив здесь четыре месяца, он перебирается в Денгам. Достигнуть Триполи доктор смог только в августе 1855 года. 6 сентября того же года один, без спутников, приезжает он в Лондон.

Таковы в общих чертах отважные странствования доктора Барта.

Самуэль Фергюссон отметил особенно тщательно, что Барт достиг 9° северной широты и 17° западной долготы.

Разные экспедиции, поднимавшиеся вверх по Нилу, ни разу не смогли добраться до таинственных истоков этой реки.

В 1857 году лейтенанты Бюртон и Спек, два офицера бенгальской армии, были посланы Лондонским географическим обществом исследовать Великие африканские озера. 17 июля они покинули Занзибар и направились прямо на запад.

После четырех месяцев неслыханных мучений — причем багаж их был разграблен, а носильщики перебиты — они достигли Казеха, сборного пункта купцов и караванов. Это была область Лунных гор, и здесь они собрали драгоценный материал относительно нравов, управления, религии, фауны и флоры страны. Отсюда они двинулись к самому большому из Великих озер — Танганайке, расположенному между 3° и 8° южной широты. Добрались они до него 14 февраля 1858 года. Здесь наши путешественники ознакомились с разными племенами (большая часть их — людоеды), жившими по берегам Танганайки.

В обратный путь они пустились 26 мая и 20 июня были уже снова в Казехе. Тут Бюртон заболел и несколько месяцев пролежал в постели. Спек же воспользовался этим временем, чтобы сделать огромную, больше чем за триста миль, экскурсию на север, к озеру Укереве. Достиг он этого озера 2 августа, но ему удалось осмотреть лишь небольшую часть его, расположенную на 2°30′ южной широты. 25 августа Спек уже вернулся в Казех, и вскоре они вместе с Бюртоном направились на Занзибар, куда прибыли только в марте следующего года. Отсюда эти два смелых исследователя отбыли в Англию. Парижское

географическое общество присудило им премию.

Доктор Фергюссон не преминул так же точно отметить, что эта последняя экспедиция не перешла 2° южной широты и 29° западной долготы.

Итак, цель доктора Фергюссона заключалась в том, чтобы соединить исследования Барта с позднейшими исследованиями Бюртона и Спека. Для этого надо было продвинуться по африканскому материку больше чем на двенадцать градусов.

ГЛАВА V

Сны Кеннеди. — Злоупотребление местоимениями множественного числа. — Намеки Дика. — Прогулка по карте Африки.

Доктор Фергюссон очень энергично готовился к отъезду. Он лично руководил сооружением воздушного шара, делая в нем некоторые изменения, относительно которых хранил абсолютное молчание. Доктор уже давно начал изучать арабский язык, а также разные наречия негров и благодаря своим лингвистическим способностям сделал большие успехи.

Тем временем его друг охотник не отходил от него ни на шаг. Должно быть, Дик боялся, как бы Самуэль не улетел, не оказав ему ни слова. Не раз шотландец снова порывался убеждать друга отказаться от своей затеи, но тот был непоколебим. Порой у Кеннеди вырывались патетические мольбы, но и это не трогало доктора. И вот Дику стало казаться, что его друг как бы ускользает у него из рук. Бедный шотландец действительно заслуживал сожаления. Он уже не мог иначе как с мрачным ужасом смотреть на лазурный свод

небес. Даже во оне у нашего охотника кружилась голова от каких-то качаний, и каждую ночь ему чудилось, что он летит вниз С неизмеримых высот.

Надо прибавить, что во время этих страшных кошмаров бедный Дик раза два даже сваливался со своей кровати. Он не замедлил сейчас же показать Фергюссону свою расшибленную голову.

— Знаешь, Самуэль, и упал-то всего с каких-нибудь трех футов, никак не больше, — прибавил он добродушно, — а шишка вон какая!

Этот намек, в котором слышалась глубокая грусть, однако, не смутил доктора.

— Мы не упадем, — заявил он.

— А если все-таки упадем?

— Говорю тебе — не упадем!

Это было сказано так решительно, что Кеннеди не нашелся что возразить.

В особенное отчаяние приводило Дика то, что доктор, казалось, совсем не считался с ним, очевидно решив, что друг бесповоротно предназначен самой судьбой быть его компаньоном в воздушном путешествии. Несомненно, это было именно так, причем Самуэль невыносимо злоупотреблял местоимением первого лица множественного числа: «мы подвигаемся впе-

ред...», «мы будем готовы такого-то числа...», «мы отправимся...» Частенько пользовался он местоимением «наш» и в единственном и во множественном числе: «наша корзина», «наше исследование», «наши приготовления», анаши открытия», «наши подъемы»...

Все это приводило Дика в содрогание, хотя он и твердо решил не отправляться в это воздушное путешествие. В то же время ему не хотелось раздражать своего друга. Надо добавить, что он втихомолку выписал из Эдинбурга некоторое количество специально подобранной одежды и свои лучшие охотничьи ружья.

В один прекрасный день Дик притворился, будто после долгих размышлений решил уступить настояниям друга и отправиться с ним.

— Есть же хоть один шанс из тысячи на успех, — прибавил он.

Но тут же, чтобы отсрочить путешествие, он стал придумывать массу самых разнообразных уверток.

— Так ли в самом деле важно открытие истоков Нила? — спрашивал он. — Нужно ли это действительно для человечества? А если африканские племена будут даже цивилизованы, даст ли это им счастье?.. Да, наконец, есть ли уверенность в

том, что цивилизация Африки не существовала раньше европейской?.. Это весьма возможно… И вообще, нельзя ли с этой экспедицией обождать маленько? Ведь когда-нибудь кто-нибудь да переправится же через всю Африку, и притом способом менее рискованным… Без сомнения, появится какой-нибудь исследователь — ну, через месяц, полгода, год…

Но, увы, все эти разговоры и намеки имели как раз обратное действие, и Фергюссон, слушая их, лишь выходил из себя:

— Чего лее ты хочешь, мой бедный Дик? Неужели, неверный друг, ты желаешь, чтобы слава досталась другому? По-твоему, надо изменить своему прошлому? Да? Отступить перед препятствиями? Трусостью и колебаниями отблагодарить английское правительство и Лондонское географическое общество за все, что они сделали для меня?

— Но… — начал Кеннеди, очень любивший это слово.

— Но, — перебил его доктор, — разве тебе не известно, что я должен принять участие в исследованиях уже действующих экспедиций? Ты, видимо, не знаешь, что новые исследователи в настоящее время приближаются к центру Аф-

рики?

— Однако… — опять начал Кеннеди.

— Выслушай меня хорошенько, Дик, и взгляни на карту!

Дик покорно устремил на нее глаза.

— Поднимись по течению Нила, — проговорил Фергюссон.

— Поднимаюсь, — послушно ответил шотландец.

— Дойди до Гондокоро.

— Дошел!

Тут у Кеннеди мелькнула мысль о том, как легко путешествовать… по карте.

Дик путешествует по карте.

— Теперь возьми циркуль, — продолжал доктор, — и поставь одну из его ножек на этот город, дальше которого не проник ни один самый бесстрашный человек.

— Поставил.

— А затем разыщи остров Занзибар на 6° южной широты.

— Нашел.

— Следуй по этой параллели до Казеха.

— Есть.

— Теперь поднимись по тридцать третьему меридиану до того места на озере Укереве, где остановился лейтенант Спек.

— Ну, поднялся и едва не очутился в озере…

— Прекрасно! А знаешь ли ты, какие предположения можно сделать на основании сведений, полученных от обитателей берегов этого озера?

— Не подозреваю.

— Так слушай же: можно предположить, что это озеро, южный берег которого находится на 2°3′ южной широты, простирается также На два с половиной градуса над экватором…

— Вот как!

— …и что из северной части озера берет начало

поток, который неизбежно должен дойти до Нила, если только это и не есть самый его исток.

— Очень любопытно!

— Теперь поставь вторую ножку твоего циркуля на этой крайней северной точке озера Укереве.

— Готово, Фергюссон!

— Ну, скажи: сколько градусов между двумя точками?

— Около двух.

— Известно ли тебе, Дик, какое это расстояние?

— Не имею ни малейшего представления.

— Это составляет менее ста двадцати морских миль, другими словами — ничто.

— Конечно, почти ничто, Самуэль!

— А знаешь ли ты, что происходит в данное время?

— Клянусь, не ведаю!

— Да будет же тебе известно следующее: Лондонское географическое общество нашло необходимым исследовать озеро, открытое лейтенантом Спеком. Находясь под покровительством этого общества, Спек (в настоящее время уже капитан) соединился с капитаном Гр» антом, и оба они поставлены во главе многочисленной и хорошо оборудованной экспедиции. Им поручено исследовать озеро Укереве, а также дойти до

Гондокоро. Получили они субсидию более чем в пять тысяч фунтов стерлингов, и капский губернатор предоставил в их распоряжение отряд солдат-готтентотов. Экспедиция эта двинулась из Занзибара в конце октября 1860 года. В это же самое время английский консул в Хартуме, Джон Петери, получил из министерства иностранных дел около семисот фунтов стерлингов с приказанием снарядить в Хартуме пароход, погрузить на него необходимый провиант и отправить в Гондокоро. Там он должен дождаться каравана капитана Спека и снабдить его всем нужным.

— Прекрасно придумано, — заметил Кеннеди.

— Из этого, Дик, ты видишь, что надо очень торопиться, если мы хотим принять участие в данных экспедициях. И, знаешь, это еще не все: в то время как одни исследователи — на верном пути к открытию истоков Нила, другие отважно устремляются в самое сердце Африки.

— Пешком? — поинтересовался Кеннеди.

— Да, пешком, — ответил доктор, не обращая внимания на намек своего друга. — Доктор Крапф собирается двинуться на запад вдоль Джоба — реки, протекающей у экватора. Барон Деккен вышел из Монбаца и, исследовав горы Кениа и Килиманджаро, также углубляется к центру

материка.

— И тоже пешком? — опять спросил Кеннеди.

— Да, пешком или верхом на мулах.

— Но, по-моему, это совершенно то же, — за? метил шотландец.

— Наконец, — продолжал Фергюссон, — доктор Геглин, австрийский вице-консул в Хартуме, только что организовал очень солидную экспедицию, главной задачей которой являются розыски путешественника Фогеля, посланного в 1855 году в Судан для присоединения к экспедиции доктора Барта. В 1856 году Фогель покинул Борну с намерением исследовать неизвестную страну между озером Чад и Дарфуром. С тех пор о нем не было ни слуху, ни духу. Доктор Геглин уже двинулся из Масуа. Разыскивая следы Фогеля, он должен в то же время исследовать местность между Нилом и озером Чад, связав таким образом в одно труды экспедиций Барта и Спека. И вот, как видишь, Африка будет всеми ими пройдена с востока на запад.

— Ну, и чудесно! — воскликнул шотландец. — Раз у них все так прекрасно налаживается, что же, спрашивается, ндм остается там делать?

Доктор Фергюссон на это ничего не ответил, а только пожал плечами…

ГЛАВА VI

Необычайный слуга. — Он видит простым глазом спутников Юпитера. — Дик и Джо сражаются между собой. — Сомнение и вера. — Взвешивание.

У доктора Фергюссона был слуга, с готовностью откликавшийся на имя Джо. Это был чудесный малый, пользовавшийся полнейшим доверием доктора и безгранично ему преданный. Он не только самым толковым образом выполнял все распоряжения Фергюссона, но даже предугадывал их. Это был Калеб[4], но не ворчливый, а всегда пребывающий в прекрасном настроении духа. Словом, лучшего слуги нельзя было представить себе. Фергюссон всецело полагался на него во всех житейских делах и был совершенно прав. Редкий, честнейший Джо! Подумать только: слуга, который сам заказывает вам обед, до мелочей знает ваши вкусы, укладывает ваш чемодан, не забывая при этом ни сорочек, ни носков, владеет вашими ключами и тайнами и никогда ни тем,

---

[4] Примечания: 4

Калеб — персонаж из повести Чарльза Дикенса «Сверчок на печи».

ни другим не злоупотребляет!

Но надо также знать, кем являлся доктор в глазах достойного Джо. С каким уважением и доверием относился он к его распоряжениям! Когда Фергюссон что-нибудь говорил, по мнению Джо, было просто безумием ему возражать. Все, что доктор думал, было верно, все, что он говорил, — умно, все, что приказывал, — выполнимо, все, что предпринимал, — возможно, все, что делал, — достойно удивления. Вы могли бы изрезать Джо на куски — что, конечно, вряд ли бы сделали, — но он и тогда ни на волос не изменил бы своего мнения о докторе.

Потому-то, когда у Фергюссона зародилась мысль совершить перелет через Африку, для Джо лично это было делом решенным, — какие тут могли быть препятствия! Раз доктор Фергюссон решил отправиться, — значит, он со своим верным Джо уже у цели! Хотя об этом не было разговора, но славный малый не сомневался в том, что без него путешествие состояться не может.

Конечно, благодаря своей сметливости и поразительной ловкости Джо должен был оказать во время такого путешествия незаменимые услуги. Если бы понадобился учитель гимнастики для самых прытких обезьян зоологического сада, то

Джо, несомненно, смог бы получить это место. Ему ничего не стоило прыгать, карабкаться и проделывать всевозможные гимнастические штуки.

DALEMPD

Джо.

Джо сопровождал своего хозяина уже во многих путешествиях и обладал кое-какими научными сведениями, усвоенными им, конечно, своеобразно. У него была собственная милая философия и очаровательный оптимизм: все представлялось ему легким, логичным и естественным, а потому он не знал, что такое жалобы или проклятия. Среди других достоинств Джо обладал удивительно хорошим, острым зрением. Подобно Местлину, учителю Кеплера, он был наделен редкой способностью видеть без увеличительного стекла спутников Юпитера и мог насчитать в созвездии Плеяд четырнадцать звезд (в то время как невооруженный человеческий глаз обыкновенно различает их не больше восьми).

При том безграничном доверии, которое Джо питал к доктору, естественно, между слугой и Кеннеди то и дело поднимались бесконечные споры по поводу готовящейся экспедиции.

Один был полон веры, другой — сомнений.

— Ну, мистер Кеннеди… — начинал Джо.

— Ну, милый Джо…

— Момент приближается: кажется, мы скоро направимся на луну, — продолжал Джо.

— Ты хочешь сказать — к Лунным горам? Это, знаешь, не так далеко, как луна, но, будь уверен, не менее опасно.

— Опасно! Что вы! С таким человеком, как доктор Фергюссон!

— Мне не хочется разбивать твоих иллюзий, милый Джо, но должен сказать, что намерение доктора просто безумно. Впрочем, он никуда не отправится.

— Не отправится? Так вы, значит, не видели его воздушного шара в мастерских Митшеля в Бару?

— Очень нужно мне его видеть!

— Лишаетесь, сэр, прекрасного зрелища. Какое это чудесное сооружение!. Что за изящный вид! Как прелестна корзина! Воображаю, до чего удобно нам будет в ней.

— А ты, значит, серьезно думаешь отправиться со своим доктором?

— Я? Да я всюду отправлюсь с ним, куда бы он только ни захотел поехать, — с решительным видом ответил Джо. — Не хватало бы еще, чтобы я отпустил его одного, после того как мы с ним вместе объездили весь свет! А кто же его поддержит, когда он устанет? На чью сильную руку обопрется он, когда ему надо будет перескочить через пропасть? А заболей он, кто станет за ним

ухаживать?.. Нет, мистер Дик, Джо всегда будет на своем посту при докторе Фергюссоне, или, вернее сказать, подле него.

— Славный ты малый, Джо!

— Но ведь и вы едете с нами, — заявил славный малый.

— Конечно, — отозвался Кеннеди, — то есть я буду сопровождать вас, чтобы до последней минуты мешать Самуэлю осуществить задуманное им безумие. Да, я буду следовать за ним даже до самого Занзибара, чтобы дружеской рукой остановить выполнение его проекта.

— Позвольте вам сказать, мистер Кеннеди, что вы ровно ничего не можете остановить! Доктор Фергюссон не какой-нибудь сумасброд. Он, раньше чем что-нибудь предпринять, долго это обдумывает. Но раз уж он решил что-нибудь, сам дьявол не может заставить его отступить.

— Ну, это мы еще посмотрим! — бросил шотландец.

— Не тешьте себя, мистер Кеннеди, этой напрасной надеждой. Впрочем, самое важное — чтобы вы поехали. Для такого охотника, как вы, Африка — страна чудесная, и как бы там ни было, а вы не пожалеете, что отправились туда.

— Конечно, не пожалею, особенно, когда этот

упрямец сдастся перед очевидностью безумия своей затеи.

— А кстати, — прибавил Джо, — вы знаете, что сегодня предстоит взвешивание?

— Какое взвешивание?

— Да вот должны быть взвешены все трое: доктор, вы и я.

— Как жокеи!

— Да, как жокеи. Только успокойтесь: если вы окажетесь слишком тяжелым, вас не заставят худеть, — таким, как вы есть, и заберут.

— Уж, конечно, себя-то я не позволю взвешивать, — уверенно сказал шотландец.

— Но, сэр, это, по видимому, необходимо для шара доктора.

— Ну, что ж! Значит, его шару придется без этого обойтись.

— Нет, уж извините! Что же, в самом деле, получится, если из-за неверных вычислений мы не сможем подняться?

— Чорт возьми! Этого только ведь я и хочу!

— Да что вы, мистер Кеннеди! Доктор сейчас придет за нами.

— Я не пойду.

— Вы не захотите доставить ему такую неприятность.

— А вот и доставлю!

— Ладно! — смеясь, воскликнул Джо. — Только знаете, вы говорите это потому, что его здесь нет, а стоит ему сказать вам (уж простите мою дерзость): «Дик, мне необходимо узнать твой точный вес», — и вы, ручаюсь, сейчас же беспрекословно отправитесь на весы.

— Нет, не пойду!

В этот момент Фергюссон вошел в свой кабинет, где происходил весь это? разговор.

— Дик, — проговорил доктор, — и ты и Джо пойдемте-ка со мной. Мне надо знать точно вес вас обоих.

— Но… — начал было Кеннеди.

— Ты при взвешивании можешь не снимать своей шляпы. Идем же, — перебил его доктор.

И Кеннеди покорно пошел за ним.

Все трое отправились в мастерские Митшеля, где были приготовлены так называемые десятичные весы. Доктору Фергюссону для установления подъемной силы воздушного шара действительно надо было знать вес своих спутников. И он заставил Дика стать на площадку весов. Тот не противился, а только бормотал про себя:

— Хорошо, хорошо! Но ведь это ни к чему не обязывает.

— Сто пятьдесят три фунта, — объявил доктор, занося эту цифру в свою записную книжку.

— Что, я слишком тяжел?

— Да нет, мистер Кеннеди, — успокоил его Джо. — К тому же я очень легок, вот мы и уравновесим друг друга.

Говоря это, Джо занял на весах место охотника, и так стремительно это сделал, что едва не перевернул их. Тут славный малый принял позу статуи Веллингтона, изображенного в виде Ахилла, при входе в Гайд-парк. Джо был поистине великолепен, хотя ему и не хватало щита!

— Сто двадцать фунтов, — снова записал доктор.

— Э-ге-ге… — проговорил Джо, радостно улыбаясь, сам не зная чему.

— Теперь моя очередь, — сказал Фергюссон и занес в записную книжку свой вес: сто тридцать пять фунтов. — Все трое мы весим немногим больше четырехсот фунтов, — заявил он.

— Но, сэр, если только это нужно для вашей экспедиции, то мне ничего не стоит похудеть на двадцать фунтов, придется только поголодать, — обратился Джо к доктору.

— Это лишнее, мой милый. Можешь есть сколько угодно.

ГЛАВА VII

Геометрические размеры воздушного шара. — Вычисления его подъемной силы. — Две его оболочки. — Корзина. — Таинственный аппарат. — Запасы провизии. — Окончательные вычисления.

Доктор Фергюссон уже немало времени был занят обдумыванием всех подробностей своей экспедиции. Понятно, что воздушный шар — это чудесное средство передвижения по воздуху — особенно неотступно занимал его мысли.

Прежде всего, не желая делать оболочку своего шара слишком больших размеров, он решил наполнить ее водородом, который в четырнадцать с половиной раз легче воздуха. Добывание этого газа особых трудностей не представляет, и именно с ним при воздухоплавательных опытах достигнуты наилучшие результаты. После самого тщательного подсчета Фергюссон пришел к заключению, что сам воздушный шар и все в нем содержимое должны весить четыре тысячи английских фунтов (две тысячи килограммов). Вслед за этим надо было подсчитать подъемную

силу, нужную для этой нагрузки, и, исходя из нее, определить емкость шара. Вся нагрузка в четыре тысячи фунтов равняется весу сорока четырех тысяч восьмисот сорока семи кубических футов воздуха, так как сорок четыре тысячи восемьсот сорок семь кубических футов воздуха именно и весят примерно четыре тысячи фунтов.

Дав шаровой оболочке емкость в сорок четыре тысячи восемьсот сорок семь кубических футов (то есть тысяча шестьсот шестьдесят один кубический метр) и наполнив ее вместо воздуха водородом, который в четырнадцать с половиной раз легче и потому в этом объеме весит всего двести семьдесят шесть фунтов, мы нарушим равновесие шара на три тысячи семьсот двадцать четыре фунта, получив, так сказать, разницу в весе. Эта-то разница между весом вытесняемого воздуха и весом содержащегося в оболочке газа и составляет подъемную силу шара.

Но если, как только что это было сказано, ввести в воздушный шар сорок четыре тысячи восемьсот сорок семь кубических футов (тысячу шестьсот шестьдесят один кубический метр) газа, то оболочка его окажется совершенно наполненной, а этого не должно быть, ибо, по мере того как шар поднимается в менее плотные слои воздуха,

газ, заключенный в оболочке, стремится расшириться и может разорвать оболочку. Поэтому-то обыкновенно шар наполняют всего на две трети. Доктор же, в силу каких-то своих, только ему одному известных соображений, решил наполнить шар лишь наполовину, а так как нужно было с собой забрать сорок четыре тысячи восемьсот сорок семь кубических футов водорода, шару надо было дать емкость вдвое большую. Фергюссон придал своему шару удлиненную форму, считающуюся наилучшей, причем горизонтальный диаметр его равнялся пятидесяти футам, а вертикальный — семидесяти пяти. Таким образом получился сфероид, объемом приблизительно в девяносто тысяч кубических футов.

Если бы доктор мог пользоваться двумя шарами, то шансов на успех у него было бы больше. В самом деле, лопни вдруг в воздухе один из них, можно было бы, выбросив балласт, удержаться на другом. Но дело в том, что управлять двумя шарами очень трудно, ибо необходимо в обоих шарах сохранять одинаковую подъемную силу.

И вот Фергюссон, после долгих размышлений, сумел очень остроумно использовать преимущество двух шаров, устранив неудобства: он заказал две оболочки разных размеров и поместил их од-

ну в другую. Внешняя оболочка, вышеуказанного размера, заключала в себе меньшую, горизонтальный диаметр которой равнялся сорока пяти футам, а вертикальный — шестидесяти восьми. Объем этого внутреннего шара был только в шестьдесят семь тысяч кубических футов. Он должен был плавать в окружавшем его газе. Оба шара соединялись клапаном, дававшим возможность при надобности соединять их между собой.

Это расположение шаров представляло то преимущество, что если бы при спуске понадобилось выпустить газ, то можно было бы начать с большого шара и даже при необходимости совсем его опорожнить; в резерве нетронутым остался бы меньший шар. В случае же сильного ветра имелась возможность освободиться от внешней, ненужной, оболочки, и меньшая, наполненная газом, в состоянии была бы лучше выдержать напор ветра, чем большая, наполовину потерявшая газ.

Да и вообще при каком-нибудь злоключении — порвись, например, оболочка большого шара — меньшая оставалась бы в резерве. Обе оболочки были сделаны из плотной, крученого шелка, лионской тафты, пропитанной гуттаперчей. Это смоло-камедное вещество обладает абсолютной

непроницаемостью и не подвержено действию кислот и газов. У верхнего полюса шара, где сосредоточено почти все давление, тафта эта была положена вдвое.

Такая оболочка способна была сохранять газ любое время. Каждые девять квадратов этой оболочки весили полфунта, следовательно, вся оболочка внешнего шара, имевшая одиннадцать тысяч шестьсот квадратных футов, весила шестьсот пятьдесят фунтов. Оболочка же внутреннего шара, поверхность которого равнялась девяти тысячам двумстам квадратным футам, весила лишь пятьсот десять фунтов; таким образом, обе оболочки весили тысячу сто шестьдесят фунтов.

Сеть, которая должна была поддерживать корзину, была сплетена из чрезвычайно прочной пеньковой веревки. Что касается обоих клапанов, то на них было обращено столько внимания и забот, как если б дело шло о руле корабля.

Круглая корзина, имевшая в диаметре пятнадцать футов, была сделана из ивовых прутьев на легкой железной основе. К нижней ее части были приделаны эластичные рессоры, которые должны были смягчать толчки при спуске. Вес корзины вместе с сетью не превышал двухсот восьмидесяти фунтов.

Кроме того, доктор приказал сделать из листового железа, в две линии толщиной, четыре ящика. Они сообщались между собой трубками, снабженными кранами. К этим ящикам был присоединен змеевик двух дюймов в диаметре, оканчивавшийся двумя прямыми трубками, из которых одна была длиной в двадцать пять футов, а другая всего в пятнадцать.

Эти железные ящики были помещены в корзине таким образом, чтобы занимать как можно меньше места. Змеевик, который должен был быть приделан позже, уложили отдельно, равно как и очень сильную гальваническую батарею Бунзена. Весь этот аппарат был так искусно скомбинирован, что весил не больше семисот фунтов, включая сюда и двадцать пять галлонов воды в особом ящике.

Инструменты, предназначенные для путешествия, были следующие: два барометра, два термометра, два компаса, секстант, два хронометра, искусственный горизонт и альт-азимут[5] для наблюдения за далекими и недоступными

[5] Примечания: 5

Секстант — инструмент для измерения высот и расстояний. Искусственный горизонт — сосуд с ртутью, служащий для определения высоты с помощью секстанта. Альт-азимут — прибор для определения пунктов путем измерения углов в горизонтальной плоскости.

предметами.

Гринвичская обсерватория предложила свои услуги доктору Фергюссону, но он отказался от них, не собираясь заниматься физическими наблюдениями. Доктор хотел иметь лишь возможность ориентироваться и определять местонахождение главных рек, гор и городов.

Фергюссон запасся тремя надежными железными якорями, а также легкой прочной шелковой лестницей в пятьдесят футов длиной.

Он также вычислил очень точно вес съестных припасов, состоящих из чая, кофе, сахара, сухарей, солонины и пеммикана — препарата, содержащего в себе при незначительном объеме много питательных веществ. Помимо необходимого количества водки, доктор брал еще с собой два ящика питьевой воды, по двадцать два галлона каждый.

Потребление этих различных припасов должно было мало-помалу уменьшать нагрузку воздушного шара. Надо знать, что равновесие шара в воздухе чрезвычайно неустойчиво. Бывает достаточно самого незначительного уменьшения нагрузки шара, чтобы очень ощутительно изменить его положение. Доктор не забыл также ни тента, который должен был прикрывать корзину,

ни одеял, представлявших собой всю постель путешественников, ни охотничьих ружей с запасом пороха и пуль. Вот подсчет всего, находившегося на воздушном шаре:

Фергюссон	135	фунтов
Кеннеди	153	»
Джо	120	»
Внешняя оболочка	650	»
Внутренняя оболочка	510	»
Корзина и сеть	280	»
Якоря, инструменты, ружья, одеяла, тент, разная утварь	190	»
Солонина, пеммикан, сухари, чай, кофе, водка	386	»
Вода	400	»
Аппараты	700	»
Вес водорода	276	»
Баласт	200	»
	Всего 4 000 фунтов	

Таков был состав груза в четыре тысячи фунтов, который доктор Фергюссон предполагал взять с собой. Балласта «для самого непредвиденного случая», как говорил Фергюссон, — ибо благодаря своему аппарату вовсе не рассчитывал им пользоваться, — он брал всего двести фунтов.

ГЛАВА VIII

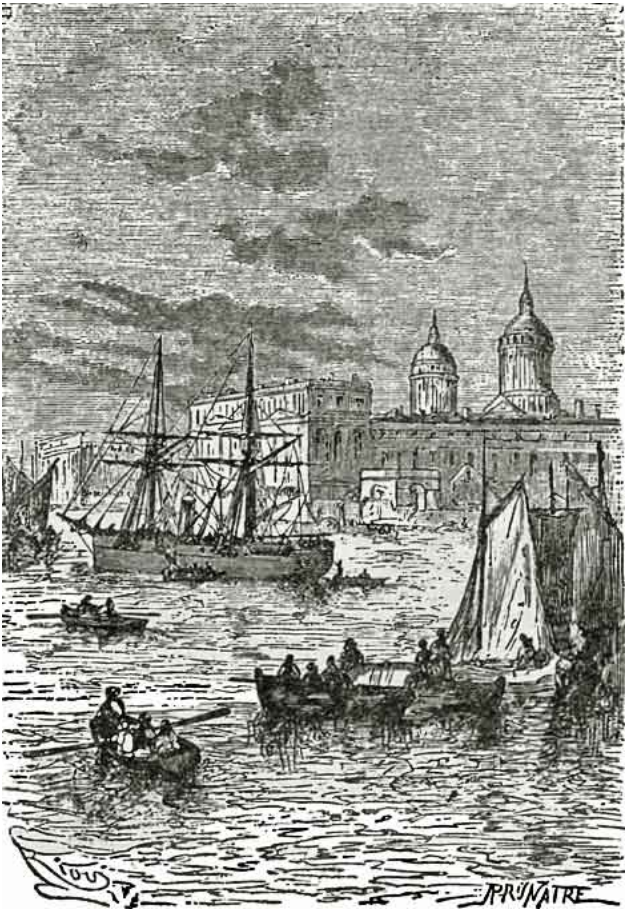
Джо преисполнен важности. — Командир транспорта «Решительный» Пеннет. — Погрузка. — Арсенал Кеннеди. — Прощальный обед. — Отплытие 21 февраля. — Научные беседы доктора в кают-компании. — Дюверье и Ливингстон. — Подробности предполагаемого воздушного путешествия. — Кеннеди вынужден молчать.

К 10 февраля все приготовления близились к концу. Оболочки обоих воздушных шаров были заключены одна в другую и подвергнуты сильному давлению нагнетенного в них воздуха. С честью выдержали они это испытание, показав, с какой тщательностью были изготовлены.

Джо от радости не чувствовал под собой ног. С видом озабоченным, «о сияющим он не переставая носился с Греческой улицы в мастерские Митшеля. Страшно гордый тем, что сопутствует своему доктору, Джо охотно давал всевозможные пояснения даже тем, кто его об этом и «е думал спрашивать. Кажется, тут славный малый даже заработал несколько полукрон, сообщая

слушателям идеи и планы доктора и давая им возможность взглянуть на воздушный шар в полуоткрытое окно мастерской. Но ставить это ему в вину никоим образом не следует, — он, несомненно, имел право немного поспекулировать на любопытстве и восхищении своих современников.

16 февраля транспорт «Решительный» бросил якорь у Гринвича. Это был винтовой пароход, водоизмещением в восемьсот тонн, с прекрасным ходом, побывавший с Джемсом Россом в его последней полярной экспедиции. Капитан «Решительного» Пеннет имел репутацию очень милого человека и с особенным интересом относился к путешествию доктора Фергюссона, которого, надо сказать, очень ценил с давних пор. Капитан Пеннет был скорее ученым, чем солдатом, что, однако, не мешало ему иметь на своем судне четыре пушки, правда, до сих пор не причинившие никому ни малейшего вреда и лишь производившие самый безобидный на свете шум.

PRINATRE

Транспорта «Решительный».

Трюм «Решительного» специально приспособили для помещения в нем воздушного шара, и 18 февраля днем он был переправлен туда со всевозможными предосторожностями. Корзина и снасти, якоря и веревки, съестные припасы, ящики для воды, которые должны были быть наполнены по прибытии на Занзибар, — все это было погружено под присмотром самого доктора Фергюссона.

Также было погружено десять бочек серной кислоты и десять бочек железного лома, нужных для добываиия из них водорода. Количество того и другого было больше, чем требовалось, но надо было иметь в виду возможность потерь. Части аппарата для добывания газа, размещенные в тридцати бочонках, уложили также на дно трюма.

Все эти приготовления закончились вечером 18 февраля. Доктору Фергюссону и его другу Кеннеди были предоставлены две комфортабельно обставленные каюты. Шотландец, продолжая клясться, что он ни за что на свете не двинется, тем не менее явился на «Решительный» с целым арсеналом оружия: двумя охотничьими ружья-

ми и превосходным карабином фабрики Мури и Диксон в Эдинбурге. С помощью этого самого замечательного своего карабина наш охотник мог свободно попасть на расстоянии двух тысяч метров в глаз серны. Для непредвиденных надобностей шотландец захватил еще с собой два шестизарядных револьвера Кольта; но все его оружие плюс пороховница, патронташ, дробь и пули, взятые в достаточном количестве, не превышали предельного веса, разрешенного ему Фергюссоном.

19 февраля днем трое наших путешественников прибыли на транспорт «Решительный» и были с большим почетом встречены его капитаном и офицерами. При этом у доктора Фергюссона, по обыкновению поглощенного мыслями о своей экспедиции, вид был довольно холодный, Кеннеди казался взволнованным больше, чем ему хотелось это показать, а Джо подпрыгивал и смешил всех. Надо сказать, что он не замедлил стать любимцем в каюте боцманов, где ему была отведена койка.

20 февраля Лондонское географическое общество дало доктору Фергюссону и Кеннеди парадный прощальный обед. На нем присутствовал также капитан Пеннет со своими офицерами.

Обед был очень оживленный, вино лилось рекой, и заздравные тосты провозглашались в таком количестве, что после них присутствующие смело могли рассчитывать на сто лет жизни. Председательствовал за обедом сэр Френсис М. Хотя и сильно взволнованный, он держал себя с полным достоинство.

К великому смущению Дика Кеннеди, на его долю выпало немало тостов. Выпив за здоровье «неустрашимого, славного сына Англии» Фергюссона, пили также за «его смелого товарища, не менее отважного Кеннеди». Дик был красен, как вареный рак, но это было принято за скромность, и аплодисменты только усилились, а шотландец стал еще краснее.

В полночь, после трогательных прощальных слов и горячих рукопожатий, присутствующие на обеде разъехались по домам.

В час ночи все на транспорте уже спали.

21 февраля, в три часа утра, были разведены пары, а в пять поднят якорь. Заработал винт, и «Решительный» двинулся к устью Темзы…

Нечего и говорить, что все разговоры на транспорте вертелись исключительно вокруг экспедиции доктора Фергюссона. Видеть и слышать этого человека было достаточно для того, чтобы

почувствовать к нему полнейшее доверие, и скоро ни один человек на «Решительном», кроме шотландца, не сомневался в полнейшем успехе его предприятия.

Во время долгих праздных часов морского путешествия доктор прочел в кают-компании для офицеров настоящий курс географии, и молодежь положительно была увлечена открытиями, сделанными в Африке за последние сорок лет. Доктор знакомил офицеров с исследованиями Барта, Бюртона, Спека, нарисовал им таинственную Африку, являвшуюся со всех сторон предметом научных изучений. На севере, рассказывал он, молодой Дюверье занимается исследованием Сахары и собирается везти в Париж предводителя туарегов. При содействии французского правительства снаряжаются две экспедиции, которые, одна выйдя с севера, а другая с востока, должны встретиться в Тимбукту. На юге неутомимый Ливингстон все подвигается к экватору вместе с Макензи вверх по реке Ровоониа. Вообще Фергюссон был убежден, что девятнадцатый век не закончится без того, чтобы Африка не открыла своих тайн, в которые люди не могли проникнуть целых шесть тысяч лет.

Особенно заинтересовали офицеров подроб-

ности приготовления Фергюссона к его путешествию. Им захотелось даже проверить его вычисления. По этому поводу между молодежью возникли споры, в которых доктор охотно принимал участие.

Больше всего удивляло офицеров то сравнительно небольшое количество припасов, которое доктор решил взять с собой. Однажды один из них заговорил об этом с Фергюссоном.

— Это вас удивляет? — спросил доктор.

— Конечно.

— А сколько, вы считаете, может продлиться мое путешествие? Пожалуй, вы думаете — целые месяцы? Глубоко ошибаетесь. Если бы путешествие затянулось, это значило бы, что мы погибли, не достигнув цели. Да будет вам известно, что от Занзибара до сенегальского берега не больше трех с половиной тысяч миль, ну, предположим даже — все четыре тысячи. И вот, делая по двести сорок миль в двенадцать часов — это, заметьте, меньше скорости наших поездов, — нам, путешествующим безостановочно днем и ночью, для того чтобы пролететь всю Африку, будет достаточно и одной недели.

— Но в таком случае вы ничего не увидите, не сделаете никаких географических снимков,

вообще совсем не обследуете страны, — возразил офицер.

— Вам надо иметь в виду, — ответил доктор, — что раз я хозяин моего воздушного шара и по своему желанию поднимаюсь и снижаюсь, то я могу сделать остановку, где мне заблагорассудится, особенно, когда мне будут угрожать слишком сильные воздушные течения.

— А вы с ними, несомненно, встретитесь, — вмешался в разговор капитан Пеннет: — ведь, знаете, там бывают ураганы, несущиеся со скоростью более двухсот сорока миль в час.

— Ну, вот видите, при такой скорости можно перелететь всю Африку в каких-нибудь двенадцать часов, — проговорил, улыбаясь, доктор: — проснуться на Занзибаре, а заснуть в Сен-Луи.

— Но разве воздушный шар может быть унесен ветром с такой скоростью? — спросил другой офицер.

— Конечно, может. Подобный случай произошел при коронации Наполеона в 1804 году. Аэронавт Гарнерин выпустил тогда из Парижа в одиннадцать часов вечера воздушный шар с такой надписью: «Париж 25 фримера XIII года. Коронование императора Наполеона его святейшеством Пием VII». На следующее утро, в пять

часов, жители Рима видели, как этот самый шар парил над Ватиканом, затем он пронесся над Римской областью и упал в озеро Браччиано. Как видите, воздушный шар в состоянии выдержать подобную скорость.

— Воздушный шар — да, но человек? — отважился спросить Кеннеди.

— Человек тоже может выдержать это по той простой причине, что воздушный шар всегда неподвижен по отношению к окружающему его воздуху. Ведь движется не самый шар, а вся масса воздуха. Попробуйте зажечь в корзине вашего воздушного шара свечу, и вы увидите, что пламя ее не будет даже колебаться. И аэронавт, поднявшийся на воздушном шаре Гарнерина, нисколько не пострадал бы от быстроты этого полета. Впрочем, я вовсе не намерен испробовать подобную скорость, и если я смогу зацепиться за какое-нибудь дерево или неровность почвы, то, поверьте, не премину это сделать. К тому же, мы берем с собой продовольствия на два месяца. А еще надо сказать, когда мы будем приземляться, ничто не помешает нашему искусному охотнику снабжать нас в изобилии дичью.

— Ну, и раздолье же будет для вас, мистер Кеннеди! — воскликнул один юный мичман, с

завистью поглядывая на охотника.

— Да плюс к этому будет еще слава, — заметил другой офицер.

— Господа, — ответил шотландец, — поверьте, я очень тронут вашими комплиментами… но… знаете… не имею права их принять…

— Как? — раздалось со всех сторон. — Разве вы не полетите?

— Нет, не полечу.

— Так вы не будете сопровождать доктора Фергюсссна?

— Не только не буду сопровождать его, но и отправился я с вами единственно для того, чтобы удержать его от этого в последнюю минуту.

Все посмотрели на доктора.

— Не слушайте его, — проговорил Фергюссон своим обычным спокойным тоном. — Это вопрос, о котором с ним не надо препираться. А в сущности, он прекрасно знает, что полетит.

— Клянусь чем хотите! — закричал Кеннеди. — Уверяю…

— Лучше не клянись, дорогой мой Дик. Ты вымерен, взвешен, и не только ты сам, но и твой порох, и твои ружья, и твои пули… так что об этом и говорить не стоит.

И правда, с этого момента до самого прибытия

на Занзибар Дик больше не заикнулся относительно этого вопроса. Да и вообще он ни о чем не говорил. Просто молчал.

ГЛАВА IX

«Решительный» огибает мыс Доброй Надежды. — На баке. — Курс космографии «профессора» Джо. — Управление воздушными шарами. — Исследование воздушных течений. — Открытие, сделанное доктором Ферг-юссоном.

«Решительный» быстро несся к мысу Доброй Надежды. Погода держалась чудесная, хотя море и начинало волноваться.

Через двадцать семь дней после отплытия из Лондона на горизонте показалась Столовая гора. В подзорную трубу можно было уже видеть город Кан, расположенный среди амфитеатра холмов, и вскоре «Решительный» бросил якорь в его порту. Капитан зашел сюда только для возобновления запаса угля, на что потребовался всего один день. На следующее утро «Решительный» направился к югу, чтобы, обогнув южную оконечность Африки, войти в Мозамбикский пролив.

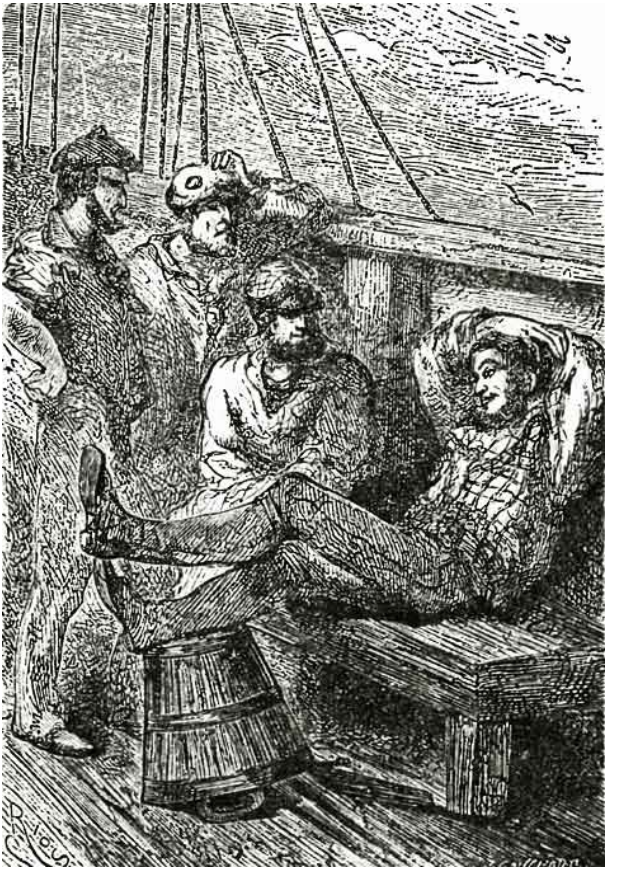
Джо не впервые путешествовал по морю, и он сразу на судне почувствовал себя, как дома. Прямодушие и веселость славного малого распо-

ложили к нему все сердца. К тому же, на нем как бы отражалась слава его доктора. Слушали его, как оракула, и, по правде сказать, ошибался он не больше других.

И вот, в то время как доктор в кают-компании читал свой курс географии офицерам, Джо царил на баке[6] и по-своему излагал историю, в чем, впрочем, он только следовал примеру величайших историков всех времен.

[6] Примечания: 6

Бак — место на носу корабля, где часто сходится свободная от службы команда.

«Профессор» Джо читает свой курс космографии.

Естественно, что и на баке разговоры все больше вертелись вокруг воздушного путешествия. На первых порах Джо трудно было убедить некоторых упрямцев, что такое путешествие вообще возможно, но раз ему это удалось, воображение матросов так разыгралось, что всё уже казалось им нипочем.

Увлекшийся рассказчик уверял своих слушателей, что за этим воздушным путешествием, конечно, последует немало других. Это только, уверял он, начало целой серии сверхчеловеческих предприятий.

— Видите ли, друзья мои, — говорил он, — когда испробуешь такой способ передвижения, без него уже трудно обойтись. И когда в следующий раз мы полетим, то уже не будем держаться над землей, а станем забирать все вверх.

— Вот как! Значит, прямо на луну отправитесь! — с восторгом воскликнул один из слушателей.

— Очень нам нужно на луну! — с негодованием возразил Джо. — Это уж слишком просто, каждый может там побывать. К тому же, на луне и воды

нет, приходится с собой тащить огромное количество ее. Да еще надо прихватить и бутылки с воздухом, чтобы было чем дышать.

— Пусть так! Но скажи: быть может, там имеется джин? — спросил один из матросов, большой любитель этого напитка.

— И джина там, мой милый, не найдешь. Нет, зачем же на луну? Мы лучше полетим на те прелестные планеты, о которых не раз рассказывал мне мой доктор. И начнем мы наше путешествие, скажем, с Сатурна…

— Это с того, что с кольцом? — спросил квартирмейстер.

— Верно, у него есть обручальное кольца, только неизвестно, куда девалась его жена.

— Но как же вы можете полететь так высоко? — воскликнул пораженный юнга. — Видно, ваш доктор сам дьявол.

— Ну, и скажешь — дьявол! Он слишком добр для этого.

— А куда же вы полетите после Сатурна? — поинтересовался самый нетерпеливый из слушателей.

— После Сатурна? Да побываем на Юпитере. Удивительная страна, доложу я вам. Там день продолжается всего девять с половиной часов,

что очень хорошо для лентяев, а год — длиною в наших двенадцать. Это, пожалуй, выгодно для людей, которым осталось жить каких-нибудь пол-года, — порядочно-таки продлит их существование.

— Один год — наших двенадцать? — переспросил юнга.

— Да, дружок, ты там сосал бы еще свою соску, а тот вот дяденька, которому под пятьдесят, был бы теперь мальчуганом четырех с половиною лет.

— Ну, это уж совсем невероятно! — в один голос закричали все присутствующие на баке.

— Истинная правда, — настаивал Джо. — Ну, посудите сами! Если станешь всё прозябать на этой земле, так, пожалуй, ничего не узнаешь и будешь не умнее морской свинки. А вот поживи ты маленько на Юпитере, тогда кое-что и увидишь. Да, «стати, скажу я вам: там надо держать ухо востро — у Юпитера ведь спутники далеко не тихого нрава.

Все на баке смеялись, но наполовину верили Джо. А он все продолжал свои рассказы: описывал планету Нептун, где так хорошо принимают моряков, затем уверял, что на Марсе главную роль играют военные, что, в конце концов, может даже раздражать. На Меркурии же, — препротив-

ном месте, по его словам, — живут только одни купцы да воры, и те и другие так похожи друг на друга, что их и не отличишь.

— Когда же мы вернемся из этой нашей экспедиции, — заявил весельчак, — нам, знаете, дадут орден Южного Креста: вон он там блестит в петличке доброго бога…

— И это будет вами вполне заслужено, — в один голос заявили матросы.

Вот, примерно, в таких оживленных разговорах и проходили вечера на баке. А в это же время в кают-компании шли своим чередом научные беседы доктора Фергюссона с офицерами.

Однажды разговор коснулся способа управления воздушным шаром, и Фергюссона попросили высказаться по этому вопросу.

— Не думаю, — начал доктор, — чтобы когда-нибудь возможно было управлять воздушным шаром. Мне известны все испробованные и предлагаемые способы, — ни один из них не имел успеха, и ни один, мне кажется, не пригоден. Вы, господа, конечно, прекрасно понимаете, что я должен был серьезно заняться этим вопросом, представляющим для меня такой интерес, но я не был в силах, с имеющимися в данное время сведениями по механике, его разрешить. Для этого

надо было бы изобрести двигатель необыкновенной силы и невероятной легкости. И при всем этом нельзя было бы противостоять сколько-нибудь значительным воздушным течениям. Надо сказать, что до сих пор занимались вопросом управления корзиной, а не самим шаром. И это было, по-моему, ошибкой.

— Между тем, — заметил кто-то из присутствующих, — есть много общего между воздушным шаром и судном, а им, однако, легко можно управлять.

— Да нет же, — ответил Фергюссон, — общего тут чрезвычайно мало или совсем нет. Воздух гораздо менее плотен, чем вода, в которую судно погружено ведь только до половины, в то время как воздушный шар весь плавает в атмосфере н остается неподвижным по отношению к окружающей его среде.

— Так вы думаете, доктор, что наука воздухоплавания сказала уже свое последнее слово? — спросил собеседник.

— Нет! Конечно, нет! Нужно искать иного выхода. Если нельзя управлять воздушным шаром, то надо стремиться уметь удержать его в благоприятных воздушных течениях. По мере того как вы поднимаетесь ввысь, воздушные течения

делаются гораздо ровнее и постояннее в своих направлениях. Там, в вышине, на них не оказывают уже влияния долины и горы, бороздящие поверхность земного шара. В этом-то, как известно, главная причина изменения направления ветров и их силы. И вот, когда атмосферные зоны будут изучены, воздушному шару можно будет держаться в наиболее благоприятных из них.

— Но тогда, чтобы попасть в эти благоприятные зоны, придется беспрестанно то подниматься, то опускаться, — заметил капитан Пен-нет. — А именно в этом, дорогой доктор, я и вижу настоящую трудность.

— Почему же, дорогой капитан?

— Да потому, что это поднимание и опускание, не являясь большим препятствием для простых воздушных прогулок, может быть очень затруднительным при продолжительных путешествиях.

— Объясните, пожалуйста, капитан, почему вам это кажется?

— По той простой причине, что воздушный шар может подниматься только при сбрасывании балласта и снижаться благодаря выпусканию газа. А при таких условиях ваш запас балласта и газа скоро будет исчерпан.

— В этом-то, конечно, весь вопрос, дорогой мой Пеннет. Это единственное затруднение, которое наука должна преодолеть. Дело не в том, чтобы управлять воздушным шаром, а в том, чтобы заставить его подниматься и опускаться без затраты газа, являющегося, если можно так выразиться, его силой, кровью, душой.

— Вы правы, дорогой доктор, но эта задача еще не решена, способ этот еще не найден.

— Простите, способ этот уже найден.

— Кем?

— Мною!

— Вами?

— Вы сами прекрасно понимаете, что, не будь этого, я не рискнул бы предпринять на воздушном шаре этот перелет через Африку, — ведь иначе в течение каких-нибудь суток мой газ совсем истощился бы.

— Но в Англии вы об этом не сказали ни слова.

— Да, я не хотел, чтобы по поводу моего открытия велись публичные дебаты. Это было бы совершенно излишне. Я тайно производил подготовительные опыты, и они меня вполне удовлетворили. А я не считал себя обязанным кого-либо об этом осведомлять.

— Ну, что ж, дорогой Фергюссон, можно просить

вас открыть нам вашу тайну?

— Сейчас сообщу вам ее, господа. Способ мой очень прост.

Любопытство всех присутствующих было возбуждено до высшей степени. И доктор Фергюссон самым спокойным тоном начал излагать следующее.

ГЛАВА X

Предшествующие попытки подъема и спуска на воздушном шаре. — Пять докторских ящиков. — Горелка. — Калорифер. — Способ применения. — Верный успех.

— Не раз уж пытались подниматься и снижаться на воздушном шаре без затраты газа и сбрасывания балласта. Французский аэронавт Менье стремился этого достигнуть, нагнетая сжатый воздух в оболочку шара. Бельгийский доктор Ван-Гекке тоже пробовал сделать это при помощи крыльев и лопастей, развивавших вертикальное движение. Но в большинстве случаев этой силы было недостаточно. Вообще результаты опытов Менье и Ван-Гекке были совершенно ничтожны. И я решил подойти к этому вопросу посмелее. Начать с того, что я совершенно изъял из употребления балласт, кроме крайних, экстренных случаев, как, например, авария аппарата или необходимость моментально подняться, чтобы избежать какой-нибудь непредвиденной опасности. Мой способ подъема и снижения воздушного шара основан на расширении и сжатии газа, на-

ходящегося в оболочке, посредством изменения его температуры. И вот как л этого достигаю. На ваших глазах погрузили на этот транспорт вместе с корзиной несколько ящиков, назначение которых вам было неизвестно. Этих ящиков всего пять.

Первый из них содержит около двадцати пяти галлонов воды, к которой я прибавляю несколько капель серной кислоты для увеличения ее электропроводимости. Затем эту воду я химически разлагаю с помощью сильной бунзеновской батареи. Вода, как вы знаете, состоит из двух частей водорода и одной части кислорода. Кислород под действием электробатареи поступает с ее положительного полюса во второй ящик. Третий ящик, вдвое большего размера, помещенный над вторым ящиком, принимает в себя водород, получаемый с отрицательного полюса батареи. При помощи кранов, из которых у одного отверстие вдвое больше, чем у другого, эти два ящика соединяются с четвертым, который называется смесительным ящиком. Здесь действительно смешиваются оба газа, получившиеся от разложения воды. Емкость смесительного ящика — около сорока одного кубического фута.

В верхней части этого ящика помещается пла-

тиновая трубка, снабженная краном.

Вы уже, конечно, догадались, господа, что описываемый мною аппарат есть не что иное, как кислородно-водородная горелка (паяльная трубка), температура которой выше температуры кузнечного горна.

Теперь я перехожу к описанию второй части моего аппарата.

Из нижней части герметически закрытого шара на небольшом расстоянии друг от друга выходят две трубки. Одна трубка доходит до верхних слоев водорода в шаре, другая — до нижних. Обе трубки снабжены в нескольких местах каучуковыми сочленениями, позволяющими им выдерживать колебания воздушного шара. Эти две трубки спускаются в корзину и входят в железный ящик цилиндрической формы, который называется ящиком нагрева… Этот ящик закрыт снизу и сверху двумя дисками из того же металла, что и ящик. Трубка, идущая из нижней части шара, входит в этот цилиндрический ящик через нижний его диск и внутри его принимает форму змеевика, кольца которого, расположенные одно над другим, занимают всю высоту ящика. Прежде чем выйти из ящика, спиральная трубка входит в маленький конус, вогнутое основание которого,

имеющее форму сферического колпачка, обращено книзу. Из вершины этого конуса выходит другая трубка, которая, как я уже упоминал, идет в верхние слои водорода в шаре. Сферический колпачок маленького конуса сделан из платины, чтобы он не расплавился от высокой температуры горелки. А горелка эта помещается на дне ящика нагрева, посреди спиралей змеевика, так, что верхняя часть пламени слегка касается платинового колпачка.

Вы, без сомнения, знаете, что такое калорифер, предназначенный для отопления помещений, и вам известно, как он действует. Так вот: аппарат, который я вам только что описал, — в сущности, тот же калорифер.

И в самом деле, что же тут происходит? Когда горелка зажжена, водород, находящийся в змеевике и в вогнутом маленьком платиновом конусе, нагревается и быстро поднимается по трубке, ведущей в верхнюю часть шара. Образовавшаяся внизу пустота заполняется газом из нижней части шара. Газ тут также нагревается и, поднимаясь, пополняется вновь образовавшимся газом. Таким образом, по трубкам и змеевику происходит чрезвычайно (быстрое движение газа, который, выходя из шара, непрерывно нагрева-

ется и снова в него поступает. При нагревании на один градус газ расширяется на 1/480 своего объема. Если я повышу температуру на восемнадцать градусов, то водород, заключающийся в воздушном шаре, расширится на 18/480 своего объема, или на тысячу шестьсот семьдесят четыре кубических фута (около шестидесяти двух кубических метров); следовательно, растянувшаяся оболочка шара займет в воздухе объем больше прежнего тоже на тысячу шестьсот семьдесят четыре кубических фута, и это увеличит его подъемную силу на сто шестьдесят фунтов. Это равносильно выбрасыванию балласта такого же веса. Если я повышу температуру до ста восьмидесяти градусов (по Цельсию — сто градусов), то газ расширится на 180/480 своего первоначального объема, вытеснит шестнадцать тысяч семьсот сорок кубических футов воздуха, и подъемная сила шара увеличится на тысячу шестьсот фунтов.

Из сказанного вы понимаете, что я могу легко изменять условия статического равновесия моего воздушного шара. Объем его был рассчитан таким образом, что, наполненный наполовину, он вытесняет как раз такое количество воздуха, которое равно по весу самому шару, наполненному водородом, а также корзине с путешественни-

ками и всей ее нагрузкой. Наполненный таким образом шар держится в воздухе в строгом равновесии: он не поднимается и не снижается.

Чтобы подняться, я с помощью горелки довожу газ в шаре до температуры более высокой, чем температура окружающего воздуха. Вследствие нагревания газ расширяется, шар увеличивается в объеме и поднимается тем выше, чем больше я нагреваю водород. Снижение достигается естественным образом путем понижения температуры в горелке, когда газ внутри шара постепенно охлаждается. Вообще же подъем шара должен происходить, конечно, гораздо скорее, чем его снижение. И это очень благоприятное обстоятельство: надобности в быстром снижении у меня никогда не будет, и, наоборот, очень быстрым подъемом я могу избежать разных осложнений. Опасность ведь не вверху, а внизу.

Впрочем, как я уже говорил вам, у меня есть некоторое количество балласта, который в случае экстренной надобности может дать возможность подняться еще скорее. Клапан, находящийся на верхнем полюсе шара, является только предохранительным клапаном. Воздушный шар неизменно содержит одно и то же количество водорода. Подъем и снижение, повторяю, происходят толь-

ко благодаря изменению его температуры.

А теперь, господа, я хочу сообщить вам еще одну подробность: при сгорании водорода и кислорода на конце горелки получаются водяные пары; поэтому я снабдил нижнюю часть цилиндрического ящика трубкой с клапаном, действующим при давлении в две атмосферы; следовательно, когда пар достигает такого давления, он сам автоматически выходит наружу.

Наконец, познакомлю вас с самыми точными цифровыми данными: двадцать пять галлонов воды, разложенные на свои составные части, дают двести фунтов кислорода и двадцать пять фунтов водорода. При нормальном атмосферном давлении это составляет тысячу восемьсот девяносто кубических футов первого и три тысячи семьсот восемьдесят кубических футов второго, итого смеси пять тысяч шестьсот семьдесят кубических футов. Моя горелка расходует в час при совершенно открытом кране двадцать семь кубических футов смеси, давая пламя по крайней мере в шесть раз сильнее пламени больших горелок светильного газа. Держась же на незначительной высоте, я сожгу в среднем не более девяти кубических футов в час. Значит, двадцать пять галлонов воды мне хватит на шестьсот тридцать часов

воздушного плавания, что составляет немногим больше двадцати шести дней.

А так как я по своему желанию в состоянии спускаться на землю и возобновлять свой запас воды, то мое путешествие может продолжаться сколько угодно.

Вот вам и вся моя тайна, господа. Она очень проста, и потому я уверен в успехе. Мой способ, основанный на расширении и сжатии газа, как видите, исключает надобность и в громоздких крыльях и в механических двигателях. Калорифер, с помощью которого я изменяю температуру, и горелка для его нагревания удобны и мало весят.

Итак, я думаю, что у меня имеются все нужные. условия для успеха.

Этой фразой закончил доктор Ферпоссон свою речь, вызвавшую самые горячие, искренние аплодисменты. Тут нельзя было сделать ни единого возражения: все было обдумано и предусмотрено.

— Но все-таки, — заметил капитан, — это дело опасное.

— Что из этого, раз оно выполнимо1 — ответил Фергюссон.

ГЛАВА XI

Прибытие на Занзибар. — Английский консул. — Враждебное отношение туземцев. — Остров Кумбени. — «Вызывате-ли дождя». — Наполнение воздушного шара. — Старт 18 апреля. — «Виктория».

Благодаря попутным ветрам «Решительный» шел ускоренным ходом. В Мозамбикском проливе погода была особенно благоприятна. Удачный морской переход как бы предсказывал успех и воздушному перелету. Каждый жаждал поскорее добраться до Занзибара и там помочь чем только возможно доктору Фергюссону в его последних приготовлениях к перелету.

Наконец показался город Занзибар, расположенный на острове того же имени, и 15 апреля, в одиннадцать часов утра, «Решительный» бросил якорь в его гавани.

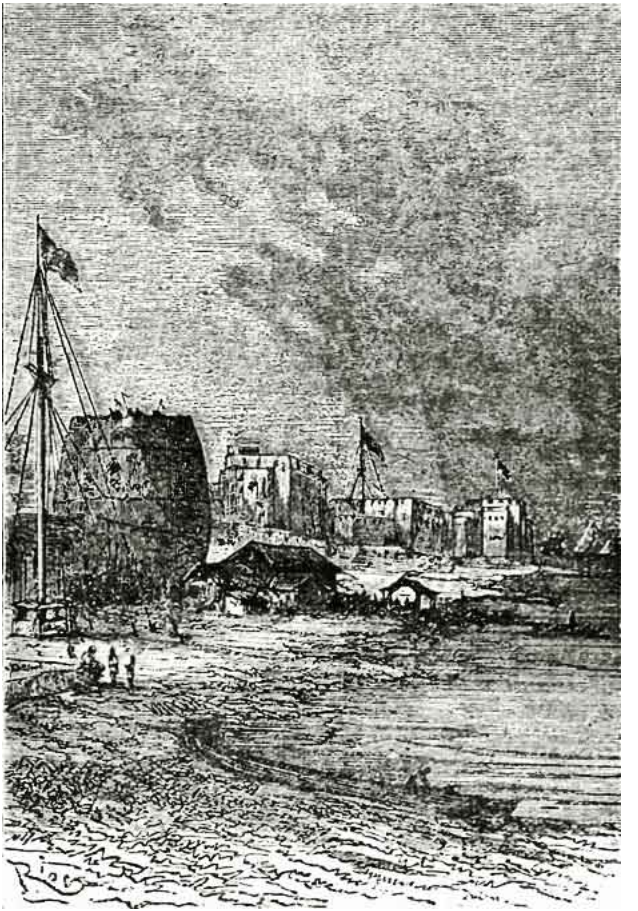
Остров Занзибар является владением имама маскатского, союзника Франции и Англии. Гавань его посещается множеством кораблей соседних стран.

Остров отделен от африканского материка

только проливом шириной не более тридцати миль.

Занзибар ведет обширную торговлю камедью, слоновой костью, черным, эбеновым деревом. Кроме того, он является крупным рынком невольников. Сюда свозятся все пленники, захваченные в боях, а бои эти не прекращаются, ибо вожди внутренних африканских племен беспрестанно воюют между собой.

Не успел «Решительный» пришвартоваться в занзибарской гавани, как на нем появился английский консул с предложением своих услуг доктору Фергюссону. Уже целый месяц он благодаря европейским газетам был осведомлен о проектирующемся перелете, но до сих пор состоял в многочисленных рядах людей, скептически относящихся к самой возможности осуществления подобного плана.

Порт города Занзибара.

— Я сомневался, — заявил консул, протягивая руку Самуэлю Фергюссону, — но теперь, при виде вас, все мои сомнения исчезли.

И он тут же пригласил к себе в дом доктора, Дика Кеннеди и, конечно, милейшего Джо.

Консул был так любезен, что познакомил доктора с целым рядом писем капитана Спека, и Фергюссон узнал из них, что капитан и его спутники претерпели страшные муки и от голода и от непогоды, прежде чем добрались до страны Угого. Теперь же, как видно, они принуждены были подвигаться чрезвычайно медленно, встречая на пути беспрестанные затруднения. В последнем письме Спека упоминалось о том, что вряд ли они в ближайшее время смогут дать знать о себе.

— Вот те опасности и лишения, каких мы сумеем избегнуть, — заметил доктор.

Багаж трех путешественников был отправлен в дом консула. Воздушный шар собирались выгрузить на занзибарском берегу, где у сигнальной мачты для него было выбрано очень удобное место позади огромного здания, которое защищало бы его от восточных ветров. Но незадолго до предполагаемой выгрузки шара консул был

извещен о том, что туземное население намерено силой воспрепятствовать этому. Негры почему-то усмотрели в этом полете что-то враждебное их религии. Они вообразили, что замышляется какое-то зло против солнца и луны. А так как оба светила являются предметами поклонения у африканских народов, то и было решено силой противиться нечестивой экспедиции.

Узнав о таких настроениях туземцев, консул сообщил о них доктору Фергюссону и капитану Пеннету. Капитан ни за что не хотел отступать перед угрозами, но новый его друг, доктор, разубедил его в этом.

— Конечно, в конце концов нам удалось бы выгрузить шар, — сказал Фергюссон, — и гарнизон имама даже оказал бы нам в этом содействие, но знаете, дорогой капитан, порой для несчастного случая довольно мгновения. Какой-нибудь злостный удар — и шару нанесен непоправимый вред, а наше путешествие сорвано. Нет, тут надо действовать очень осмотрительно.

— Но как же быть? — недоумевал Пеннет. — Если мы высадимся на африканском берегу, то там тоже встретимся с теми же трудностями. Что же делать?

— Ничего не может быть проще, — заявил

консул. — Взгляните вон на те островки, расположенные за гаванью. Выгрузите ваш шар на одном из этих островков, окружите его цепью матросов, и он будет в полной безопасности.

— Великолепно! — воскликнул Фергюссон. — Там же удобно будет и произвести последние наши приготовления.

Капитан согласился, что проект этот благоразумен, и вскоре «Решительный» подошел к островку Кумбени.

Утром 16 апреля шар был благополучно выгружен на лужайку среди леса. Здесь на расстоянии восьмидесяти футов были вбиты два столба вышиной также в восемьдесят футов. На столбах была установлена система блоков, благодаря которой с помощью поперечного каната и был поднят шар. Пока он был совершенно пуст. Внутренняя оболочка, соединенная с внешней, была поднята одновременно.

К нижней части оболочки были прикреплены трубки, через которые должен был поступать водород.

День 17 апреля прошел в установке аппарата для добывания водорода. Он состоял из тридцати бочек, в которых происходило разложение воды с помощью железного лама и серной кислоты.

Полученный водород, очистившись от примесей, поступал в большую, находящуюся в центре бочку, откуда и направлялся по двум трубам в оболочку. Таким образом, каждая из оболочек наполнялась строго определенным количеством газа. Для этой операции потребовалось тысяча восемьсот шестьдесят шесть галлонов (три тысячи двести пятьдесят литров) серной кислоты, шестнадцать тысяч пятьдесят фунтов (больше восьми тонн) железного лома и девятьсот шестьдесят шесть галлонов (около сорока одной тысячи двухсот пятидесяти литров) воды.

Наполнение оболочек газом началось около трех часов утра и длилось почти восемь часов. За час до полудня воздушный шар, одетый в сетку, грациозно покачивался над своей корзиной, удерживаемый большим количеством мешков с землей. С особой тщательностью был установлен изобретенный Фергюссоном аппарат для расширения газа и прилажены в цилиндрическом ящике нагрева трубки, сообщающиеся с обеими оболочками.

Якоря, веревки, инструменты, походные одеяла, тент, съестные припасы, оружие — все было размещено в корзине на заранее намеченных для этого местах. Вода запасена была еще в Зан-

зибаре. Двести фунтов балласта в виде песка, помещавшегося в пятидесяти мешочках, также было уложено на дно корзины так, чтобы он всегда был под рукой. К пяти часам вечера все эти приготовления были закончены. Пока шла работа, вдоль всего берега островка стояли часовые, а шлюпки с «Решительного» курсировали по проливу.

Туземцы проявляли свою злобу дикими криками, гримасами и кривлянием. Жрецы носились среди толпы, еще больше разжигая ее фанатизм. Некоторые из самых рьяных пытались было вплавь добраться до острова, но их легко отогнали.

Тут пущены были в ход заклинания и колдовство. «Вызыватели дождя», утверждавшие, что они повелевают тучами, стали призывать ураган и каменный ливень (так негры зовут град). Для этого они собрали листья со всевозможных деревьев и принялись кипятить их на медленном огне. В это же время при помощи длинной иглы, вонзенной в сердце, был убит баран. Но, увы, небо продолжало по-прежнему быть безоблачным…

Неграм не оставалось ничего более, как устроить буйную оргию, напившись «жембо», этим жгучим ликером, приготовленным из кокосовых

орехов, или «тогва» — чрезвычайно хмельным пивом. И их песни, мало мелодичные, но ритмичные, слышались всю ночь до рассвета.

Около шести часов вечера наши путешественники в последний раз сели за обеденный стол в кают-компании «Решительного» с капитаном и его офицерами. Кеннеди, к которому никто не обращался ни с какими вопросами, что-то про себя бормотал, не сводя глаз с доктора Фергюссона.

Прощальный обед был невесел. Приближение минуты разлуки навевало на всех грустные размышления. Что сулила отважным путешественникам судьба? Будут ли они когда-нибудь снова среди друзей сидеть у своего родного очага? А если почему-нибудь они не смогут пользоваться для передвижения своим шаром, что станется с ними среди диких племен, неизведанных стран, в необъятных пустынях? Все эти мысли, до сих пор только мелькавшие в головах присутствующих, теперь волновали их разыгравшееся воображение. Доктор Фергюссон, как всегда, хладнокровный и невозмутимый, тщетно старался рассеять подавленное настроение.

Так как можно было опасаться со стороны негров каких-нибудь враждебных выступлений по отношению к доктору Фергюссону и его

спутникам, то все трое остались ночевать на «Решительном». В шесть часов утра они покинули свои каюты и переправились на островок Кумбени.

Восточный ветер слегка покачивал воздушный шар. Вместо удерживавших его до сих пор мешков с землей были поставлены двадцать матросов, чтобы держать его. Капитан Пеннет явился со своими офицерами присутствовать при торжественном старте.

Тут Кеннеди подошел к доктору и, взяв его за руку, проговорил:

— Итак, Самуэль, ты бесповоротно решил лететь?

— Бесповоротно решил, дорогой мой Дик.

— Но, не правда ли, я сделал все, чтобы этому помешать?

— Все!

— Тогда, значит, моя совесть чиста, и я отправляюсь с тобой.

— Я был в этом уверен, — ответил доктор, не скрывая, до чего он тронут.

Наступил момент окончательного прощания. Капитан и офицеры горячо обняли и расцеловали своих новых друзей, в том числе, конечно, и славного Джо, гордого и сияющего. Каждому из

присутствующих хотелось пожать руку доктору Фергюссону.

В девять часов утра трое аэронавтов заняли свои места в корзине воздушного шара. Доктор зажег горелку и совершенно открыл кран, чтобы достигнуть наибольшей температуры. Через несколько минут шар, до этого времени державшийся на земле в полном равновесии, начал тянуть вверх. Матросы стали понемногу отпускать удерживающие его канаты. Корзина поднялась над землей футов на двадцать…

— Друзья мои! — закричал доктор, стоя с обнаженной головой между своими спутниками. — Дадим нашему воздушному шару имя, которое должно принести ему счастье. Назовем его «Викторией»![7]

Прокатилось оглушительное «ура».

К этому моменту подъемная сила воздушного шара еще больше увеличилась. Фергюссон, Кеннеди и Джо послали Своим друзьям последний привет.

— Отдавай! — скомандовал доктор.

«Виктория» быстро поднялась в воздух. И в этот момент на «Решительном» раздался салют из

---

[7] Примечания: 7

«Виктория» — по-латыни значит «победа».

четырех его пушек…

ГЛАВА XII

Перелет через пролив. — Мрима. — Разговоры Кеннеди с Джо. — Предложение, сделанное Джо. — Рецепт хорошего кофе. — Узарамо. — Злосчастный Мэзан. — Гора Дутуми. — Карта доктора. — Ночлег над смоковницей.

Воздух был чист, ветер умерен, и «Виктория» поднялась почти вертикально на высоту тысячи пятисот футов, что было отмечено падением барометра почти на два дюйма.

На этой высоте быстрое воздушное течение понесло шар к юго-западу. Какая чудная картина развернулась перед глазами наших аэронавтов! Остров Занзибар был весь, как на ладони. Расстилались зеленые поля всевозможных оттенков, кудрявились рощи и леса…

Жители острова казались какими-то насекомыми. Их крики мало-помалу замирали вдали, и доносились только пушечные салюты…

— Как все это красиво! — воскликнул Джо, первый нарушив царившее молчание.

Но ему никто не ответил. Доктор был погружен в свои барометрические наблюдения и

записывал некоторые подробности подъема. А Кеннеди— тот глядел и не мог наглядеться…

Солнечное тепло усиливало действие горелки, газ в оболочке все расширялся, и «Виктория» до-стигла высоты двух тысяч пятисот футов.

«Решительный» казался отсюда простой лодкой, а африканский берег вырисовывался на западе в виде колоссальной пенящейся каймы.

— Что-то вы молчите, — заметил Джо.

— Мы смотрим, — отозвался доктор, направляя свою подзорную трубу на землю.

— А мне вот необходимо говорить.

— Ну, и не стесняйся. Болтай себе, сколько душе угодно.

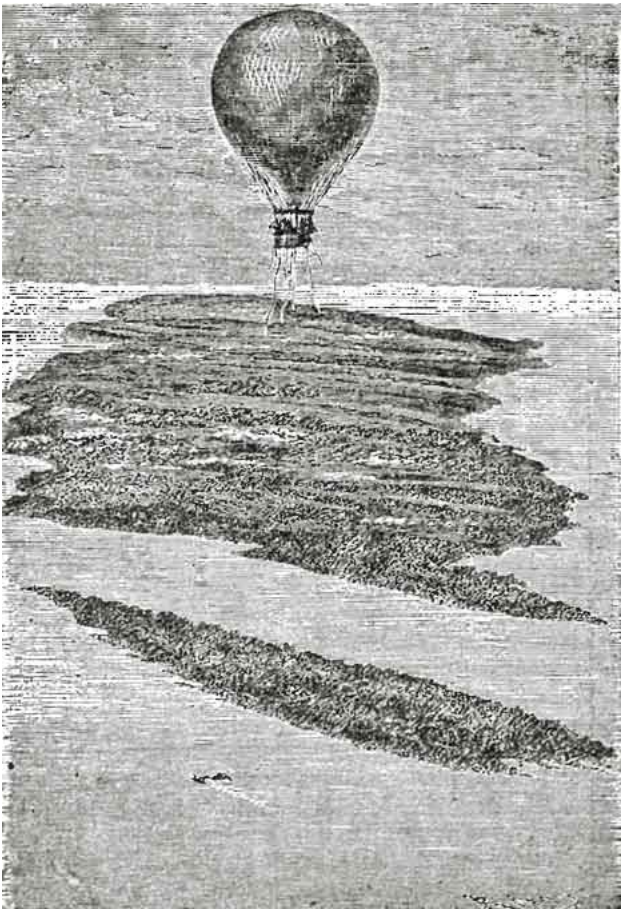
Тут славный малый разразился бесконечными восклицаниями, выражающими восторг и удивление.

При перелете через пролив доктор решил держаться все на той же высоте, чтобы видеть берег на большом протяжении. Он беспрестанно смотрел на термометр и барометр, висевшие под полуспущенным тентом. Второй барометр, прикрепленный снаружи, должен был служить для ночных вахт.

После двух часов полета «Виктория», подвигаясь со скоростью восьми с лишним миль в час,

уже была над материком. Доктор счел нужным снизиться; он уменьшил пламя горелки, и «Виктория» полетела уже всего на высоте трехсот футов над землей.

Эта часть восточного берега Африки называется Мрима. Густая кайма манговых деревьев защищала берег, и благодаря отливу можно было разглядеть их густые корни, подмытые волнами Индийского океана. На горизонте виднелись дюны, а на северо-западе возвышалась остроконечная гора Нгуру.

Перелет через пролив.

«Виктория» теперь летела над селением Каоле, — доктор нашел его на карте. Дикари стали пускать стрелы в чудовище, парящее в воздухе, но, к счастью, они не могли достичь его, и оно величественно раскачивалось над головами бессильно беснующихся туземцев.

Ветер относил шар на юг, но это нисколько не смущало доктора; он даже был рад, так как это давало ему возможность проследить путь, пройденный капитанами Бюртоном и Спеком.

Кеннеди стал так же болтлив, как и Джо. Оба они обменивались восторженными фразами.

— Чорт побери все дилижансы! — восклицал один.

— Чорт побери пароходы! — вторил другой.

— А что такое, спрашивается, по сравнению с этим железные дороги? — подхватывал Кеннеди. — Едешь ты по ним через разные страны и ровно ничего не видишь.

— То ли дело наша «Виктория»! — вставлял Джо. — Не чувствуешь, что двигаешься. Природа сама старается развернуться перед вами.

— А виды-то какие! Виды! На удивление! Один восторг! — восклицал его собеседник.

— Кстати, не хорошо ли было бы позавтракать? — вдруг сказал Джо, у которого благодаря пребыванию на чистом воздухе разыгрался аппетит.

— Мысль недурная, мой милый, — согласился Фергюссон.

— Долго этим заниматься не придется: сухари да мясные консервы, — заявил Джо.

— И сколько угодно кофе, — добавил доктор. — Знаешь, Джо, я разрешаю тебе позаимствовать немного жара у моей горелки: в ней его больше чем достаточно. И будь спокоен, при этом ты не можешь наделать пожара.

— А это было бы ужасно! — заметил Кеннеди. — Ведь над нами нечто вроде порохового погреба.

— Не совсем так, — отозвался Фергюссон. — Но тем не менее, если б газ воспламенился, он понемногу выгорел бы, и мы неизбежно спустились бы на землю, что было бы далеко не так приятно. Но не бойтесь! Наш шар закрыт совершенно герметически.

— Ну, так давайте же завтракать, — предложил Кеннеди.

— Завтрак подан, господа, — объявил Джо. — Я тоже не буду отставать от вас, но в то же время займусь приготовлением кофе, да такого, что вы

долго его будете помнить.

— Что правда, то правда, — подтвердил доктор, — у Джо среди массы его талантов есть один замечательный: уменье приготовлять этот чудесный напиток. Он смешивает кофе каких-то разных сортов, но держит это в строжайшем секрете.

— Так и быть, сэр, раз мы в воздушном пространстве, я уж открою вам свой секрет. Видите ли, я приготовляю смесь из трех равных частей кофе: мокко, бурбонского и рио-нунец.

Через несколько минут появились три дымящиеся чашки кофе, которым и был закончен сытный завтрак, приправленный чудесным настроением его участников. Насытившись, каждый из аэронавтов занял свой наблюдательный пост.

Страна, над которой пролетали наши друзья, была чрезвычайно плодородна. Узкие извилистые тропинки почти терялись среди густой зелени; виднелись вполне созревшие поля табака, маиса, ячменя; там и сям мелькали плантации риса с прямыми стеблями и пурпуровыми цветами. В клетках на сваях можно было разглядеть овец и коз: видимо, они здесь спасались от зубов леопарда. Куда ни посмотришь, всюду

роскошнейшая растительность радовала глаз. Поселений было много, и в каждом из них при виде «Виктории» повторялось всеобщее смятение и раздавались вопли. Доктор Фергюссон предусмотрительно держался на такой высоте, куда не могли долететь стрелы. Туземцы, сбившись в кучу у своих близко стоящих друг от друга хижин, долго посылали вслед проносившемуся в воздухе чудовищу свои бессильные проклятия.

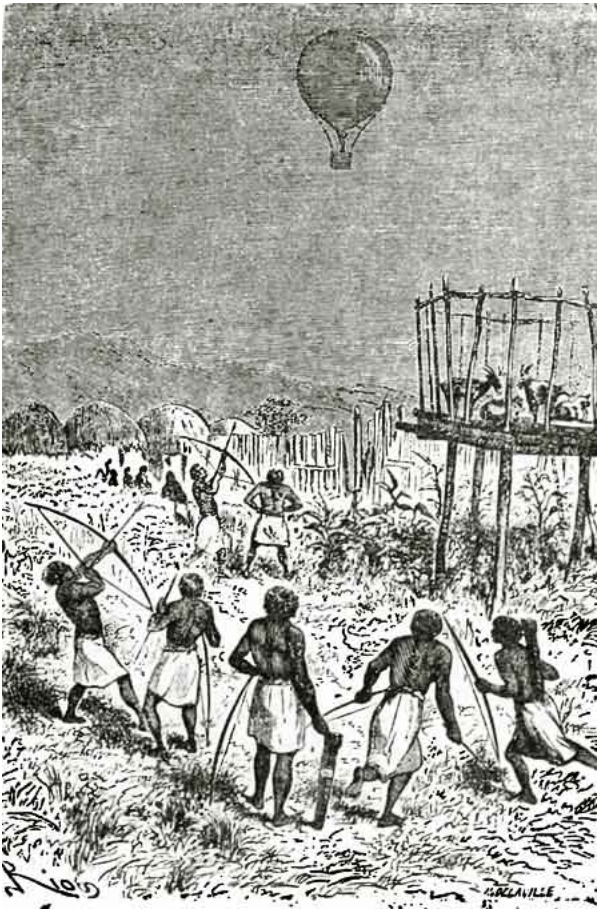
В полдень доктор, взглянув на карту, высказал предположение, что они несутся над страной Узарамо. Внизу показались кокосовые пальмы и дынные деревья. Джо подобная растительность ничуть не удивляла: очутившись в Африке, он считал все естественным. Кеннеди попадалось на глаза немало зайцев и перепелок, которые словно ждали его выстрела. Но это ведь было бы бесполезной тратой пороха, раз эту дичь невозможно было подобрать.

Аэронавты подвигались со скоростью двенадцати миль в час и вскоре над селением Тунда достигли 38°20′ восточной долготы.

— Вот как раз здесь, — заметил доктор, — Бюртон и Спек заболели сильнейшей лихорадкой и одно время даже считали свою экспедицию провалившейся. Они так еще недалеко отошли

от берега, но усталость и лишения уже сильно давали себя чувствовать.

Действительно, в этой местности свирепствовала малярия. Чтобы избежать опасности заполучить эту болезнь, доктор решил держаться повыше.

Страна Узарамо.

Иногда можно было различить караван, — видимо, в ожидании ночной прохлады он отдыхал в «краале». Это обширный пустырь, окруженный изгородью и колючим кустарником, где кочевые купцы находят защиту не только от диких зверей, но и от местных разбойничьих племен. При виде «Виктории» туземцы обыкновенно в панике разбегались. Кеннеди хотел посмотреть их поближе, но Самуэль каждый раз восставал против этого.

— У предводителей их имеются мушкеты, — пояснил доктор, — а «Виктория», согласись, представляет собой слишком хорошую мишень для их пуль.

— А разве, получив маленькую пробоину, шар упадет? — спросил Джо.

— Положим, сразу он не упадет, но вскоре эта пробоина превратится в большую дыру, через которую и выйдет весь газ.

— Ну, тогда нам надо держаться на почтительном расстоянии от этих разбойников, — заявил Джо. — А интересно знать, что должны думать они, видя нас парящими в воздухе? Пожалуй, они непрочь и поклоняться нам.

— Пусть себе поклоняются, только издали, —

отозвался доктор, — это всегда лучше. Но взгляните-ка, — вид местности уже меняется.

Действительно, поселения стали попадаться реже, а манговые рощи совсем исчезли. Поверхность земли стала холмистой, что говорило о близости гор.

— В самом деле, — согласился Кеннеди, — мне кажется даже, что с той стороны вырисовываются какие-то возвышенности.

— На западе, не так ли? — переспросил доктор. — Это первые отроги горной цепи Уризара. Должна быть видна гора Дутуми, за которой я рассчитываю приземлиться на ночлег. Сейчас я усилю пламя горелки, так как нам нужно держаться на высоте от пятисот до шестисот футов.

— Как, однако, прекрасна ваша выдумка, сэр, — вот эта самая горелка! — воскликнул Джо. — Так просто: взять, да и повернуть кран! Никак нельзя сказать, чтобы это было трудно или утомительно!

— Ну, здесь мы уж будем чувствовать себя лучше, — проговорил охотник, когда «Виктория» поднялась, — а то, по правде сказать, отражение солнечных лучей на этом красном песке становилось невыносимо.

— Что за великолепные деревья! — воскликнул

Джо. — Хотя это и совершенно естественно здесь, но очень уж красиво! Каких-нибудь двенадцать таких деревьев — и вот вам целый лес!

— Это баобабы, — объяснил доктор. — Вот взгляните-ка на то дерево: в нем, наверно, будет футов сто в окружности. Быть может, именно под этим самым баобабом в 1845 году и погиб француз Мэзан. Мы как раз над деревней Джеламора, куда он отважился отправиться совершенно один. Шейх этой страны схватил несчастного француза, привязал к подножию баобаба и зарезал его. И, знаете, этому злосчастному французу было всего двадцать шесть лет!

— Неужели Франция не потребовала, чтобы преступление было наказано? — спросил возмущенный Кеннеди.

— Франция-то потребовала этого, и ее союзник, владетель Занзибара, сделал все, чтобы захватить убийцу, но ничего из этого не вышло.

— Тогда я буду очень просить вас, сэр, не делать здесь остановок, — заявил Джо. — Уж, пожалуйста, послушайте меня, мистер Самуэль: давайте всё подниматься и подниматься ввысь.

— Тем охотнее, милый Джо, что гора Дутуми уже перед нами. Если мои вычисления верны, то мы раньше семи часов перевалим через нее.

— Что, мы и ночью будем продолжать лететь? — спросил охотник.

— По возможности нет, — ответил доктор. — ХЬтя, принимая все меры предосторожности и будучи на-чеку, мы и при ночном полете ничем не рисковали бы, но дело в том, что недостаточно только пролететь над Африкой, надо еще и увидеть ее.

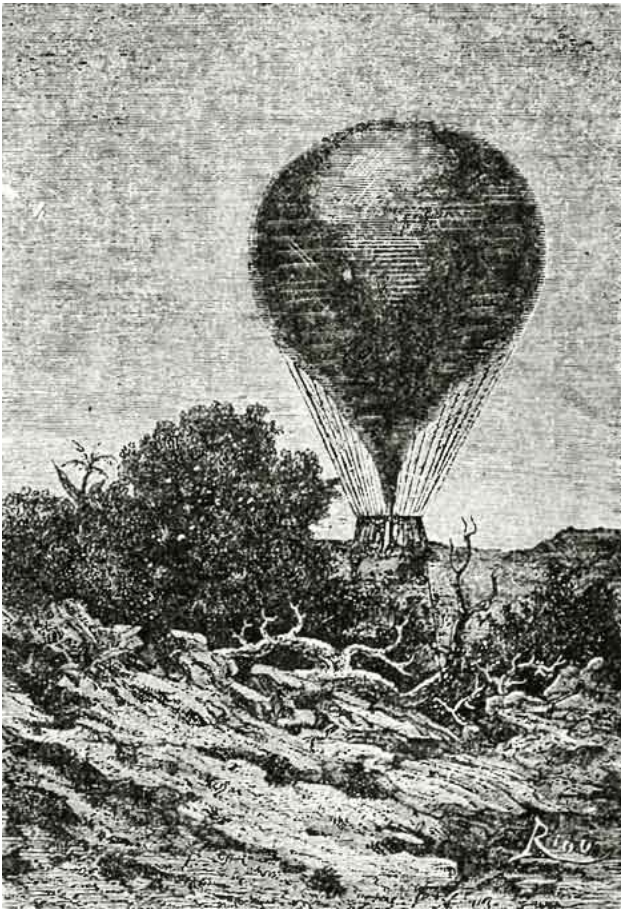
— Пока нам жаловаться на эту самую Африку не приходится, сэр, — заметил Джо. — Какая там пустыня! Самая возделанная, плодородная страна на свете! Вот и верьте после этого географам!

— Подожди, Джо, подожди; посмотрим, что будет дальше, — сказал доктор.

Около шести с половиной часов «Виктория» была уже у горы Дутуми. Чтобы перелететь через нее, надо было подняться больше чем на три тысячи футов, для чего доктору пришлось повысить температуру газа лишь на восемнадцать градусов (десять градусов по Цельсию). Действительно, можно было сказать, что Фергюссон управляет своим шаром одним мановением руки. Кеннеди указывал ему на препятствия, которых надо было избегать, и «Виктория» неслась над самой горой.

В восемь часов шар, перелетев через гору, начал спускаться по противоположному, более

отлогому склону. Из корзины были выброшены якоря, и один из них, попав среди ветвей огромной смоковницы, зацепился за них. Тут Джо моментально слетел вниз по канату и прочно укрепил зацепившийся якорь. Ему спустили шелковую лестницу, и через минуту он уже был снова в корзине. «Виктория», защищенная горой от восточного ветра, была почти неподвижна.

«Виктория» на якоре.

Приготовили ужин, и наши аэронавты, нагулявшие себе аппетит на свежем воздухе, порядочно поубавили свой запас съестного.

— А интересно знать, сколько мы нынче пролетели? — спросил Кеннеди, уписывай кусищи, внушающие беспокойство за судьбу взятых с собой продуктов.

Доктор сейчас же определил их местонахождение наблюдениями над луной, а также справившись по прекрасной карте, служившей ему путеводителем. Это была немецкая карта его ученого друга Петерсона из атласа «Новейшие открытия в Африке».

Отметив местонахождение шара на этой карте, доктор нашел, что за день они пролетели к западу приблизительно сто двадцать миль. Кеннеди указал на то, что во время перелета их относило к югу. Но Фергюссон, как уже было сказано раньше, ничего не имел против этого, ибо ему хотелось, насколько возможно, двигаться по следам своих предшественников.

Решено было разделить ночь на три пахты, чтобы один из трех аэронавтов бодрствовал, в то время как два других отдыхают. Доктор должен

был нести вахту с девяти часов вечера, Кеннеди— с двенадцати ночи, а Джо — с трех часов утра.

Кеннеди и Джо, завернувшись в свои одеяла, улеглись под тентом и мирно заснули, а Фергюсон стал на вахту.

ГЛАВА XIII

Перемена погоды. — Лихорадка Кеннеди. — Лечение доктора Фергюссона. — Путешествие по земле. — Бассейн Именго. — Гора Рубехо. — На высоте шести тысяч футов. — Привал.

Ночь прошла спокойно. Но, проснувшись утром, Кеннеди стал жаловаться на усталость и озноб. Погода изменилась. Небо, покрытое тяжелыми тучами, казалось, грозило потопом. Край Зунгомеро, где они очутились, был печальным местом: здесь дожди льют не переставая, за исключением, быть может, каких-нибудь двух недель в январе.

Вскоре разверзлись хляби небесные и начался ливень. Аэронавты видели, как под ними дороги, и без того заросшие колючим кустарником и лианами, сразу стали совсем непроходимыми благодаря мгновенно образовавшимся потокам — «нула», как они здесь зовутся. А в воздухе ясно чувствовались испарения сернистого водорода.

— На это явление обратил уже внимание капитан Бюртон, — заметил доктор. — По его словам, можно предположить, что здесь за каждым

кустом спрятано по трупу, и, по-моему, он совершенно прав.

— В самом деле, скверный край, — заявил Джо. — Вот и мистер Кеннеди после проведенной здесь ночи что-то не очень хорошо себя чувствует.

— Действительно, — согласился охотник, — меня сильно лихорадит.

— Ничего тут нет удивительного, дорогой мой Дик, — отозвался доктор, — мы сейчас находимся в одной из самых нездоровых местностей Африки. Успокойся, однако: долго мы здесь не останемся. Ну, в путь-дорогу!

Джо ловко отцепил якорь от смоковницы и по шелковой лестнице взобрался в корзину. Доктор зажег горелку, и вскоре «Викторию» снова умчал довольно сильный ветер. Сквозь туман едва виднелось несколько хижин. Вид местности менялся. В Африке нередко бывает, что какой-нибудь небольшой нездоровый район находится в непосредственном соседстве с прекрасной, совершенно здоровой местностью.

Кеннеди, видимо, страдал: лихорадка одолела и его могучий организм.

— Совсем некстати эта болезнь, — проговорил шотландец, заворачиваясь в одеяло и укладыва-

ясь под тентом.

— Потерпи немножко, дорогой мой Дик, — старался подбодрить его Фергюссон. — Поверь, ты скоро забудешь о болезни.

— Забуду о болезни! Когда бы так!.. Послушай, Самуэль, если в твоей походной аптечке имеется какое-нибудь средство, способное поставить меня на ноги, давай мне его поскорее. Что бы это ни было, я проглочу лекарство с закрытыми глазами.

— У меня есть нечто лучшее, чем лекарство, друг мой. Я дам тебе такое противолихорадочное средство, которое ровно никаких денег не стоит.

— Как же ты это сделаешь?

— Да очень просто: мы сейчас поднимемся выше этих туч, не перестающих поливать нас дождем, и таким образом мы уйдем из этой зловредной атмосферы. Вот только подожди каких-нибудь десять минут, пока газ расширится.

Не прошло и десяти минут, как аэронавты очутились уже выше влажной зоны.

— Еще немного, Дик, и ты почувствуешь всё благотворное влияние воздуха и солнца, — продолжал успокаивать доктор своего друга.

— Ну и лекарство! Просто чудеса какие-то! — воскликнул Джо.

— Нет, мой милый, это совершенно естественно, — возразил доктор.

— О! В том, что это естественно, я нисколько не сомневаюсь, — согласился славный малый.

— Видишь ли, Дик, — продолжал доктор, — я переношу тебя на чистый воздух, как постоянно делается с больными в Европе.

— Тогда, значит, наша «Виктория» — настоящий рай! — проговорил Кеннеди, уже чувствуя себя несколько лучше.

— Во всяком случае, она несет нас туда, — с серьезным видом заявил Джо.

Удивительную картину представляла в эту минуту масса облаков, скопившаяся внизу, под корзиной шара. Облака эти обгоняли' друг друга, смешивались и чудесно сверкали, отражая лучи солнца.

«Виктория» поднялась на высоту четырех тысяч футов. Термометр показывал некоторое понижение температуры. Земли не было видно. Милях в пятидесяти на западе сверкала снежная вершина горы Рубехо. Она возвышалась на границе страны Угого под 36°20′ долготы. Ветер дул со скоростью двадцати миль в час, но наши аэронавты совершенно не замечали этого: они не испытывали никаких толчков, не чувствовали

даже, что движутся. Не прошло и трех часов, как уже сбылось предсказание доктора: у Кеннеди озноба как не бывало, и он даже с аппетитом позавтракал.

— Да, это будет получше всякого хинина, — с довольным видом сказал Дик.

— Знаете, под старость я непременно переселюсь сюда, — заявил Джо.

Около десяти часов утра атмосфера прояснилась. В облаках образовался просвет, через который снова показалась земля. «Виктория» незаметно снижалась. Доктор Фергюссон начал отыскивать воздушное течение, которое понесло бы их на северо-восток, и нашел его на высоте шестисот футов от земли. Местность становилась холмистой, даже можно сказать — гористой. Край Зунгомеро исчезал на востоке вместе с последними на этой широте кокосовыми пальмами.

Вскоре горы стали принимать более резкие очертания, то там, то здесь внезапно появлялись острые вершины, и надо было очень внимательно следить, чтобы не напороться на одну из них.

— А мы среди довольно-таки опасных скал, — заметил Кеннеди.

— Будь спокоен, Дик: мы их не заденем.

— Но надо же правду сказать: это прекрасный

способ путешествовать, — вмешался Джо.

Действительно, доктор управлял своим шаром с удивительным искусством.

— Знаете, если бы нам пришлось итти по этой размытой почве, — заговорил Фергюссон, — то с момента нашего выхода из Занзибара половина наших вьючных животных уже погибла бы от истощения. Сами мы походили бы на привидения и были бы близки к отчаянию. У нас не прекращались бы столкновения с нашими проводниками и носильщиками. Днем мы были бы обречены на невыносимую, убийственную влажную жару, ночью же — часто на нестерпимый холод и на преследование москитов, доводящее просто до сумасшествия. От них, надо заметить, не спасает даже самая плотная ткань. Но этими прелестями всё не исчерпывается, — в придачу к ним были бы еще хищные звери и дикие племена.

— Не хотел бы я всего этого испробовать, — чистосердечно признался Джо.

— И имейте в виду, что я ничего не преувеличиваю, — продолжал доктор. — Когда знакомишься с рассказами путешественников, отважившихся проникнуть в эти страны, просто слезы наворачиваются на глаза.

Около одиннадцати часов «Виктория» пронес-

лась над бассейном Именго. Жители деревень, разбросанных по холмам, тщетно угрожали ей своим оружием. Наконец аэронавты достигли последних перед горой Рубехо возвышенностей. Это была третья и самая высокая цепь гор Уризара.

— Будьте внимательны! — обратился Фергюссон к своим спутникам. — Мы приближаемся к горе Рубехо, что значит на местном языке «Путь ветров». Нам лучше повыше обойти ее остроконечные выступы. Если моя карта верна, то нам следует подняться более чем на пять тысяч футов (тысяча семьсот метров).

— Скажи, часто придется нам подниматься на такую высоту? — поинтересовался Кеннеди.

— Нет, редко. Африканские горы, по-видимому, вообще ниже гор Европы и Азии, а наша «Виктория» и через те бы перелетела свободно.

Вскоре под влиянием жара горелки воздушный шар стал очень заметно забираться вверх. Но расширение газа не представляло никакой опасности, так как оболочка «Виктории» была наполнена только на три четверти. Барометр показывал высоту в шесть тысяч футов (дне тысячи метров).

— А как долго смогли бы мы так подниматься? — спросил Джо.

— Земная атмосфера простирается на двенадцать тысяч метров[8] — начал объяснять доктор, — на больших воздушных шарах можно подняться высоко. Такой опыт проделали Бриоши и Гей-Люссак, но у них пошла кровь из горла и ушей. Дышать было трудно: нехватало воздуха. Несколько лет тому назад два смелых француза, Барал и Биксио, также отважились подняться очень высоко, но в оболочке их шара произошел разрыв...

— И они упали? — с живостью спросил Кеннеди.

— Конечно! Но, как полагается падать ученым, это произошло без всякого для них вреда.

— Ну, господа ученые, если вам охота, то вы и падайте себе на здоровье, — заявил Джо, — а я как человек необразованный предпочитаю держаться на золотой середине: ни слишком высоко, ни слишком низко. Не нужно быть уж чересчур честолюбивым.

На высоте шести тысяч футов воздух заметно поредел, звуки здесь передавались слабо и голоса звучали гораздо более глухо. Вид предметов внизу стал не так определенен. Различались лишь

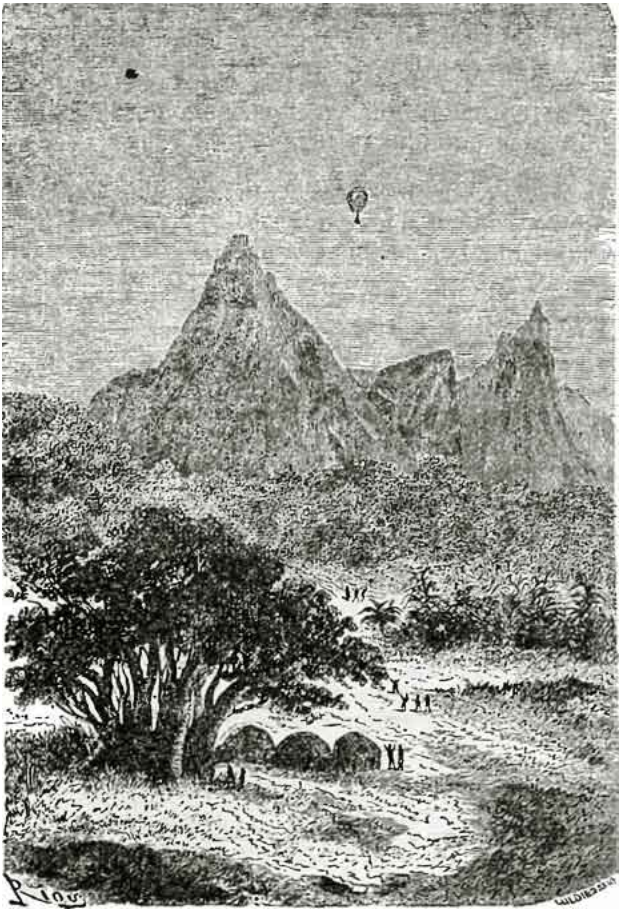
[8] Примечания: 8

Жюль Верн имеет в виду слой, который мы называем сейчас тропосферой.

контуры больших масс. Людей и животных совсем не было видно, дороги казались ниточками, а озера — прудами.

Доктор и его спутники чувствовали себя не совсем нормально. Воздушное течение необыкновенной силы несло их над снежными вершинами, ослеплявшими глаза. Хаотический вид этих гор говорил о работе воды в первые времена жизни земли.

Солнце стояло в зените, и его лучи падали отвесно на пустынные вершины. Доктор сделал точный набросок этих гор, состоящих из четырех цепей, расположенных почти параллельно, из которых северная была самой длинной.

Гора Рубехо.

Вскоре «Виктория» начала спускаться над противоположным склоном Рубехо, пролетая над темнозелеными лесами. Затем появились гребни и лощины пустыни, напоминавшей местность перед страной Угого. Еще ниже потянулись желтые, выжженные солнцем равнины; на них там и сям виднелись чахлая солончаковая растительность и колючий кустарник. Несколько рощ, переходивших в леса, красили горизонт.

Доктор снизился, брошены были якоря, и один из них вскоре зацепился за ветви большущей дикой смоковницы. Джо сейчас же соскользнул вниз и тщательно закрепил якорь. Доктор только притушил горелку, желая, чтобы «Виктория» сохраняла свою подъемную силу и держалась в воздухе. Ветер стих почти сразу.

— А теперь, дорогой Дик, вынимай-ка свои два ружья, — сказал Фергюссон, — одно для себя, а другое — для Джо, и постарайтесь принести на обед несколько вкусных кусочков антилопы.

— На охоту, так на охоту! — с восторгом закричал Кеннеди.

Шотландец перелез через борт корзины и стал по ветвям спускаться на землю, где ловкий и

быстрый, как белка, Джо уже стоял, потягиваясь. Доктор, ввиду того, что груз шара стал легче с уходом спутников, совсем потушил горелку.

— Смотрите, сэр, не улетите! — закричал ему Джо.

— Не беспокойся, друг мой, наша «Виктория» держится крепко, и я займусь приведением в порядок своих заметок. Счастливой охоты, и будьте осторожны. Впрочем, с моего поста я буду наблюдать за тем, что происходит вокруг, и в случае чего выстрелю из карабина. Это будет условным сигналом для сбора.

— Ладно, — ответил охотник.

ГЛАВА XIV

Лес камедовых деревьев. — Голубая антилопа. — Сигнал к сбору. — Неожиданное нападение. — Каниэмэ. — Ночь в воздухе. — Мабунгуру. — Жигуэ-ля-Мкоа. — Запас воды. — Прибытие в Казех.

Бесплодная, высохшая местность с потрескавшейся глинистой почвой казалась пустынной. Там и сям виднелись следы караванов — побелевшие кости людей и животных, наполовину истлевшие и превратившиеся в прах.

После получасовой ходьбы Дик и Джо, насторожившись и держа ружья наготове, вошли в лес камедовых деревьев. Надо сказать, что Джо, не будучи заправским стрелком, неплохо умел обращаться с огнестрельным оружием.

— Пройтись-то недурно, мистер Дик, но почва что-то уж очень неудобна, — проговорил Джо, споткнувшись о разбросанный повсюду кварц.

Кеннеди сделал знак своему спутнику помолчать и остановиться.

У ручья пило воду с десяток антилоп. Эти грациозные животные, чуя опасность, казалось, были

в беспокойном состоянии. После каждого глотка они быстро поворачивали свои красивые головы в сторону охотников и подвижными ноздрями втягивали воздух.

Джо замер на месте, а Кеннеди, обойдя несколько густых деревьев, приблизился к антилопам на ружейный выстрел и нажал курок. В мгновение ока стадо исчезло, но одна антилопа, раненная в плечо, осталась на месте. Кеннеди бросился к своей добыче.

Это была так называемая голубая антилопа, великолепное животное серо-голубоватого цвета, с белыми, как снег, животом и ножками.

— Удачный выстрел! — воскликнул охотник. — Это, знаешь, Джо, очень редкая порода антилоп. Надеюсь, что мне удастся — выделать ее кожу так, чтобы она сохранилась.

— Да неужели, мистер Дик, вы думаете это сделать?

— Конечно! Посмотри только, какая дивная шкурка!

— Доктор Фергюссон никогда не согласится взять лишний груз.

— Ты прав, Джо, но обидно бросить целиком такое великолепное животное.

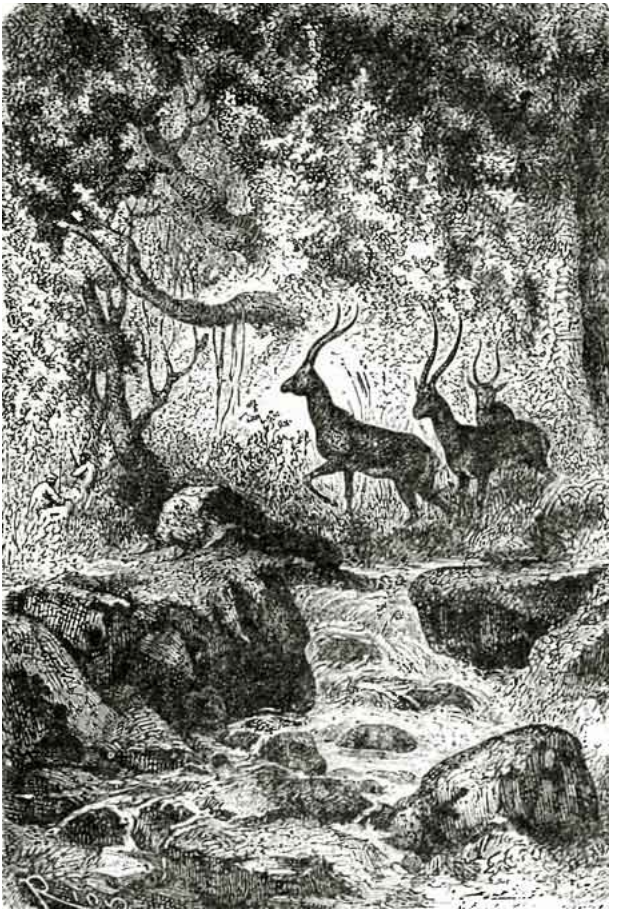
— Зачем целиком, мистер Дик? Мы вырежем

из него лучшие куски для еды, и с вашего позволения, я сделаю это не хуже, чем старшина почтенной лондонской корпорации мясников.

— Раз тебе так хочется, пожалуйста, займись этим, друг мой. Однако ты должен же знать, что меня, как охотника, так же мало затруднило бы содрать шкуру с дичи, как и убить ее.

— Не сомневаюсь в этом, мистер Дик. Поэтому уверен, что вам ничего не будет стоить и устроить очаг из трех камней. Кругом сухого дерева сколько угодно, а мне через каких-нибудь несколько минут понадобятся ваши раскаленные уголья.

— Ну, что ж, это дело не долгое, — отозвался Кеннеди и сейчас же принялся за сооружение очага. Через несколько минут в нем уже пылал огонь.

Охота на антилоп.

Джо вырезал из туши антилопы с дюжину отбивных котлет, а также самые нежные куски филе, и все это не замедлило превратиться в очень вкусное жаркое.

— Вот это, наверно, доставит удовольствие другу Ферпоссону, — заметил Дик.

— Знаете, о чем я думаю, мистер Дик?

— Должно быть, о том, что ты сейчас делаешь, — о своих бифштексах?

— Совсем нет. Я думал о том, в каком положении очутились бы мы, если б не нашли «Викторию».

— Вот так фантазия! Что же, по-твоему, доктор может нас здесь бросить?

— Нет! Но если б якорь вдруг оторвался…

— Это невозможно. Но допустим даже, что подобное и случилось бы; разве наш Самуэль не сумел бы снова спуститься? Ведь он мастерски управляет своим шаром.

— А если б ветер унес его и доктор< не смог бы вернуться к нам?

— Оставь свои предположения, Джо: в них мало приятного.

— Ах, сэр, все, что случается на свете, естественно. Значит, все может случиться и все надо

предвидеть…

В этот момент раздался выстрел.

— Ого! — вырвалось у Джо.

— Это мой карабин. Я узнаю его звук, — проговорил Кеннеди.

— Сигнал, значит.

— Видно, нам угрожает опасность.

— А быть может, ему самому что-нибудь грозит, — с беспокойством сказал Джо.

— Идем…

Охотники, наскоро подобрав свои трофеи, бросились по пройденной уже дороге, руководясь зарубками, сделанными Кеннеди на деревьях.

За лесом они не могли видеть «Викторию», но она должна была быть недалеко от них.

Раздался второй выстрел.

— Надо торопиться, — промолвил Джо.

— Вот еще один выстрел!

— Похоже на то, что ему приходится защищаться.

— Ну, так бежим же…

И оба понеслись со всех ног. Добежав до опушки леса, они увидели «Викторию» на прежнем месте, а доктора — в корзине.

— В чем же дело? — с удивлением проговорил Кеннеди.

— Боже мой! — закричал Джо.

— Что ты видишь?

— Наш шар осаждает целая ватага негров!

В самом деле, милях в двух от «их, вокруг смоковницы, кривляясь, скакало и вопило до тридцати каких-то существ. Некоторые из них уже успели взобраться на дерево и виднелись на самых верхних его ветвях. Опасность казалась неотвратимой.

— Погиб мой доктор! — с отчаянием воскликнул Джо.

— Ну, друг мой, будь хладнокровнее и целься как можно вернее, — сказал шотландец. — Уж четырех из них мы с тобой непременно должны уложить. Вперед же!

С необыкновенной быстротой они пробежали с милю, когда из корзины раздался новый выстрел. Он свалил большущего дьявола, уже взбиравшегося по якорному канату.

Безжизненное тело покатилось с ветки на ветку и наконец, раскачиваясь, повисло футах в двадцати от земли.

— Чорт побери! Чем же, спрашивается, держится эта скотина? — проговорил, останавливаясь, Джо.

— Совсем это неважно. Бежим же, бежим! — то-

ропил охотник.

— Ах, мистер Кеннеди! — закричал, громко хохоча, Джо. — Представьте себе, держится-то он хвостом! Собственным хвостом! Ведь это обезьяна! Подумайте только! Все они — обезьяны!

— Во всяком случае, это лучше, чем люди, — отозвался Кеннеди, бросаясь в гущу орущей и вопящей ватаги.

Это были павианы, опасная и свирепая порода обезьян с отвратительными собачьими мордами. Несколько ружейных выстрелов не замедлили разогнать эту кривляющуюся орду, и она разбежалась, оставив на земле немало убитых.

Миг — и Кеннеди взбирается по шелковой лестнице в корзину, а Джо на смоковнице отцепляет якорь. Еще миг — шар опускается, и славный малый уже с Фергюссоном и его другом.

Несколько минут спустя «Виктория» поднялась в воздух, и умеренный ветер понес ее к востоку…

— Вот так нападение! — проговорил Джо.

— Сначала, Самуэль, мы думали, что тебя осаждают туземцы, — прибавил Кеннеди.

— К счастью, это были только обезьяны, — ответил Фергюссон. — Как бы то ни было, это нападение обезьян могло иметь самые серьезные последствия. Если бы из-за их усердного дерганья

якорь отцепился, неизвестно, куда мог занести меня ветер.

— Помните, что я вам говорил, мистер Кеннеди?

— Ты был прав, Джо, но в это время как раз ты готовил свои бифштексы, и они возбудили у меня такой аппетит, что ни о чем печальном думать не хотелось.

— Еще бы, — заметил доктор, — ведь мясо антилопы превосходно.

— Вы, сэр, сможете сейчас же в этом убедиться: стол уже накрыт.

— Клянусь, у этой дичи совсем не плохой запах, приправленный дымком! — провозгласил охотник.

— Я до конца своих дней с удовольствием питался бы мясом антилопы, запивая его для облегчения пищеварения стаканом грога, — с полным ртом проговорил Джо.

И Джо сейчас же принялся приготовлять грог.

— Пока все идет довольно хорошо, — заявил он.

— Даже очень хорошо, — поправил его Кеннеди.

— Ну, скажите по правде, мистер Кеннеди: разве вы жалеете, что отправились с нами?

— Хотел бы я посмотреть, кто смог бы мне помешать это сделать! — с решительным видом ответил охотник.

Было четыре часа дня. «Виктория» попала в более быстрое воздушное течение. Местность незаметно повышалась, и скоро барометр уже показывал высоту в тысячу пятьсот футов над уровнем моря. Доктору нужно было для поддержания шара на этой высоте довольно сильно расширять объем газа, и горелка все время работала без перерыва. Около семи часов «Виктория» уже парила над бассейном Каниэмэ. Доктор сейчас же узнал этот прекрасно возделанный край с его поселениями, тонущими среди баобабов и тыквенников. Здесь же находилась столица одного из султанов страны Угого.

После Каниэмэ почва опять стала каменистой и бесплодной, но спустя какой-нибудь час, неподалеку от Мабунгуру, показалась плодоносная ложбина, где растительность снова развернулась во всей своей красе. К вечеру ветер стал спадать и воздух, казалось, погрузился в сон.

Тщетно искал доктор воздушных течений. Наконец, убедившись, что в природе царит полнейшее спокойствие, он решил заночевать в воздухе и для большей безопасности поднялся

на высоту около тысячи футов. Здесь «Виктория» повисла-неподвижно. Среди полнейшей тишины настала чудесная звездная ночь…

Дик и Джо мирно улеглись на свои постели и заснули крепким сном, в то время как доктор нес вахту. В полночь его сменил шотландец.

— Смотри же, при малейшем осложнении разбуди меня, — наказал ему Фергюссон. — Главное, не спускай глаз с барометра — это ведь наш компас.

Ночь была холодная. Разница между дневной и ночной температурой доходила до 27° (14° по Цельсию).

С наступлением темноты начался ночной концерт зверей; голод и жажда гнали их из берлог. Слышалось сопрано лягушек, которому вторило завывание шакалов; бас львов дополнял этот живой оркестр.

Утром, принимая вахту от Джо, доктор» Фергюссон посмотрел на компас и увидел, что направление ветра изменилось. За последние два часа «Викторию» отнесло приблизительно миль на тридцать к северо-востоку. Сейчас она неслась над каменистой страной Мабунгуру, усеянной как бы отполированными глыбами и закругленными утесами сиенита. Множество

скелетов буйволов и слонов белело там и сям. Деревьев было мало, за исключением восточной стороны, где поселения едва проглядывали среди дремучих лесов.

Около семи часов утра показалась большая, быть может двух миль в окружности, скала, напоминавшая огромную черепаху.

— Мы на верном пути, — объявил Фергюссон. — Вон Жигуэ-ля-Мкоа. Мы сделаем там остановку на несколько минут. Я хочу возобновить запас воды, нужный для горелки. Попробуем где-нибудь зацепиться.

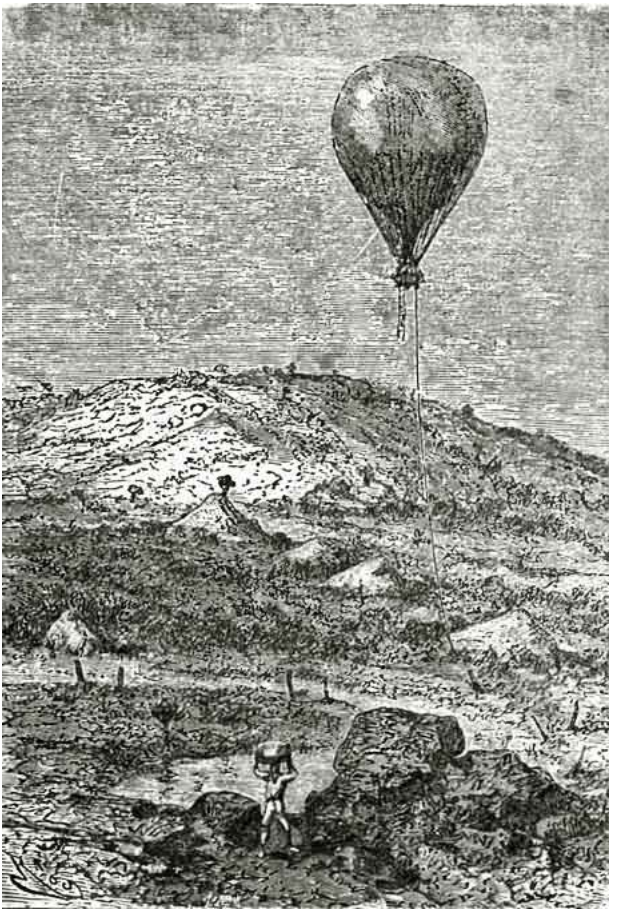
— Что-то здесь мало деревьев, — заметил охотник.

— Все-таки попробуем, авось удастся. Джо, сбрось-ка якоря, — приказал доктор.

Понемногу теряя подъемную силу, шар снизился. Якоря болтались; лапа одного из них застряла в расщелине скалы, и «Виктория» остановилась.

Ошибочно было бы думать, что доктор во время остановки мог совсем тушить свою горелку. Условия равновесия шара были высчитаны по уровню моря; местность же все время поднималась, и, находясь на высоте от шестисот до семисот футов, шар стремился бы опуститься ниже; следовательно, надо было постоянно поддерживать

его, несколько подогревая газ. Только когда, при полном отсутствии ветра, доктор давал корзине стоять на земле, шар, облегченный от значительной своей нагрузки, мог держаться в воздухе без помощи горелки.

Жигуэ-ля-Мкоа.

Судя по карте, у восточного склона Жигуэ-ля-Мкоа было много воды. И вот Джо отправился туда один, с боченком вместимостью до десяти галлонов. Он без труда нашел воду около небольшого покинутого селения, запасся ею и вернулся, не проходив и трех четвертей часа. Дорогой сн не заметил ничего особенного, кроме громадных ловушек для слонов, причем едва сам не попал в одну из них, где лежал полуизглоданный остов слона. Из своей экскурсии Джо принес плоды вроде кизила, — их на его глазах с наслаждением уписывали обезьяны. Доктор признал в них плоды мбенбу — дерева, очень распространенного по восточному склону Жигуэ-ля-Мкоа. Фергюссон с большим нетерпением ожидал возвращения Джо, так как даже непродолжительная остановка в этой негостеприимной стране все время внушала ему опасения. Вода была погружена без всяких затруднений, так как корзина была почти у земли. Джо отцепил якорь и моментально очутился подле доктора. Фергюссоы сейчас же усилил огонь в горелке, и «Виктория» снова понеслась по своему воздушному пути.

Наши аэронавты теперь находились милях в

ста от Казеха — важного пункта Центральной Африки, куда благодаря юго-восточному течению они могли надеяться долететь в этот же день. Неслись они со скоростью четырнадцати миль в час. Управлять шаром было трудновато. Нельзя было подняться высоко, не расширяя значительно газа, ибо местность, над которой они летели, была в среднем на высоте трех тысяч футов над уровнем моря. Вообще же Фергюссон предпочитал не очень расширять газ. Он ловко обходил изгибы довольно крутых склонов гор и совсем низко пролетел над селениями Тембо и Тура-Уэльс. Последнее из этих двух селений находится уже в Униамвэзи — чудесном крае, где деревья достигают огромных размеров. В особенности славятся эти места своими гигантскими кактусами.

Около двух часов дня, при великолепной погоде, под палящими лучами солнца, вызвавшими полнейшую тишину? воздухе, «Виктория» уже парила над Казехоад, находящимся в трехстах пятидесяти милях от побережья.

— Мы вылетели из Занзибара в девять часов утра, — проговорил доктор Фергюссон, просматривая свои записи, — и вот за два дня, считая все наши отклонения, мы прошли около пятисот географических миль (девятьсот двадцать пять

километров). А капитанам Бюртону и Спеку на прохождение этого самого пути понадобилось целых четыре с половиной месяца.

ГЛАВА XV

Казех. — Шумный базар. — Появление «Виктории». — Ваганги — колдуны. — Сыновья луны. — Посещение доктором Фергюссоном больного султана. — «Тэмбэ» — дворец султана. — Его жены. — Султан-пьяница. — Обоготворение Джо. — Как танцуют на луне. — Перемена в отношении жителей Казеха. — Две луны на небосклоне. — Непрочность божественного величия.

Казех, являясь важным пунктом Центральной Африки, в сущности, не представляет собой города. Надо сказать, что в этом крае вообще городов и не существует. Казех — это слияние шести обширных ложбин. Тут разбросаны хижины и шалаши невольников, окруженные двориками и хорошо возделанными садиками. Тут великолепно растут лук, картофель, кабачки, тыквы и превкусные шампиньоны. Это лучшая часть Луиных земель, — так сказать, великолепный плодородный парк Африки. В центре находится Униамба, чудесная местность, где беспечно-лениво живут несколько чисто арабских семейств

— омани.

Эти омани с давних пор ведут торговлю в центре Африки и Аравии. Торгуют они камедью, слоновой костью, набивными бумажными тканями и невольниками. Караваны их не перестают тянуться по всем экваториальным странам; доходят они и до. побережья, доставляя оттуда предметы роскоши для своих разбогатевших хозяев-купцов. И, окруженные своими женами и слугами, все эти богачи-омани ведут жизнь самую спокойную, бездеятельную, проводя время в веселой болтовне, в курении или сне.

Вокруг этих цветущих ложбин разбросаны многочисленные хижины туземцев, раскинулись огромные площади для базаров, зеленеют поля конопли и дурмана, растут великолепные деревья, дающие прохладную тень.

Казех — главное место встреч караванов: одни привозят сюда с юга невольников и слоновую кость, другие доставляют с запада племенам, живущим вокруг Великих озер, хлопок и мелкий стеклянный товар.

Потому-то на здешних базарах царят постоянная суматоха и невообразимый шум. Крики носильщиков-метисов, бой барабанов, звук труб, ржание мулов, рев ослов, пение женщин, писк

детей, удары трости жемадара (начальника каравана), словно отбивающие такт в этой пастушеской симфонии, — все сливается в единый непрекращающийся гул.

Здесь без всякого порядка, а вернее сказать — в живописном беспорядке, навалены и яркие материи, и бисер, и слоновая кость, и бивни носорога, и зубы акул, и мед, и табак, и хлопок. Здесь заключаются самые удивительные сделки, ибо местные цены всецело зависят от спроса.

Вся эта суматоха, все движение, весь шум сразу стихли, когда на небе появилась «Виктория». Величественно паря в воздухе, она постепенно почти вертикально стала снижаться. В один миг мужчины, женщины, дети, невольники, купцы, арабы и негры исчезли с площади и забились в свои хижины.

— Знаешь, дорогой Самуэль, — заметил Кеннеди, — если мы и дальше будем производить такой же фурор своим появлением, то нам трудновато будет завязать какие-либо коммерческие сношения с туземцами.

— А между тем здесь можно было бы совершить очень простую коммерческую сделку, — вмешался Джо. — Взять бы да и спуститься спокойно на эту базарную площадь и, не обращая ни малей-

шего внимания на купцов, забрать самые ценные товары! Да, так, пожалуй, можно было бы сразу разбогатеть.

— Ну, не воображай себе этого, мой милый, — возразил доктор. — Туземцы эти перепугались в первую минуту, но, поверь, они не замедлят вернуться из суеверия или любопытства.

— Вы так думаете, сэр?

— Вот увидим! Во всяком случае, благоразумно будет не слишком к ним приближаться: ведь «Виктория» наша — шар не бронированный, а следовательно, ей опасны и пуля и стрела.

— А ты, Самуэль, намерен войти в переговоры с этими африканцами? — спросил Кеннеди.

— А почему бы и нет? — ответил доктор. — Мне кажется, здесь можно встретить арабских купцов, довольно цивилизованных. Помнится, что Бюртон и Спек не могли нахвалиться гостеприимством жителей Казеха. Надо и нам попробовать завязать с ними дружбу.

Снизившись мало-помалу, «Виктория» зацепилась одним якорем за верхние ветви дерева вблизи базарной площади. Тут все население, сперва осторожно высунув головы из своих убежищ, высыпало на площадь. Несколько ваггангов — колдунов (их можно было узнать по знакам

отличия из раковин конической формы) — смело выступило вперед. У поясов их виднелись черные фляжки из тыквы, вымазанные салом, и разные, очень неопрятные на вид предметы для колдовства.

Вокруг ваггангов стала понемногу собираться толпа; среди нее было много женщин и детей. Забили барабаны, причем каждый барабан старался заглушить все остальные. И вот присутствующие захлопали в ладоши и воздели руки к небу…

— Это их способ молиться, — пояснил доктор. — Если не ошибаюсь, нам предстоит сыграть здесь большую роль.

— Ну и прекрасно, сэр, так разыгрывайте ее.

— Да и сам ты, мой милый Джо, быть может, станешь божеством.

— Что же, меня это ничуть не смутит, сэр: ведь курение фимиама, что и говорить, вещь приятная.

В этот момент один из колдунов сделал жест рукой. Мгновенно шум и крики замерли, и водворилась глубочайшая тишина. Колдун обратился к путешественникам с несколькими словами на неизвестном языке.

Ровно ничего не поняв из сказанного, доктор Фергюссон бросил наудачу несколько слов по-

арабски и не замедлил получить ответ на том же языке.

Оратор-колдун произнес очень длинную речь, полную цветов красноречия. И была она выслушана с полным вниманием. Доктору очень скоро стало ясно, что «Викторию» принимали не больше, не меньше как за луну и что в этой стране, любимой солнцем, никогда не забудется та честь, которую оказала эта высокочтимая богиня, снизойдя сюда со своими тремя сынами.

Доктор с большим достоинством провозгласил, что луна каждую тысячу лет делает обход своих поклонников, чувствуя потребность поближе показать себя им, и потому он просит не стесняться, а воспользоваться присутствием богини для того, чтобы сообщить ей о своих нуждах и пожеланиях.

Колдун на это ответил, что султан Мвани много лет уж хворает и нуждается в небесной помощи, поэтому он приглашает сынов луны посетить больного повелителя.

Доктор тотчас же сообщил об этом приглашении своим спутникам.

— И ты думаешь отправиться к этому негритянскому царьку? — спросил охотник.

— Конечно. Люди эти мне кажутся настроенны-

ми доброжелательно. В воздухе царит тишина, и за «Викторию» нам бояться не приходится.

— Но что же ты там будешь делать?

— Не беспокойся, дорогой Дик, я сумею принести пользу с моими скромными медицинскими познаниями.

Затем, обращаясь к толпе, Фергюссон заявил:

— Луна, сжалившись над владыкой, столь дорогим сынам Униамвэзи, велела нам позаботиться о его выздоровлении. Пусть же султан готовится нас встретить.

Восторженные крики и пение возобновились с большей силой, и весь этот муравейник зашевелился.

— А теперь, друзья мои, — сказал Фергюссон, — на всякий случай надо все предвидеть. Может наступить момент, когда мы будем вынуждены как можно скорее улететь отсюда. Поэтому, Дик, оставайся в корзине и с помощью горелки поддерживай достаточную подъемную силу шара. Якорь держится крепко, и за него бояться нечего. Я сейчас сойду на землю, Джо спустился со мной и останется у лестницы.

— Как, ты отправишься один к этому черномазому? — с беспокойством проговорил Кеннеди.

— Неужели, мистер Самуэль, вы не хотите, что-

бы я сопровождал вас? — воскликнул Джо.

— Нет, не хочу: я пойду один. Эти милые люди воображают, что сама великая богиня явилась к ним в гости, и благодаря этому я нахожусь под защитой суеверия. Итак, ничего не бойтесь и оба будьте на указанных мною постах.

— Что делать, раз ты так хочешь… — отозвался охотник.

— Следи же, Дик, за расширением газа.

— Будь покоен, Самуэль.

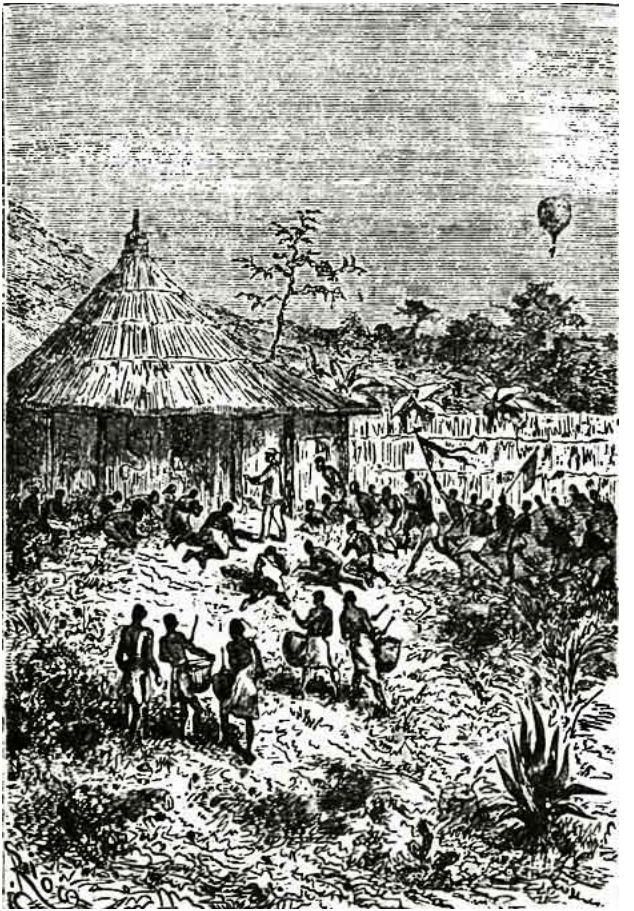
Крики туземцев делались все громче, они с жаром взывали к небесной помощи.

— Слышите, слышите! — воскликнул Джо. — Они, по-моему, что-то уж очень повелительно себя ведут со своей богиней-луной и ее божественными сынами.

Доктор, захватив с собой дорожную аптечку, спустился на землю. Перед ним сошел Джо. Славный малый с важностью, полной достоинства, как и полагалось сыну луны, уселся у самой лестницы, поджав под себя ноги по-арабски. Часть толпы немедленно с благоговением окружила его.

В это время доктор Фергюссон, сопровождаемый музыкой и религиозной пляской, медленно подвигался к «тэмбэ» — дворцу султана, находя-

щемуся довольно далеко от базара. Было около трех часов пополудни, и солнце сияло во-всю. Да оно и не могло вести себя иначе при таких обстоятельствах. Доктор выступал очень торжественно. Вокруг него шли ваганги, сдерживая толпу. Вскоре навстречу Фергюссону вышел сын султана, довольно красивый юноша. Юноша распростерся перед сыном луны, а тот грациозным жестом поднял его. Через три четверти часа ходьбы по тенистым дорожкам, среди роскошной тропической растительности, процессия, охваченная энтузиазмом, приблизилась к дворцу султана, расположенному на склоне холма. Стены дворца были покрыты изображениями людей и змей, сделанными из красноватой глины, причем, конечно, более натурально выглядели змеи.

Дворец африканского султана.

Доктора Фергюссона встретили с большим почетом стража и любимцы султана. Это все были красивые, хорошо сложенные, сильные и здоровые представители расы униамвэзи. Волосы их, сплетенные во множество косичек, спадали на плечи. Щеки от висков до рта были татуированы черными и голубыми полосками. На чудовищно оттянутых ушах висели деревянные кружочки и пластинки из копаловой камеди. Одеты были они в бумажные ярко раскрашенные ткани. Воины были вооружены копьями, луками с зубчатыми, отравленными соком эвфорбии стрелами, кортиками — «симами», длинными саблями с зубцами, как у пилы, и маленькими боевыми топориками.

Доктор проследовал во дворец. Здесь, несмотря на болезнь султана, стоял страшный шум. При появлении доктора шум этот еще больше усилился. Фергюссону бросилось в глаза, что на притолоке были навешаны заячьи хвосты и гривы зебр, — очевидно, они служили талисманами. Доктор был встречен толпой жен султана под гармонические звуки «упату» — род цимбал — и под грохот «килиндо» — огромного барабана,

вышиной в пять футов, выдолбленного в стволе дерева. По этому барабанищу изо всех сил колотили кулаками два виртуоза. Большинство жен султана показались доктору очень красивыми. Они смеялись и курили табак в больших черных трубках. Длинные платья грациозными складками облегали их хорошо сложенные фигуры. Шесть жен, стоявших поодаль, были не менее веселы, чем остальные, хотя их и ждали ужасные мучения. По смерти султана им предстояло быть закопанными живыми вместе с трупом царственного супруга, дабы они могли развлекать его и в месте вечного успокоения.

Доктор Фергюссон, окинув взглядом всю эту картину, подошел к деревянной кровати монарха. Он увидел человека лет сорока, совершенно невменяемого благодаря злоупотреблению спиртными напитками и всяким другим излишествам. Помочь тут, конечно, было невозможно. Эта так называемая болезнь была не что иное, как беспросыпное опьянение. Царственный пьяница находился уже почти без сознания, и все лекарства на свете не были бы в силах поставить его на ноги. Во время торжественного приема любимцы и жены султана, склонившись, стояли на коленях. Доктор влил в рот монарха несколько капель

сильно возбуждающего лекарства и оживил на минуту бесчувственное тело. Султан сделал слабое движение, а так как он уже несколько часов казался трупом, то это проявление жизни вызвало восторженные крики в честь божественного целителя.

Фергюссон, видя, что ему здесь делать больше нечего, решительным движением отстранил от себя своих восторженных поклонников, вышел из дворца и направился к «Виктории». Было шесть часов вечера.

Между тем Джо спокойно ждал возвращения доктора, сидя внизу лестницы. Собравшаяся вокруг него толпа всячески выражала ему свое почтение, а он, как настоящий сын луны, принимал это, как должное. Для божества он имел вид довольно милого человека. Держал он себя совсем не гордо и даже любезничал с молодыми африканками, а те просто не могли на него наглядеться.

Ему преподнесли дары, которые обыкновенно приносят в «мцимы» — хижины, где помещаются идолы. Дары эти состояли из ячменя и «помбэ» — чего-то вроде крепкого пива. Джо счел нужным отведать этот напиток, оказавшийся для него, однако, очень крепким. Славный малый состроил

ужасную гримасу, которую толпа приняла за любезную улыбку. Затем молодые девушки, затянув монотонную мелодию, исполнили вокруг него какой-то степенный танец.

— Ах, вы танцуете! — воскликнул Джо. — Хорошо же! Я не останусь в долгу перед вами и сейчас покажу вам, как отплясывают у нас на родине.

И наш Джо пустился в головокружительную джигу. Чего только не выкидывал он здесь — и извивался, и сгибался, и вытягивался, откалывал удивительные коленца, размахивал руками, принимал невероятнейшие позы, строил невозможные гримасы… Словом, он дал туземцам самое удивительное представление о том, как танцуют боги на луне.

И вот африканцы, страшно переимчивые, стали воспроизводить все его прыжки, выкрутасы, гримасы и ужимки. Ни один жест Джо не ускользнул от них, не забыли они ни одной его позы. Началась такая кутерьма, все вошли в такой азарт, какого и описать невозможно. В самый разгар веселья Джо вдруг заметил доктора. Фергюссон поспешно возвращался среди злобно орущей толпы. Колдуны и начальники, казалось, были в очень возбужденном состоянии. Доктора со всех сторон окружила толпа; она теснила его,

угрожала…

«Странная перемена! Что же могло произойти? Уж не окончил ли султан свои дни, так невпопад, на руках небесного целителя?» пронеслось в голове шотландца.

Кеннеди со своего поста видел опасность, но не понимал ее причины. Воздушный шар, сильно раздутый газом, натягивал удерживающий его канат, как бы нетерпеливо порываясь подняться ввысь.

Но вот Фергюссон уже у лестницы. Суеверный страх все еще сдерживает толпу и не дает ей совершить над ним какое-нибудь насилие. Доктор быстро поднимается по лестнице, за ним несется Джо.

— Нельзя терять ни минуты, — говорит ему Фергюссон, — не пробуй отцепить якорь. Мы сейчас перерубим канат. Скорей за мной!

— Но в чем же дело? — спрашивает Джо, влезая в корзину.

— Что случилось? — допрашивает Кеннеди, держа карабин наготове.

— Смотрите, — ответил доктор, указывая на горизонт.

— Ну, и что же? — в недоумении возразил охотник.

— Луна!

В самом деле, луна, красная и великолепная, поднималась по темной лазури в виде огненного шара. Конечно, это была настоящая луна. И это значило, что или на свете две луны, или чужеземцы — обманщики, каверзники и поддельные боги…

Естественно, что подобные мысли возникли в головах окружающих. Вот чем и объяснялась перемена, происшедшая в настроении толпы. Джо не мог не расхохотаться.

Толпа, понимая, что добыча ускользает из ее рук, завопила; луки и мушкеты направились на «Викторию».

Но один из колдунов махнул рукой, и луки и мушкеты опустились. Колдун полез на дерево, очевидно намереваясь ухватиться за канат и притянуть шар к земле.

Джо кинулся с топором в руках.

— Рубить, что ли? — спросил он.

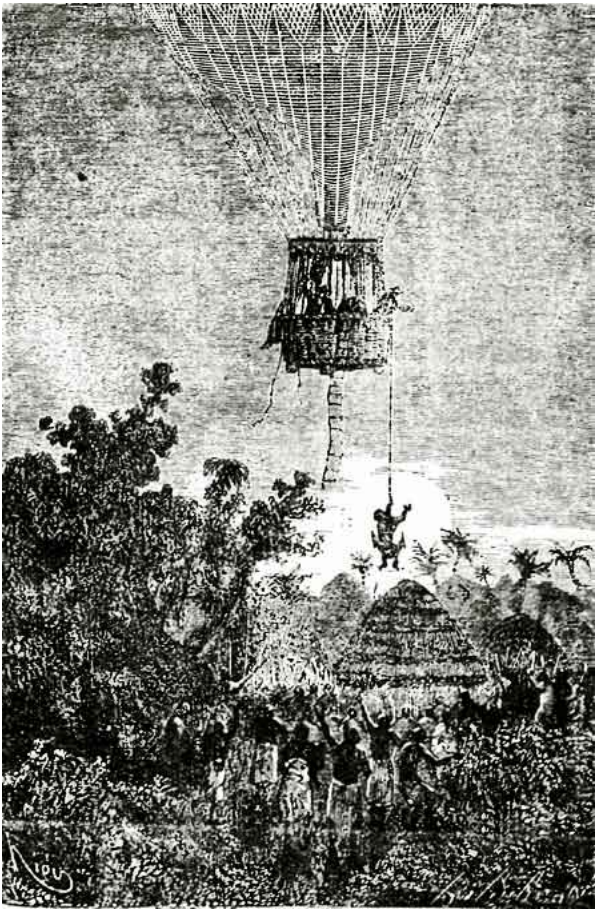
— Обожди! — ответил доктор.

— Но этот негр…

— Быть может, нам удастся спасти якорь, а я ведь очень дорожу им. Канат мы всегда успеем перерубить.

Колдун, взобравшись на дерево, умудрил-

ся, сломав несколько веток, отцепить якорь. Освобожденный шар мгновенно взвился вверх, захватив якорем колдуна, и злосчастный негр совершенно неожиданно понесся верхом на этом крылатом коне в воздушное пространство…

Колдун уносится ввысь.

Изумление толпы при виде одного из своих ваггангов, уносящегося в воздух, не поддавалось описанию.

— Ура! — закричал Джо, в то время как «Виктория», благодаря своей большой подъемной силе, быстро поднималась вверх.

— Он держится крепко, — проговорил Кеннеди, — и небольшое путешествие, конечно, не повредит ему.

— Что же, мы разом сбросим этого негра? — спросил Джо.

— Что ты! — отозвался доктор. — Мы преспокойно опустим его на землю, и, знаете, мне думается, что после подобного приключения его влияние как колдуна среди его соплеменников чрезвычайно возрастет.

— Пожалуй, они способны даже сделать из него бога! — воскликнул Джо.

«Виктория» была уже на высоте почти тысячи футов. Негр с отчаянной энергией вцепился в канат. Он молчал, глаза его были устремлены в одну точку. К его ужасу примешивалось безграничное удивление. Легкий западный ветер уносил «Викторию» от Казеха.

Прошло полчаса. Доктор, заметив, что местность под ними совершенно пустынна, уменьшил пламя горелки и снизился. Футах в двадцати от земли негр решился спрыгнуть. Он упал на ноги и опрометью пустился бежать к Казеху, а «Виктория», освобожденная от лишнего груза, снова стала подниматься.

ГЛАВА XVI

Признаки приближения грозы. — Лунные земли. — Вид местности при закате солнца. — Флора и фауна. — Гроза. — Зона огня. — Звездное небо.

— Вот что значит стать сынами луны без ее соизволения, — заговорил Джо. — Ведь этот ее поклонник мог сегодня сыграть с нами преплохую штуку. А вы, сэр, своим лечением не скомпрометировали ее славы?

— В самом деле, что собой представляет этот султан? — вмешался охотник.

— Сорокалетний полумертвый пьяница, — ответил доктор. — Из этого приключения следует сделать вывод, что почести и слава — вещи эфемерные и не надо ими слишком увлекаться.

— Тем хуже! — воскликнул Джо. — Мне, правду сказать, это было по душе. Подумать только! Тебе поклоняются, ты разыгрываешь бога… А тут вдруг появляется луна, да еще вся красная, словно действительно разозлившаяся…

В то время как Джо болтал таким образом, рассматривая ночное светило совершенно с новой

точки зрения, небо на севере стало заволакиваться тяжелыми, зловещими тучами. Довольно сильный ветер на высоте трехсот метров над землей гнал «Викторию» на норд-норд-ост. Небесный свод над нею был ясен, но почему-то как бы давил. Около восьми часов вечера наши аэронавты находились на 32°40′ долготы и 4°17′ широты. Под влиянием надвигавшейся грозы воздушное течение несло их со скоростью тридцати пяти миль в час. Под ними быстро проносились волнистые плодородные равнины Мфуто. Все было так живописно, что нельзя было не восхищаться.

— Мы сейчас в центре Лунных земель, — заметил доктор Фергюссон. — Ведь эти места сохранили и поныне свое древнее название, должно быть потому, что во все времена здесь обоготворяли луну. Действительно, чудесная страна! Трудно где-нибудь встретить более роскошную растительность!

Солнце, прорываясь сквозь тучи, золотило своими последними лучами все на земле; и гигантским деревьям, и древовидным папоротникам, и стелющемуся по земле мху — всем хватало его лучезарных потоков. Волнистая поверхность земли там и сям поднималась в виде холмов. Гор на горизонте не было видно.

Расстилались поляны, отделенные друг от друга бесконечными непроницаемыми колючими живыми изгородями, а на этих полянах виднелись селенья, окруженные как бы природными крепостными стенами из колоссальных эвфорбий и кораллообразных кустов.

Вскоре среди роскошной зелени зазмеилась Малагазари — самая большая река из питающих озеро Танганайку. В нее вливаются многочисленные потоки, образующиеся во время половодья. Нашим аэронавтам вся западная часть страны рисовалась в виде какой-то сети водопадов.

На роскошных лугах пасся скот с огромными горбами; он почти тонул в высокой траве. Благоухающие леса казались гигантскими букетами, но в этих букетах спасались от дневного зноя львы, леопарды, гиены, тигры. Порой слон раскачивал верхушки деревьев, и слышался треск от ломаемых его клыками стволов.

— Вот так страна для охоты! — с восторгом воскликнул Кеннеди. — Я уверен, что пуля, пущенная в лес наудачу, не может не найти себе достойной дичи. А скажи-ка, Самуэль, нельзя ли было бы попробовать здесь поохотиться?

— Никак нельзя, дорогой Дик: надвигается ночь, и ночь жуткая, — с ней идет гроза. А грозы

ужасны в этих местах, представляющих собой как бы гигантскую электрическую батарею.

— Ваша правда, сэр, — вмешался Джо. — Стало страшно душно, ветер совсем спал, чувствуется, как что-то надвигается.

— Да, воздух насыщен электричеством, — ответил доктор, — и все живое ощущает состояние воздуха, предшествующее борьбе стихий. Я лично, признаться, никогда до сих пор не испытывал этого в такой степени.

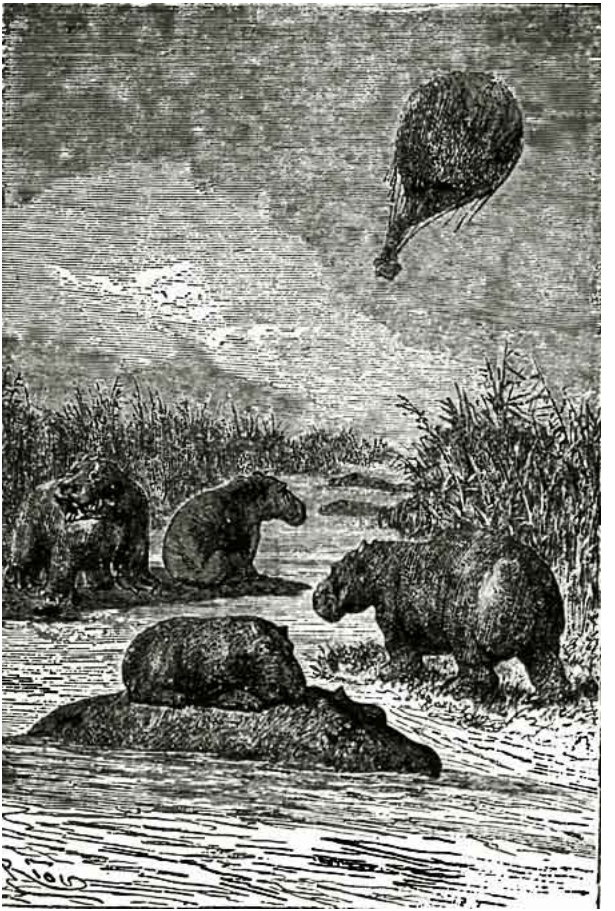
— Ну, а не думаешь ли ты, друг мой, что нам следовало бы спуститься? — проговорил охотник.

— Наоборот, Дик, я предпочел бы подняться выше. Одного только боюсь: как бы воздушные течения не отбросили нас от нужного нам маршрута.

— Разве ты, Самуэль, хочешь изменить направление, по которому мы следовали до сих пор от побережья?

— Видишь ли, Дик, если бы это мне удалось, я охотно продвинулся бы прямо к северу на семь или восемь градусов и попробовал бы добраться до тех широт, где, как предполагают, находятся истоки Нила. Быть может, нам удалось бы увидеть там какие-нибудь следы экспедиции капитана Спека или, пожалуй, даже самый караван

Геглина. Если только мои вычисления верны, то мы сейчас находимся на 32°40′ долготы, и мне хотелось бы подняться выше экватора.

Гиппопотамы.

— Погляди-ка! — закричал Кеннеди, прерывая своего друга. — Погляди на этих гиппопотамов, вылезающих из прудов… Это просто какие-то груды живого мяса. А вон те крокодилы… С каким шумом вбирают они в себя воздух!

— Они словно задыхаются, — заметил Джо. — А в самом деле, наш способ путешествовать чудесен: с каким презрением можем мы смотреть отсюда на всех этих злых гадов!.. Мистер Самуэль! Мистер Кеннеди! — вдруг закричал славный малый. — Посмотрите вон на эту стаю зверей, движущихся тесными рядами. Их будет, пожалуй, штук двести. По-моему, это волки.

— Нет, Джо, это дикие собаки. И представь себе, до чего они отважны: они не боятся нападать на самих львов. Для путешественника не может быть ничего опаснее такой встречи: он будет немедленно растерзан этими дикими собаками на куски.

— Ну, в таком случае не Джо возьмется надеть на них намордники, — заметил славный малый. — Но, в сущности говоря, если эта свирепость в их натуре, нельзя быть особенно в претензии на них за это.

С надвигающейся грозой мало-помалу все замерло. Казалось, сгущенный воздух не в состоянии передавать звуков: он был словно наполнен ватой. Птицы — журавли, красные и синие сойки, пересмешники, мухоловки — прятались в густую листву больших деревьев. Во всей природе чувствовалось приближение чего-то грандиозного…

В девять часов вечера «Виктория» неподвижно повисла над Мзэнэ, и аэронавты едва могли во мраке различить разбросанные селенья. Порой какой-нибудь прорвавшийся луч света, отражаясь в темной воде, вырисовывал правильно проведенные каналы и силуэты мрачных, неподвижных пальм, тамариндов, диких смоковниц и гигантских эвфорбий…

— Я просто задыхаюсь, — заявил шотландец, вдыхая полной грудью возможно больше разреженного воздуха. — Мы, по-видимому, совсем не движемся. Что же, будем спускаться, Самуэль?

— Но ведь гроза приближается, Дик, — ответил с беспокойством доктор.

— Если ты боишься быть унесенным ветром, то, мне кажется, нам ничего и не остается, как приземлиться, — возразил шотландец.

— Быть может, гроза еще и не разразится этой ночью, тучи ведь очень высоки, — вмешался

Джо.

— Вот именно это и удерживает меня от подъема выше туч, — .ответил Фергюссон. — Пришлось бы подняться очень высоко, потерять из виду землю и быть в полной неизвестности, движемся ли мы вообще, а если движемся, то куда нас несет.

— Решай же поскорее, дорогой Самуэль, время не терпит, — настаивал Дик.

— Как жаль, что спал ветер, — заметил Джо, — он унес бы нас от грозы.

— Да, очень жаль, друзья мои, — проговорил Фергюссон, — ибо тучи представляют для нас большую опасность. Они ведь несут с собой ветры противоположных направлений, которые могут в своем вихре захватить нашу «Викторию», они несут молнии, способные испепелить нас. С другой стороны, если мы приземлимся и закрепим якорь за верхушку какого-нибудь дерева, шквал может легко бросить нас на землю.

— Что же тогда делать?

— Надо держаться в средней зоне между опасностями, которыми грозят нам земля и небо. К счастью, у нас достаточно воды для горелки, да к тому же нетронут наш балласт в двести фунтов. В случае надобности я могу им воспользоваться.

— Мы будем бодрствовать с тобой, — заявил охотник.

— Нет, друзья мои, этого совсем не нужно. Спрячьте провизию и ложитесь спать. Если понадобится, я вас разбужу.

— Но не лучше ли было бы, сэр, вам сейчас отдохнуть, пока ничто еще нам не угрожает?

— Нет, спасибо, милый Джо, я предпочитаю бодрствовать. Мы сейчас не движемся, и если обстоятельства не изменятся, то завтра мы будем находиться на этом же самом месте.

— Спокойной ночи, сэр.

— Спокойной ночи, если только это будет возможно.

Кеннеди и Джо, завернувшись в свои одеяла, улеглись, а доктор остался бодрствовать.

Между тем, громада туч мало-помалу опускалась, и становилось все темнее. Мрачный небесный свод навис над землей, точно собираясь раздавить ее. Вдруг ослепительная, страшной силы молния прорезала темноту. Не успел погаснуть ее отблеск, как ужасающий удар грома потряс небо…

— Вставайте! — крикнул Фергюссон.

Оба спавшие, разбуженные невероятным шумом, вскочили и стояли наготове, чтобы ис-

полнять приказания доктора.

— Мы спускаемся, Самуэль? — спросил Кеннеди.

— Нет, наш шар внизу не выдержит. Мы должны подняться, прежде чем из туч хлынет ливень и вихрь со всей силой обрушится на нас.

Говоря это, Фергюссон усилил пламя горелки.

Тропические грозы разыгрываются с быстротой, не уступающей их силе. Вторая молния прорезала тучи, и за ней сейчас же одна за другой засверкали еще двадцать. Все небо было испещрено электрическими искрами, сыпавшимися вместе с крупными каплями дождя.

— Мы опоздали, — проговорил доктор, — и теперь придется на нашем шаре, наполненном легко воспламеняющимся газом, пронестись через огненную зону.

— Тогда на землю! На землю! — настаивал Кеннеди.

— Но и там мы почти в такой же мере рискуем быть взорванными, да к тому же, снизившись, мы рискуем напороться на ветви деревьев, — возразил Фергюссон.

— Ну, так давайте же подниматься, мистер Самуэль, — сказал Джо.

— Скорее! Скорее! — кричал шотландец.

В этой части Африки во время тропических гроз нередко можно насчитать до тридцати — тридцати пяти молний в минуту. Небо буквально бывает охвачено огнем, а раскаты грома сливаются один с другим.

В этой раскаленной атмосфере свирепствовал с ужасающей силой ветер. Он просто крутил охваченные пламенем тучи. Казалось, что какой-то гигантский вентилятор раздувает весь этот пожар…

«Виктория» в огненной зоне грозы.

Фергюссон поддерживал в горелке наибольший огонь. Шар раздувался и шел вверх. Стоя на коленях в центре корзины, Кеннеди удерживал края тента. Шар вертелся, раскачивался, доводя аэронавтов до головокружения. В оболочке его образовались большие впадины, в них врывался ветер, и шелковая тафта под его напором гудела. Град с оглушительным шумом рассекал воздух и барабанил по «Виктории». Но, несмотря на все, она продолжала подниматься и подниматься. Молнии чертили вокруг нее пламенные зигзаги. Она была среди огня.

— Приготовимся ко всему, даже к пожару, — проговорил Фергюссон. — Падать мы можем не очень стремительно.

Слова доктора едва долетали до ушей его спутников, но они ясно при свете сверкающих молний видели его спокойное лицо.

А «Виктория» продолжала кружиться и раскачиваться, все поднимаясь и поднимаясь ввысь. Через четверть часа она уже вышла из зоны грозовых туч. Электрические разряды происходили уже ниже «Виктории» и образовали как бы огромную корону из фейерверков, подвешенную под

ее корзиной. Это было одно из самых красивых зрелищ, какие природа может дать человеку. Внизу гроза, а наверху звездное небо — спокойное, молчаливое, иевозмутимое, с луной, мирно изливающей свои лучи на разъяренные тучи…

— Опаоность миновала, — проговорил доктор. — Нам нужно только держаться на этой высоте.

— А было страшно, — признался Кеннеди.

— Ну, что там! — отозвался Джо. — Это вносит разнообразие в путешествие, и я лично ничего не имею против того, чтобы наблюдать грозу сверху. Что и говорить, — красивое зрелище!

ГЛАВА XVII

Лунные горы. — Океан зелени. — Попытки стать на якорь. — У слона на буксире. — Гибель толстокожего животного. — Пир на траве. — Ночь на земле.

На следующее утро солнце показалось над горизонтом около четырех часов. Тучи рассеялись. Дул свежий утренний ветерок. «Виктория», кружась среди противоположных воздушных течений, оставалась почти на том же месте. Доктор, уменьшив огонь в горелке, заставил свой шар снизиться, чтобы поискать среди воздушных течений северное. Долго его попытки оставались тщетными. Ветер все нес шар к западу, и вот на голубоватом горизонте стали вырисовываться Лунные горы, расположенные полукругом у озера Танганайки. Горы эти были естественной крепостью, недоступной для исследователей Центральной Африки. На некоторых конических вершинах лежали вечные снега.

— Вот мы и в совсем неисследованном крае, — объявил доктор. — Капитан Бюртон хотя и далеко продвинулся на запад, но не смог достичь этих

знаменитых гор. Он даже отрицал самое их существование, уверяя своего компаньона Спека, что все эти Лунные горы — одна фантазия. Для нас же, друзья мои, теперь уже в этом не может быть никаких сомнений!

— Что же, мы будем перелетать через' них, Самуэль? — поинтересовался Кеннеди.

— Не хотелось бы мне этого. Я надеюсь отыскать подходящее воздушное течение, которое снова отнесло бы нас к экватору. Если понадобится, я готов даже обождать. Ведь наша «Виктория», как судно, при неблагоприятном ветре может бросить якорь.

Надеждам доктора скоро суждено было осуществиться. Испробовав несколько высот, «Виктория», наконец, направилась со средней скоростью к северо-востоку.

— Мы попали на очень хорошее течение, — заявил Фергюссон, глядя на компас. — К тому же, мы находимся всего в каких-нибудь двухстах футах от земли. Все это чрезвычайно благоприятные условия, чтобы ознакомиться с неведомыми еще областями. Ведь капитан Спек, отправляясь на поиски озера Укереве, поднялся восточнее по прямой линии от Казеха.

— А долго ли нам придется так лететь? — спро-

сил Кеннеди.

— Пожалуй, да. Наша цель — добраться до истоков Нила. Следовательно, нам нужно пролететь больше шестисот миль, чтобы достигнуть той крайней точки, до которой дошли исследователи, явившиеся с севера.

— Но разве мы не спустимся на землю? Хорошо бы немного поразмять ноги, — сказал Джо.

— В самом деле, придется это сделать, — отозвался доктор. — Нужно бережно относиться к нашим съестным припасам, и ты, милый Дик, должен снабдить нас свежим мясом.

— Как только ты этого пожелаешь, дорогой Самуэль!

— Надо будет также возобновить наш запас воды, — добавил доктор. — Кто знает, быть может, мы попадем в совсем безводную местность. Никогда не мешает быть предусмотрительным.

В полдень «Виктория» находилась на 29°15′ долготы и 3°15′ широты. Она пролетала над селением Уйофу — крайним пунктом на севере Униамвэзи— на высоте озера Укереве, которого еще не было видно.

Сообща было решено спуститься при первых же благоприятных условиях. Предполагалось сделать продолжительную остановку, во время

которой будет произведен тщательный осмотр шара. Притушили пламя горелки, выбросили из корзины якоря, и те скоро стали задевать за высокие травы необозримой степи. С высоты эти травы казались газоном, в действительности же они поднимались на семь-восемь футов от земли.

«Виктория», словно гигантски бабочка, задевала эти травы, не приминая их. Впереди не было никаких препятствий — один безбрежный океан зелени…

— Мы, пожалуй, так долго будем гоняться за деревом: я ни одного не вижу, — заметил Кеннеди. — Да и на охоту что-то плохая надежда, — прибавил он.

— Обожди, дорогой Дик, — успокаивал его Фергюссон, — все равно ты не мог бы охотиться здесь, где травы выше твоей головы. В конце концов найдем же мы удобное место.

Это была поистине чудесная прогулка, какое-то волшебное плавание по зеленому, словно прозрачному морю, слегка волнуемому ветерком. Корзина «Виктории», как бы оправдывая свое название «гондолы», рассекала эти зеленые волны, откуда порой вылетали, весело крича, целые стаи птиц с восхитительным оперением. Якоря

купались в целом море цветов.

Вдруг наши аэронавты почувствовали сильный толчок: видимо, якорь зацепился за расселину какой-либо скалы, скрытой под гигантскими травами.

— Зацепились! — воскликнул Джо.

— Ну, что же! Спускай лестницу! — крикнул охотник.

Не успели прозвучать эти слова, как в воздухе раздался резкий крик, и из уст наших аэронавтов посыпались возгласы удивления:

— Что такое?

— Какой странный крик!

— Представь себе, мы движемся!

— Якорь, значит, вырвался!

— Ну, нет! Он держится, — заявил Джо, попробовав канат.

— Что же это значит? Скала пошла?

В траве действительно что-то двигалось, и вскоре из нее показалось нечто продолговатое и извивающееся.

— Змея! — закричал Джо.

— Змея! — повторил Кеннеди, заряжая свой карабин.

— Да нет же — это хобот слона, — возразил доктор.

— Что ты, Самуэль, неужели слон?

И Кеннеди стал прицеливаться.

— Обожди, Дик, обожди.

— Подумайте только! Животное взяло нас на буксир и тащит!

— И представь, мой милый Джо, тащит туда, куда нужно, — заявил Фергюосон.

«Виктория» на буксире у слона.

Слон подвигался вперед довольно быстро; вскоре он добрался до лужайки, где его можно было рассмотреть. Судя по его гигантскому росту, доктор признал в нем самца прекрасной породы. Его удивительно красиво изогнутые беловатые клыки имели не меньше восьми футов длины. Между этими-то клыками и засели крепко-накрепко якорные лапы.

Животное тщетно старалось при помощи хобота освободиться от каната, прикрепленного к корзине.

— Вперед! Смелей! — в восторге кричал Джо. — Вот так новый способ путешествовать! Это уж не лошадь, а — смею уверить вас — настоящий слон!

— Но куда же он нас тащит? — проговорил Кеннеди, вертя в руках свой карабин, из которого ему так не терпелось выстрелить.

— Он тащит нас туда, дорогой Дик, куда нам нужно. Потерпи немного, — успокаивал Фергюсон своего друга.

— Вперед! Вперед! — продолжал радостно кричать Джо.

Слон понесся галопом, размахивая хоботом

направо и налево. Каждый его скачок страшно сотрясал корзину «Виктории».

Доктор с топором в руке стоял наготове, собираясь обрубить канат, как только это станет необходимо.

— Но все-таки нашим якорем мы пожертвуем только в самом крайнем случае, — проговорил он.

Бег на буксире у слона длился уже часа полтора, а слон отнюдь не проявлял никакой усталости. Эти огромные толстокожие животные, так же как и киты, напоминающие их своими размерами и быстротой, с какой они движутся, могут в одни сутки переноситься на громадные расстояния.

— А знаете, — воскликнул Джо, — мы славно кита загарпунили и подражаем тому, что проделывают китоловы во время ловли.

Однако меняющийся характер местности заставил доктора подумать об ином способе передвижения. Милях в трех, на северной стороне степи, показался густой лес камальдаров. Тут уж появилась необходимость освободить шар от его живого двигателя.

И вот остановить слона было поручено Кеннеди. Тот вскинул на плечо свой карабин и, хотя положение для стрельбы было чрезвычайно

неудобно, выстрелил. Но пуля, ударившись о голову слона, сплющилась, словно попала в железо. Животное при этом не обнаружило ни малейших признаков страха, но после выстрела понеслось еще быстрее, словно скаковая лошадь.

— Это просто какой-то дьявол! — крикнул Кеннеди.

— Ну и крепкая же башка! — промолвил Джо.

— А теперь попробуем-ка всадить ему несколько конических пуль в плечо, — проговорил Дик, старательно заряжая карабин, и тут же выстрелил.

Слон страшно заревел и помчался еще быстрее.

— Вижу, мистер Дик, мне надо вам помочь, — сказал Джо, хватаясь за ружье, — а то этому никогда конца не будет…

И две пули впились в бок животного.

Слон остановился, вытянул хобот и затем снова со всех ног пустился по направлению к лесу. Он мотал своей огромной головой, и кровь потоками лилась из его ран.

— Давайте еще стрелять, мистер Дик, — предложил Джо.

— И, смотрите, стреляйте без промаха, а то мы всего в каких-нибудь двадцати саженях от ле-

са, — заметил доктор.

Раздались еще десять выстрелов… Слон сделал ужасный прыжок. Корзина и шар затрещали так, что казалось — все сейчас развалится на куски. Толчок был до того силен, что топор из рук доктора упал на землю. Положение становилось совершенно критическим: канат якоря, накрепко привязанный к корзине, нельзя было ни отвязать, ни перерезать ножами, а «Виктория» была почти у леса. Вдруг в тот момент, когда слон задрал голову, в глаз ему попала пуля. Животное остановилось, колени его подогнулись, и оно как-то боком повернулось к охотнику.

— Ну, вот теперь, наконец, можно целить и в сердце, — сказал Дик и выпустил из карабина свой последний заряд.

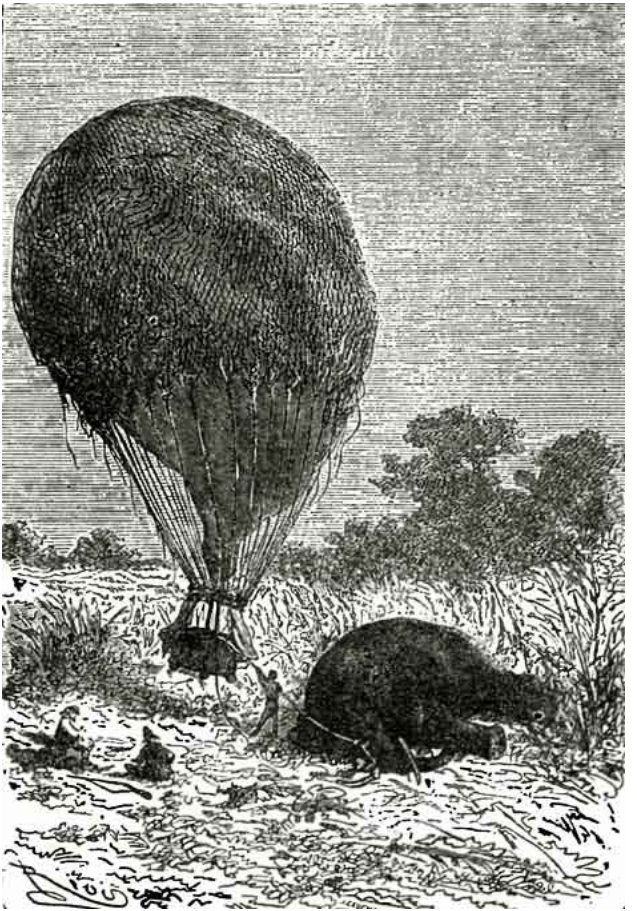
У слона вырвался ужасный предсмертный стон; он на мгновение выпрямился, помахал хоботом, а затем всею своею тяжестью рухнул на землю, сломав при этом один, из своих красавцев-клыков. Слон был мертв.

— Вот тебе на! Он сломал себе клык! — закричал Кеннеди. — А ведь за сто фунтов такой слоновой кости в Англии дали бы тридцать пять гиней!

— Неужели так много? — удивился Джо, спускаясь по якорному канату на землю.

— К чему все твои сожаления, дорогой Дик? — вмешался Фергюссон. — Разве мы с тобой торгуем слоновой костью и явились сюда наживаться?

Джо осмотрел якорь. Он крепко держался за уцелевший клык. Самуэль и Дик спрыгнули на землю, а шар, наполовину уменьшившийся в объеме, закачался над трупом слона.

Слон был мертв.

— Великолепное животное! — воскликнул Кеннеди. — Какая громадина! Никогда в Индии мне не приходилось видеть таких огромных экземпляров.

— Тут нет ничего удивительного, дорогой Дик: известно, что в Центральной Африке водятся самые крупные слоны земного шара. За ними так усиленно охотились в Капской области, что они перекочевали к экватору, и мы часто будем встречать целые их стада.

— Пока же, надеюсь, мы полакомимся вот этим самым слоном, — сказал Джо. — И я обязуюсь приготовить из его мяса превкусное жаркое. Мистер Кеннеди, конечно, час или два поохотится, а мистер Самуэль займется осмотром шара, я же в это время буду стряпать.

— Вот как прекрасно всё распределил наш Джо, — отозвался доктор. — Делай же, мой милый, по своему усмотрению.

— А я и в самом деле воспользуюсь теми двумя часами свободы, которые соблаговолил мне пожаловать Джо, — заявил охотник.

— Отправляйся, друг мой. Только будь осторожен, главное — не уходи слишком далеко.

— Будь спокоен, Самуэль.

Дик захватил ружье и, не теряя времени, углубился в лес.

Тут Джо приступил к исполнению своих обязанностей. Начал он с того, что выкопал в земле яму глубиной в два фута и набил ее сухими ветками, валявшимися кругом в изобилии, — по-видимому, они были сломаны слонами, следов которых было здесь немало. Заполнив таким образом яму, Джо соорудил над нею большой костер и поджег его.

Затем он направился к туше слона, лежавшей саженях в десяти от леса, ловко отсек большущий хобот (в нем у основания было футов около двух), вырезал из него самую нежную часть да еще присоединил к этому губчатое мясо с ног. Это действительно самые лакомые куски, так же точно, как горб у бизона, лапа у медведя или голова у дикого кабана. Когда костер и сверху и снизу выгорел, в яме, очищенной от угольев и золы, оказалась очень высокая температура. Джо, завернув куски слонового мяса в ароматические листья, сложил их в эту яму и прикрыл золой; над всем этим он снова сложил костер, и, когда прогорел и этот, жаркое было готово.

Джо вынул свое произведение из этой свое-

образной печи и разложил на зеленых листьях аппетитные куски; затем среди очаровательной лужайки он приготовил все к обеду: поставил жаркое, принес сухарей, водку, кофе, а из соседнего ручья зачерпнул свежей и прозрачной, как кристалл, воды.

«Любо видеть такое пиршество, — думал славный малый. — Вот так путешествие! И безопасное и без усталости! — все повторял он. — Обед всегда во-время, постель всегда к твоим услугам. Чего еще надо? А этот добряк мистер Кеннеди еще не хотел отправляться с нами!»

В это время доктор Фергюссон тщательно осматривал свой шар. По-видимому, он нисколько не пострадал от грозы и Шквала. И тафта и гуттаперча превосходно выдержали непогоду. Приняв во внимание высоту местности над уровнем моря и подсчитав подъемную силу шара, Фергюссон с радостью убедился, что количество водорода нисколько не убавилось.

Оболочка, значит, продолжала быть абсолютно непроницаемой.

Всего пять дней назад аэронавты вылетели из Занзибара. Пеммикана еще не начинали. Сухарей и мяса в консервах должно было хватить надолго. Требовалось лишь возобновить запас воды. Труб-

ки и змеевик были в превосходном состоянии. Благодаря каучуковым коленам они прекрасно выдержали все раскачивания. Закончив осмотр шара, доктор занялся приведением в порядок своих записей. А затем он сделал очень удачный набросок окружающей местности: уходящая в беспредельную даль степь, лес камальдаров и «Виктория», неподвижно висящая в воздухе над трупом слона чудовищных размеров…

Через два часа вернулся Кеннеди со связкой жирных куропаток и задней ножкой антилопы. Джо сейчас же взялся приготовить это дополнение к их пиршеству.

— Обед готов! — вскоре закричал он весело.

Троим путешественникам оставалось только усесться на зеленой лужайке. Нога и хобот слона были всеми признаны превкусными. Впервые в этой чудесной местности задымились восхитительные гаванские сигары. Кеннеди ел, пил и болтал за четверых. Он был несколько навеселе и самым серьезным образом предлагал своему другу доктору поселиться в этом лесу, построить себе из ветвей шалаш и положить начало династии африканских Робинзонов.

Дальше предложений дело не пошло, хотя Джо и выразил готовность играть роль Пятницы.

Кругом царило такое спокойствие, местность казалась такой безлюдной, что доктор решил заночевать на земле. Джо устроил огненный круг из костров. Подобная баррикада была необходима ввиду возможного появления диких зверей. И действительно, гиены, кагуары[9] и шакалы, привлеченные запахом слоновьего мяса, всю ночь бродили кругом. Кеннеди не раз принужден был стрелять в слишком дерзких визитеров. Но, в общем, ночь прошла спокойно.

[9] Примечания: 9
Кагуары — род тигров.

ГЛАВА XVIII

Карагва. — Озеро Укереве, — Ночь на острове. — Экватор. — Перелет через озеро. — Водопады. — Вид страны. — Истоки Нила. — Остров Бенга. — Надпись Андрея Дебоно.

На следующее утро с пяти часов начались приготовления к дальнейшему полету. Джо разрубил топором (к счастью, найденным) клыки слона, и освобожденная «Виктория» понеслась на северо-восток со скоростью восемнадцати миль в час.

Еще накануне вечером доктор по звездам определил их местонахождение. Они были на 2°40′ широты, то есть в ста шестидесяти географических милях (двести девяносто шесть километров) от экватора. Аэронавты неслись над многими селениями, не обращая внимания на крики, вызванные их появлением. Фергюссон все время зарисовывал местность, над которой они пролетали.

Когда «Виктория» была над Кафуро, — большой, известной своей торговлей областью, — доктор, наконец, увидел озеро, предмет стольких исканий, озеро, которое 2 августа 1858 года впервые

неясно вырисовывалось перед глазами капитана Спека.

Волнение охватило Самуэля Фергюссона: ведь он почти достиг одного из главнейших пунктов, которые собирался исследовать. Вооружившись подзорной трубой, он старался не пропустить ни одного уголка этого таинственного края. Под ним проносились довольно истощенные земли; только некоторая часть их была обработана. Холмистая местность, по мере приближения к озеру, становилась все более ровной; вместо рисовых плантаций здесь виднелись поля ячменя. Рос тут и подорожник, из которого туземцы приготовляют местное вино, и «мвани» — дикое растение, употребляемое вместо кофе. Полсотни круглых хижин с соломенными крышами представляли собой столицу Карагвы.

Хорошо можно было рассмотреть изумленные лица довольно красивых людей с желтовато-коричневой кожей. На полях с трудом передвигались женщины невероятной толщины. Тут Фергюссон очень удивил своих спутников, сообщив им, что эта полнота, очень ценимая в здешних местах, достигается путем обязательного употребления кислого молока. В полдень «Виктория» была под 1°45′ южной широты, а

через час она уже парила над озером.

Это озеро было названо капитаном Спеком «Нианца (озеро) Виктория». В данном месте оно могло иметь в ширину миль девяносто. В южной его части капитан Спек открыл целую группу островков, названных им Бенгальским архипелагом. Свои исследования Спек довел до Муанца, расположенного на восточном берегу озера, где и был радушно принят султаном. Спек сделал тригонометрическую съемку этой части озера, но не смог раздобыть лодку, чтобы переплыть через озеро и посетить большой остров Укереве. Остров этот (представляющий собой во время отлива полуостров) очень густо населен и управляется тремя султанами.

«Виктория» все неслась к северной части озера, о чем доктор очень сожалел. Ему хотелось точно определить южные его очертания. Берега, над которыми пролетали наши аэронавты, заросли колючим спутанным кустарником, и их едва можно было разглядеть сквозь тучи носившихся над ними москитов. Жить в этой местности было невозможно, и она была необитаема. Здесь виднелись только стада гиппопотамов. Одни из них лежали в густых высоких тростниках, другие прятались в белесоватых водах озера.

На западе берега не было видно — озеро казалось здесь каким-то морем.

Доктору трудно было теперь справляться со своим шаром; он боялся, что их может отнести на восток. Но, к счастью, ему удалось попасть в течение, которое умчало «Викторию» на север; в шесть часов вечера они были над маленьким пустынным островком, находящимся в двадцати милях от берега, на 0,30' широты и 32°52′ долготы.

Наши аэронавты зацепились за дерево, и так как ветер к вечеру стих, они могли спокойно стоять на якоре. О том, чтобы спуститься на землю, нечего было и думать. Здесь, как и по берегам озера, держались густые тучи москитов. Пока Джо укреплял якорь на дереве, его уже успели искусать москиты, но славный малый не почувствовал никакой злобы к ним, находя это вполне естественным.

Доктор же, настроенный менее оптимистически, отпустил канат якоря, насколько это было возможно. Он стремился избавиться от безжалостных насекомых, уже поднимавшихся к ним с внушающим тревогу жужжанием.

— Ну, вот мы и на острове, — проговорил Джо, почесываясь изо всех сил.

— Мы мигом могли бы его обойти, — отозвался охотник. — Видимо, кроме этих милейших москитов, здесь нет ни одной живой души.

— Надо вам сказать, что все островки, которыми усеяно озеро, не что иное, как вершины затопленных водою холмов, — пояснил доктор. — Нам положительно посчастливилось найти здесь пристанище, ибо берега озера населены свирепыми племенами. Спите же, благо небо сулит нам спокойную ночь.

— А ты, Самуэль, разве не последуешь нашему примеру? — спросил его друг.

— Нет, я не в состоянии сомкнуть глаз. Мысли гонят всякий сон. Завтра, друзья мои, если только ветер будет благоприятным, мы понесемся прямо на север и, быть может, откроем истоки Нила — эту за тысячелетия не разгаданную тайну. Я не в силах уснуть, когда так близки истоки великой реки!

Кеннеди и Джо, которых вопрос об истоках Нила далеко не так волновал, как доктора, не замедлили крепко заснуть под его охраной.

В четыре часа утра 23 апреля «Виктория» снялась с якоря. Царил еще полумрак. Ночь неохотно покидала воды озера, над которым стоял густой туман. Но вскоре его разогнал сильный ветер.

«Викторию» несколько минут качало из стороны в сторону, а затем понесло прямо на север.

Фергюссон от радости захлопал в ладоши.

— Мы на верном пути! — закричал он. — Увидим Нил сегодня — или никогда! Знаете, друзья май, ведь мы на экваторе! Еще миг — и мы будем в нашем северном полушарии!

— Вот как! Так, значит, сэр, вы считаете, что именно здесь проходит экватор? — промолвил Джо.

— Именно здесь, мой милый.

— Уж как вам угодно, сэр, а по-моему, непременно нужно, не теряя времени, его вспрыснуть.

— Ну, давайте хватим по стакану грога! Твой способ изучать космографию, Джо, совсем не плох.

И таким образом на «Виктории» был отпразднован перелет через экватор.

«Виктория» быстро неслась вперед. На западе виднелся низкий ровный берег, а дальше — плоскогорья Уганда и Узога. Быстрота ветра все возрастала: она достигала теперь почти тридцати миль в час. По озеру, точно по морю, шли большие пенящиеся волны. Видно было, что оно очень глубоко. За все время перелета на нем показалось всего каких-нибудь два грубо

сделанных челнока.

— Это озеро, — начал доктор, — благодаря тому, что оно расположено так высоко, очевидно, должно служить естественным водоемом для больших рек восточной Африки. И во мне живет глубочайшее убеждение, что Нил берет свое начало именно здесь.

— А вот увидим, — проговорил Кеннеди.

Около девяти часов утра приблизились к западному берегу. Он был лесист «казался пустынным. Ветер тут стал несколько относить «Викторию» к востоку. Вдали поднимались обнаженные вершины высоких гор, среди которых по глубокому извилистому ущелью бурлила река.

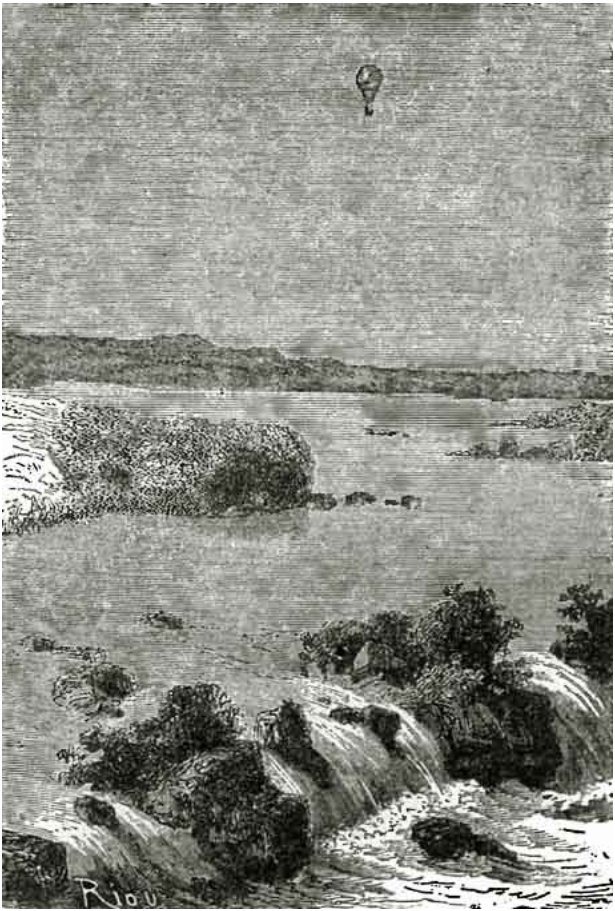
Все время, управляя шаром, Фергюссон не отрывал глаз от местности, над которой они пролетали.

— Смотрите, друзья мои, смотрите! — вдруг закричал он. — Была, значит, правда в рассказах арабов, когда они уверяли, что «большая» река вытекает из северной части озера Укереве. Теперь она перед вами! Мы летим над нею. Она несется почти с такой же быстротой, как и мы. И эти воды, мчащиеся под нами, наверно, сольются с волнами Средиземного моря. Да будет вам известно — это Нил!

— Это Нил! — повторил за своим другом Кеннеди, заразившись его энтузиазмом.

— Да здравствует Нил! — вырвалось у Джо, никогда не пропускавшего случая радостно покричать.

Громадные утесы здесь и там загромождали течение этой таинственной реки. Вода бурлила, образуя стремнины и водопады, и все это еще больше убеждало Фергюссона в верности его предположений. Сотни потоков, пенясь, неслись с окружающих гор к этой реке, и она благодаря им делалась все величественнее.

RIOU

— Конечно, это Нил, — убежденно повторил доктор. — Знаете, происхождение названия этой реки вызывало у ученых не менее жгучий интерес, чем местонахождение ее истоков. С какими только языками это слово «Нил» не связывали: и с греческим, и с капским, и с санскритским. Но все это в конце концов неважно, раз этот самый Нил был вынужден наконец открыть нам тайну своих истоков.

— Но скажи, Самуэль: как убедиться, что это — та самая река, которую обследовали северные путешественники? — спросил охотник.

— Если ветер будет благоприятствовать нам еще в течение часа, мы будем иметь доказательства самые верные, самые неопровержимые, — ответил доктор.

Горы расступались, как бы давая место для многочисленных селений и полей кунжута и сахарного тростника. Туземцы имели вид очень возбужденный и враждебный. Очевидно, они скорее были склонны к гневу, чем к поклонению, принимая аэронавтов отнюдь не за богов, а за чужестранцев. И «Виктория» должна была держаться вне досягаемости мушкетных выстрелов.

— А спуститься на землю здесь будет трудновато, — проговорил шотландец.

— Ну, и невелика беда, — отозвался Джо. — Тем хуже для этих дикарей, что мы лишим их приятности беседы с нами.

— Однако снизиться все же необходимо, хоть на четверть часа, — промолвил Фергюссон. — Без этого я не могу доказать результатов наших исследований.

— Так ты находишь это необходимым, Самуэль?

— Совершенно необходимым, Дик, и нам следует это сделать, даже если бы понадобилось при этом прибегнуть к оружию.

— Это-то мне по вкусу! — воскликнул Кеннеди, поглаживая свой карабин.

— Словом, мы спустимся, сэр, когда вам будет угодно, — сказал Джо, начиная готовиться к бою.

— Это не впервые, когда приходится служить науке с оружием в руках, — заметил доктор. — Между прочим, это же случилось с одним французским ученым, когда он в горах Испании измерял земной меридиан.

— Будь спокоен, Самуэль, и положись на своих телохранителей, — заявил Дик.

— Сейчас будем спускаться, сэр? — спросил

Джо.

— Нет еще. Мы раньше поднимемся, чтобы сделать точную съемку местности.

Водород расширился, и не прошло и десяти минут, как «Виктория» парила уж на высоте двух тысяч пятисот футов над землей. Отсюда ясно была видна целая сеть речек, впадавших в большую реку. Большинство из них текло с запада, среди холмов и плодородных полей.

— Мы не более как в девяноста милях от Гондокоро и менее чем в пяти милях от пункта, которого достигли исследователи, двигавшиеся с севера, — справившись по карте, проговорил Фергюссон. — Итак, осторожно начнем снижаться.

Когда «Виктория» опустилась больше чем на две тысячи футов, доктор предупредил:

— Теперь, друзья мои, надо быть готовыми ко всевозможным случайностям.

— Мы готовы! — ответили в один голос Дик и Джо.

— Прекрасно!

«Виктория» неслась в каких-нибудь ста саженях над Нилом, который в этом месте был не шире пятидесяти саженей. Туземцы шумно суетились на обоих его берегах. Здесь Нил образовал водопад, где вода свергалась с высоты около деся-

ти футов. В этой своей части он был несудоходен.

— Вот, наверное, тот водопад, о котором упоминал Дебоно! — воскликнул доктор.

Река расширялась и была усеяна многочисленными островками; их Самуэль Фергюсган рассматривал с особым вниманием. Казалось, что он ищет что-то, чего ему пока не удавалось найти.

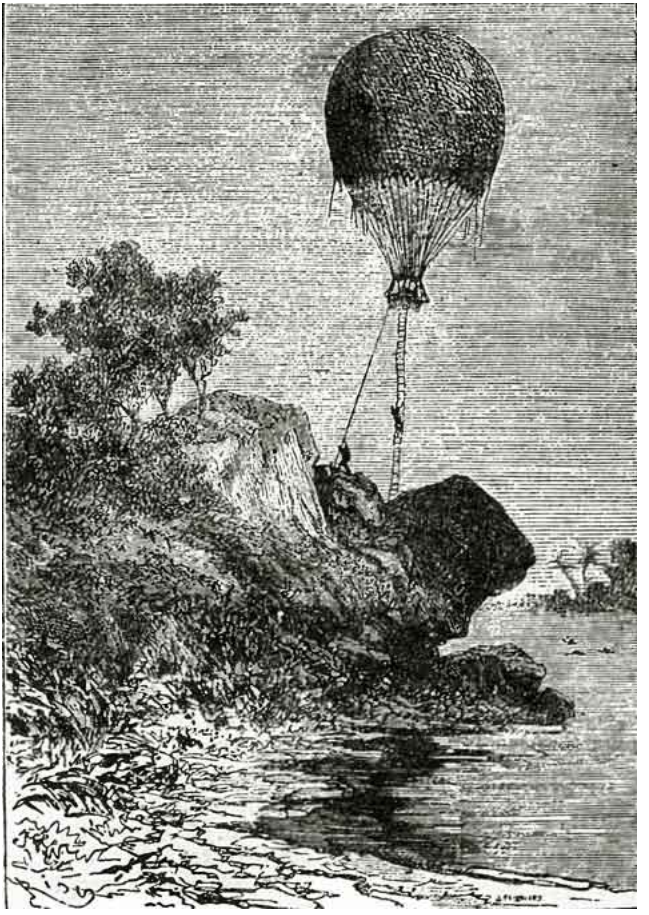
Несколько негров подплыли на лодке под самый шар. Кеннеди приветствовал их выстрелом из карабина. Не причинив им вреда, выстрел этот, однако, заставил их как можно скорее добраться до берега.

— Счастливого пути! — прокричал им Джо. — На их месте я не рискнул бы вернуться, убоявшись чудовища, мечущего, когда ему заблагорассудится, громы.

Но вот доктор Фергюссон схватил подзорную трубу и направил ее на островок посредине реки…

— Четыре дерева! — закричал он. — Смотрите, вон там!

Действительно, на берегу островка росли четыре дерева.

Остров Бенга.

— Это остров Бенга. Да, конечно, он! — прибавил доктор.

— Ну, и что из этого? — спросил Дик.

— Да то, что мы спустимся здесь, если только сможем.

— Но там, кажется, есть люди, мистер Самуэль, — заметил Джо.

— Ты прав. Если я не ошибаюсь, вон там кучка туземцев человек в двадцать, — подтвердил Кеннеди.

— Мы живо обратим их в бегство, это не так уж трудно, — ответил Фергюссон.

Когда «Виктория» спускалась к островку, солнце стояло в зените.

Негры, принадлежащие к племени макадо, стали громко кричать. Один из них размахивал шляпой из древесной коры. Кеннеди прицелился в нее и выстрелил, — шляпа разлетелась на куски. Это вызвало страшное смятение. Негры бросились в реку и вплавь перебрались на тот берег. Оттуда немедленно полетели град пуль и туча стрел. Но «Виктория», зацепившись за расселину скалы, была неуязвима. Джо соскользнул на землю.

— Лестницу! — закричал доктор. — Кеннеди, за мной!

— Что ты хочешь делать, Самуэль?

— Давай спустимся, Дик, — ты мне нужен как свидетель.

— К твоим услугам.

— А ты, Джо, сторожи хорошенько.

— Будьте спокойны, сэр, я за все отвечаю.

— Ну, идем же, Дик, — торопил доктор.

Сойдя на землю, он повел своего друга к группе скал, возвышавшихся на краю острова. Здесь он принялся что-то искать среди кустарников и при этом в кровь исцарапал себе руки. Вдруг он схватил охотника за плечо.

— Смотри! — проговорил он.

— Буквы! — закричал Кеннеди.

В самом деле, на скале очень ясно вырисовывались две буквы: А и Д.

— А и Д — это собственноручная подпись Андрея Дебоно, исследователя-француза, дальше всех поднявшегося вверх по течению Нила, — объяснил доктор.

— Вот это действительно неопровержимо, дорогой мой Самуэль! — воскликнул Дик.

— Наконец-то ты убедился, — сказал доктор, — что это Нил! Ведь тут не может быть больше

сомнений.

Фергюссон тщательно срисовал две буквы, точно придерживаясь их величины и формы, и, взглянув на них в последний раз, оказал:

— А теперь вернемся к нашей «Виктории».

— И не теряя времени, — прибавил Кеннеди, — ибо, видишь, несколько туземцев уже собираются плыть сюда.

— Теперь для нас это неважно. Пусть бы ветер еще несколько часов нес нас к северу, и тогда мы будем в Гондокоро, где сможем пожать руки нашим землякам.

Через десять минут «Виктория» величественно поднималась в воздух.

ГЛАВА XIX

Нил. — «Дрожащая» гора. — Воспоминание о родине. — Рассказы арабов. — Ниам-ниам. — Умные мысли Джо. — «Виктория» лавирует. — Рассказ Фергюссона.

— В каком направлении мы летим? — спросил Кеннеди своего друга, видя, что тот смотрит на компас.

— Мы летим на северо-северо-запад.

— Чорт побери, это ведь не север!

— Конечно, нет, Дик. И я боюсь, что нам трудновато будет добраться до Гондокоро. Очень это обидно, но не надо забывать, что нам уже удалось соединить в одно труды исследователей, двигавшихся и с востока и с севера. Нет! Жаловаться нам не приходится.

«Виктория» мало-помалу удалялась от Нила.

— Ну, бросим же последний взгляд на эти недоступные широты, куда не могли проникнуть самые отважные путешественники, — проговорил Фергюссон. — Наверное, именно здесь обитают те мало приятные племена, о которых упоминали Петерик, Арно, Миани и молодой пу-

тешественник Лежан, которому, надо сказать, мы обязаны лучшими трудами о верховьях Нила.

— Значит, Самуэль, наши открытия не противоречат научным гипотезам? — спросил Кеннеди.

— Нет, нисколько, они совершенно сходятся с ними.

— А вон видны водопады, — сказал Джо.

— Это, по-моему, водопады Македо, находящиеся на 3° широты, — отозвался Фергюссон. — Да, да, они должны быть здесь. Как жаль, что нам не удалось еще несколько часов пролететь над Нилом, — добавил он.

— Там, впереди нас, виднеется горная вершина, — заметил охотник.

— Это гора Логвэк, так называемая «Дрожащая» гора арабов, — пояснил доктор. — Все эти места посетил Дебоно, путешествовавший под именем Латиф-эфенди. Надо сказать, что племена, живущие по берегам Нила, постоянно враждуют между собой и ведут бесконечные кровопролитные войны. Вы представляете себе, какой-страшной опасности подвергался этот самый Дебоно в такой обстановке?

Тут ветер стал нести «Викторию» на северо-запад. Чтобы избежать вершины горы Логвэк, пришлось искать иное воздушное течение.

— А знаете, друзья мои, — обратился Фергюссон к своим спутникам, — в сущности, мы с вами только сейчас начинаем настоящий наш перелет через Африку. Ведь до сих пор мы чаще всего шли по стопам наших предшественников. Теперь же мы пускаемся в края, совершенно неведомые. Хватит ли у вас на это смелости?

— Конечно! — в один голос крикнули Дик и Джо.

— Ну, тогда в путь-дорогу!

Пронесясь над оврагами, лесами и разбросанными там и сям селениями, наши аэронавты в десять часов вечера были у пологих склонов «Дрожащей» горы.

В этот памятный день, 23 апреля, «Виктория», увлекаемая сильнейшим ветром, пролетела за пятнадцать часов огромное расстояние в триста пятнадцать миль.

Но во время последней части этого перелета настроение у аэронавтов было подавленное. В корзине царила полнейшая тишина. Занимали ли доктора Фергюосона мысли о его открытиях? Думали ли его спутники о том, что ожидает их в совершенно неведомых краях? Конечно, тут было все это, да еще в придачу нахлынули воспоминания о родине и далеких друзьях. Один только Джо

продолжал смотреть на все философски, считая совершенно естественным, что родина, находясь так далеко, не может быть одновременно и здесь. Но он удерживал себя от болтовни, относясь с почтением к молчанию Самуэля Фергюссона и Дика Кеннеди.

В десять часов вечера «Виктория» стала на якорь против «Дрожащей» горы. Здесь наши аэронавты плотно поужинали и хорошо выспались, поочередно неся вахту.

Утром они проснулись в лучшем настроении, чем накануне. Погода была хорошая, и дул благоприятный ветер. Во время завтрака Джо так развеселил своих спутников, что общее настроение стало совсем безоблачным.

Страна, где они находились, была огромна, на границах ее тянулись горы Лунные и Дарфур. По величине она равнялась чуть ли не всей Европе.

— Мы, должно быть, сейчас в предполагаемом царстве Узога, — сказал доктор. — Географы считают, что в центре Африки существует огромная впадина с необъятным озером. Посмотрим, правы ли они.

— Но откуда могли взяться подобные предположения? — спросил Кеннеди.

— Видишь ли, они основываются на рассказах

арабов, а те не только любят поговорить, а часто бывают и пустомелями. Некоторые. из путешественников, побывавших в Казехе и у Великих озер, встречали там невольников из центральных стран и расспрашивали тех об их родине. Очевидно, благодаря всем этим рассказам и появилась такая гипотеза. Но надо сказать, что во всех подобных россказнях бывает всегда какая-то доля истины, как ты и сам мог убедиться в вопросе об истоках Нила, — добавил Фергюссон.

— Да, тут уж ничего не могло быть вернее, — отозвался охотник.

— И вот на основании этих же расспросов туземцев и были сделаны попытки составить карты, конечно, с приблизительной верностью, — продолжал рассказывать доктор. — Одна, из таких карт в моем распоряжении, и я в пути, по мере надобности, буду вносить в нее исправления.

— А эта страна вся населена? — спросил Джо.

— Конечно, и населена довольно-таки несимпатичными племенами, — ответил доктор.

— Представьте, мне так и казалось! — вырвалось у Джо.

— Все эти разрозненные племена известны под общим названием «ниам-ниам», — рассказывал доктор, — а это не что иное, как звукоподража-

тельное слово, изображающее жевание.

— Чудесно! — воскликнул Джо. — «Ниам-ниам».

— Но, знаешь, милый мой Джо, если бы ты лично вызвал это звукоподражание, то, я думаю, ты бы не находил его таким забавным.

— Что вы хотите сказать, сэр? — вскричал Джо.

— Да то, что эти самые туземцы считаются людоедами.

— И это достоверно?

— Совершенно достоверно. Предполагалось также, что у них есть хвосты, как у четвероногих, но скоро убедились, что хвосты принадлежат шкурам зверей, которые они носят.

— Жаль все-таки, что у них не имеется хвостов: ими так удобно отгонять москитов, — заметил Джо.

— Возможно, что и удобно, но, видишь ли, милый мой, это надо отнести к области басен, как, например, и собачьи головы, которые путешественник Брюль-Ролле якобы видел у некоторых племен.

— Собачьи головы! Ну, это тоже удобно: можно лаять и питаться человеческим мясом.

— Но вот что, к несчастью, достоверно, — продолжал доктор, — так это то, что племена эти

чрезвычайно свирепы и очень падки до человеческого мяса, которое всегда жаждут раздобыть.

— Уж, надеюсь, они не польстятся на мою особу! — воскликнул Джо.

— Видите, какой он, — заметил охотник.

— Да, да, мистер Дик. Если когда-нибудь мне и суждено быть съеденным во время голода, то я хочу, чтобы мною воспользовались вы с моим доктором. Но кормить собой негров… Фу! Никогда! Раньше я умер бы от стыда.

— Хорошо, милый мой Джо, — отозвался на это Кеннеди. — Значит, решено: в случае чего, мы с Самуэлем будем на тебя рассчитывать.

— К вашим услугам, господа.

— А знаешь, Дик, почему Джо сказал нам это? — вставил доктор. — Да чтобы мы его как можно лучше откармливали.

— Что же? Быть может, и так, — согласился Джо. — Ведь человек весьма эгоистичное животное.

После полудня небо заволокло теплым туманом, поднимавшимся от земли. Сквозь него едва можно было различать, что делалось внизу. И вот доктор, боясь наткнуться на какую-нибудь вершину, решил сделать остановку. Ночь прошла благополучно, без всяких приключений, но ввиду

полнейшей темноты пришлось быть особенно настороже.

На следующее утро подул очень сильный муссон. Ветер так и врывался снизу во впадины шара и трепал во-всю придаток, через который проходили в шар трубки с газом. Его пришлось укрепить веревками, что очень ловко и проделал Джо. При этом он успел убедиться, что шар по-прежнему закрыт совершенно герметически.

— Это обстоятельство вдвойне важно для нас, — заметил Фергюссон. — Прежде всего, мы не теряем драгоценного газа, а кроме того, зажигая горелку, не рискуем пожаром.

— Да, это было бы довольно печальным приключением в пути, — проговорил Джо.

— А скажи, Самуэль: мы в этом случае стремглав полетели бы на землю? — поинтересовался Дик.

— Стремглав — нет. Газ горел бы спокойно, и мы спускались бы постепенно. Подобный случай произошел с французским аэронавтом, мадам Бланшар. Она, пуская фейерверк, умудрилась поджечь свой шар. Но она не полетела камнем вниз и уцелела бы, если бы ее корзина не стукнулась о какую-то трубу, причем эта злосчастная мадам Бланшар была выброшена на землю.

— Будем надеяться, что ничего подобного с

нами не случится, — сказал охотник. — До сих пор наш полет мне не казался опасным, и я не предвижу ничего, что могло бы помешать нам благополучно добраться до цели.

— Я тоже держусь твоего мнения, дорогой Дик, — сказал Фергюссон. — Надо заметить, что до сих пор всегда несчастья с аэронавтами происходили или по их неосторожности, или вследствие плохого устройства шаров. И вообще на несколько миллионов сделанных подъемов приходится не более двадцати смертных случаев. Для аэронавтов наибольшую опасность представляют спуски и подъемы. И мы должны быть тут особенно осторожны и предусмотрительны.

— А теперь надо завтракать, — заявил Джо, — и пока мистер Дик не найдет способа угостить нас добрым куском дичи, придется довольствоваться мясными консервами и кофе.

ГЛАВА XX

Небесная бутылка. — Смоковница-пальма. — Мамонтовые деревья. — «Дерево войны». — Проект крылатой колесницы. — Битва двух племен. — Резня. — Вмешательство свыше.

Ветер усиливался и делался порывистым. «Виктория» все время меняла направление. Ее бросало то к северу, то к югу, и она никак не могла встретить постоянное воздушное течение.

— Мы как будто несемся быстро, но, в сущности, не очень-то подвигаемся вперед, — проговорил Кеннеди, заметив частые колебания магнитной стрелки.

— «Виктория» летит со скоростью по крайней мере полутораста километров в час, — отозвался Фергюссон. — Наклонитесь оба, и вы убедитесь, с какой быстротой мелькает все под нами. Взгляните-ка! Этот лес будто несется нам навстречу.

— И вот он уж сменился поляной, — заметил охотник.

— А вместо поляны теперь селенье, — объявил через несколько минут Джо. — Ну, до чего же изумленные и растерянные лица у этих негров!

— Это вполне естественно, — ответил доктор. — Французские крестьяне, впервые увидев воздушный шар, ведь начали же стрелять в него, приняв за какое-то чудовище. После этого, согласитесь, суданскому негру совершенно простительно выпучить глаза при виде нашей «Виктории».

— Ей-ей, мне очень хочется, — конечно, с вашего, сэр, позволения, — сбросить пустую бутылку! — заявил Джо, когда «Виктория» пронеслась над одним селением футах в ста от земли. — Знаете, если только эта бутылка целой и невредимой долетит до негров, они, пожалуй, начнут поклоняться ей, а разбейся она — из ее осколков, наверно, понаделают себе талисманов.

Говоря это, Джо швырнул вниз бутылку; она моментально разлетелась вдребезги, а туземцы со страшными кряками разбежались по своим хижинам.

— Взгляните-ка вон на то дерево! — немного погодя закричал Кеннеди. — Сверху оно одной породы, а снизу — другой.

— Ну и страна! Подумайте только, здесь деревья растут одно над другим! — закричал Джо.

— Сейчас объясню вам это, — начал доктор. — На обломанный ствол смоковницы нанесло

плодородной земли, а в един прекрасный день ветром бросило туда же зерно пальмы, и оно там проросло, как обыкновенно прорастает в грунте.

— Вот славный способ! — воскликнул Джо. — Я его непременно введу у нас в Англии. Это было бы очень недурно для лондонских парков. И уж говорить нечего, как этим можно увеличить количество фруктов в садах! Особенно такая штука пришлась бы по вкусу мелким землевладельцам.

В этот момент надо было поднять «Викторию», чтобы перелететь через вековой лес бананов, вышиной более трехсот футов.

— Что за великолепные деревья! — воскликнул Кеннеди. — Я не могу себе представить что-либо красивее этих величественных лесов. Ты только взгляни, Самуэль!

— Да, дорогой Дик, в самом деле, эти бананы удивительно высоки, — отозвался Фергюссон. — Но, надо тебе сказать, в лесах Америки они никого не поразили бы.

— Как? Ты хочешь сказать, что существуют деревья еще более высокие, чем эти?

— Да, конечно, — так называемые мамонтовые деревья. В Калифорнии, например, нашли кедр вышиною в четыреста пятьдесят футов. Это будет

повыше самой высокой египетской пирамиды. Ствол внизу имеет сто двадцать футов в окружности, а, судя по концентрическим слоям его древесины, ему не более, не менее как целых четыре тысячи лет с лишним.

— Ну, тогда, сэр, здесь нет ничего удивительного, — вмешался в разговор Джо. — Если живешь четыре тысячи лет, разве не естественно быть прекрасного роста?

Пока доктор рассказывал, а Джо подавал свои реплики, лес кончился, и на смену ему показалось множество хижин, расположенных вокруг площади. Посредине площади одиноко росло дерево. При виде его Джо закричал:

— Ну, если на этом дереве четыре тысячи лет растут подобные цветы, то я его не поздравляю!

«Дерево войны» людоедов.

И славный малый указал на гигантскую смоковницу, ствол которой кругом был завален человеческими костями. Цветы же, о которых говорил Джо, представляли собой недавно отсеченные человеческие головы, висевшие на кинжалах, воткнутых в кору дерева.

— Это так называемое «дерево войны» людоедов, — пояснил Фергюссон. — Индейцы сдирают кожу с головы своих жертв, а африканцы — те отсекают им всю голову.

— Это, конечно, вопрос моды, — заметил Джо.

Но уже селение с кровавыми головами скрылось из глаз, а вместо него развернулась картина не менее отталкивающая: там и сям валялись, брошенные на растерзание гиенам и шакалам полуобглоданные человеческие трупы и отдельные части их.

— Это, должно быть, трупы преступников, — сказал доктор. — По крайней мере я знаю, что в некоторых африканских странах преступников кидают диким зверям, и те пожирают их.

— Не скажу, чтобы это было более жестоко, чем виселица, — отозвался шотландец. — Только грязнее, вот и все.

— А на юге Африки, — продолжал рассказывать доктор, — преступника запирают в его собственной хижине со всем его скотом, быть может, даже и с семьей, а затем поджигают. Вот это действительно жестокость. Но если виселица вещь и менее жестокая, то все-таки я согласен с Кеннеди, что и это варварство.

Тут Джо, благодаря своему исключительному зрению, увидел несколько стай хищных птиц, паривших в воздухе, и указал на них своим спутникам.

— Да это орлы! — закричал Кеннеди, смотря в подзорную трубу. — Чудесные птицы! Они несутся с не меньшей быстротой, чем мы.

— Только бы они «е напали на нас, — проговорил Фергюссон. — Вот эти самые орлы, поверьте, для нас страшнее диких зверей и диких племен.

— Вот еще! Мы их живо разгоним ружейными выстрелами, — отозвался охотник.

— Я предпочел бы все-таки, дорогой Дик, не прибегать к твоему искусству, — возразил Фергюссон, — ведь тафта нашего шара не выдержит и первого удара их клюва. Но, к счастью, мне кажется, наш шар способен скорее напугать этих страшных птиц, чем привлечь их.

— Ах! Мне пришла мысль! — воскликнул

Джо. — Сегодня положительно они приходят ко мне целыми дюжинами. Знаете, если бы нам умудриться запрячь этих самых орлов в нашу корзину, они потащили бы нас по воздуху.

— Предложение твое, что и говорить, серьезно, — заметил доктор, — но боюсь, что оно мало применимо к таким норовистым существам.

— Мы бы их выдрессировали, — развивал свою идею Джо, — вместо удил надели бы на них наглазники, с помощью которых можно было бы, закрывая то один, то другой глаз, поворачивать их налево и направо, а закрывая им оба глаза, заставлять их останавливаться.

— Уж позволь мне, милый Джо, предпочесть твоей орлиной упряжке попутный ветер — это и вернее и не требует пищи, — ответил доктор.

— Пусть будет по-вашему, сэр, но от своей мысли я все-таки не отказываюсь.

Был полдень. «Виктория» последнее время подвигалась медленнее: земля уже не неслась, а только проходила под нею.

Вдруг раздались крики и свист. Аэронавты нагнулись. Перед глазами их было зрелище, очень их взволновавшее. Два племени с ожесточением сражались, пуская в воздух тучи стрел. Воюющие, стремясь уничтожить друг друга, не замечали по-

явления «Виктории». В этой чудовищной свалке участвовало приблизительно человек триста, и большинство из них было окровавлено.

Вся эта картина производила самое отвратительное впечатление.

Когда, наконец, «Виктория» была замечена, битва на время прекратилась, но завывания стали еще ужаснее, и в корзину полетело несколько стрел, из которых одна пронеслась так близко, что Джо умудрился схватить ее.

— А давайте-ка поднимемся повыше, где стрелам не достать нас! — крикнул Фергюссон. — Будьте как можно осторожнее! Рисковать нам нельзя.

Битва возобновилась; снова были пущены в ход топоры и копья. Не успевал кто-нибудь свалиться на землю, как его противник уже отсекал ему голову. В этой бойне принимали участие и женщины: они подбирали отрубленные окровавленные головы и складывали их на поле битвы. И из-за этих отвратительных трофеев между женщинами также происходили схватки.

— Ужасное зрелище! — с омерзением воскликнул Кеннеди.

— Скверные людишки, — проговорил Джо. — А впрочем, одень их в военную форму, и они могли

бы сойти за любых солдат на свете.

— Мне страшно хочется принять участие в этой битве! — вырвалось у охотника, размахивающего своим карабином.

— Ни в каком случае! — крикнул Фергюссон. — Ни за что! Зачем нам вмешиваться в то, что нас совсем не касается? Да к тому же, разыгрывая роль провидения, ты даже не будешь знать, кто тут прав, а кто виноват. Скорее, скорее подальше от этого отталкивающего зрелища! Если бы великие полководцы могли взглянуть вот так, сверху, на театр своих действий, они, пожалуй, потеряли бы вкус к проливаемой ими крови и завоеваниям.

Вождь одной из диких орд выделялся своим огромным ростом и геркулесовой силой. В одной его руке было копье, которое он то и дело вонзал в гущу своих противников, в другой — топор, которым он также работал беспощадно. Вдруг этот Геркулес отшвырнул далеко от себя копье, бросился к одному раненому, отсек топором ему руку, схватил ее и с наслаждением впился в нее зубами.

— Ах, какой ужасный зверь! — закричал Кеннеди. — Нет, я более не в силах терпеть!

И вождь с простреленной головой свалился

навзничь.

Тут воины его словно оцепенели. Эта сверхъестественная смерть вождя страшно напугала их и в то же время воодушевила их противников. В один миг половина сражавшихся сбежала с поля битвы.

— Поищем повыше течение, которое поскорее унесло бы нас отсюда, — промолвил доктор. — Это зрелище, признаться, возбудило во мне отвращение.

Но Фергюссону не удалось улететь своевременно. И наши путешественники увидели, как племя победителей набросилось на убитых и раненых, как вырывали они друг у друга еще теплые куски человечьего мяса и с жадностью пожирали их.

— Тьфу! Это омерзительно! — крикнул Джо.

Но вот «Виктория», набрав газа, стала подниматься. Еще несколько минут до нее долетал вой этой озверевшей орды, а затем ужасающая сцена резни и людоедства осталась позади.

С наступлением ночи «Виктория», пролетев в этот день сто пятьдесят миль, бросила якорь у 27° долготы и 4°20′ северной широты.

ГЛАВА XXI

Странные крики. — Ночное нападение. — Кеннеди и Джо на дереве. — Два выстрела. — «Ко мне! На помощь!» — Ответ по-французски. — План спасения.

Ночь была очень темна. Доктор Фергюссон не мог ориентироваться, где именно они спустились. Якорь зацепился за вершину очень высокого дерева, которое едва вырисовывалось в ночном мраке. Как всегда, доктор нес первую вахту с девяти часов вечера, а в полночь его сменил Кеннеди.

— Смотри же, Дик, сторожи хорошенько, — наказал ему доктор.

— А разве есть что-либо новое?

— Нет, но мне показалось, что там внизу, под нами, слышатся какие-то неясные крики. Ведь, в сущности, я не знаю, куда нас занес ветер, а излишняя осторожность повредить никогда не может.

— Ты, Самуэль, должно быть, слышал вой диких зверей.

— Нет, мне почудилось совсем другое… Ну,

одним словом, при малейшей тревоге не замедли разбудить меня.

— Можешь быть совершенно спокоен, друг мой.

Доктор еще раз внимательно прислушался, но кругом все было тихо, и он, бросившись на постель, скоро заснул. Все небо было покрыто густыми тучами, но в воздухе «е чувствовалось ни малейшего ветерка. «Виктория», держась на одном только якоре, была совершенно неподвижна.

Кеннеди, пристроившись в корзине так, чтобы было удобно наблюдать за горелкой, в то же время внимательно вглядывался в темноту. Порой ему казалось, как это бывает у беспокойных людей, чего-нибудь опасающихся, будто внизу мелькает какой-то слабый свет. На один момент ему даже показалось, что он ясно видит этот свет в каких-нибудь двухстах шагах, но, по всей вероятности, подумал он, то была зарница, не повторившаяся больше. Кеннеди было успокоился и снова стал внимательно всматриваться в темноту, как вдруг резкий свист прорезал воздух.

Что это? Был ли это крик животного, ночной птицы, или это кричал человек?

Кеннеди, сознавая всю опасность положения,

собирался уже разбудить своих товарищей, но тут ему пришло в голову, что, кто бы это ни был, люди или звери, они во всяком случае находятся не так уж близко. Дик осмотрел свои ружья и стал вглядываться в темноту.

Вскоре ему показалось, что какие-то неясные тени крадутся к их' дереву. В этот момент из-за туч проскользнул луч луны, и Кеннеди ясно увидел группу каких-то существ, суетящихся в темноте.

Ему пришло на память приключение с павианами, и, не медля более, он дотронулся до плеча доктора.

Тот сейчас же проснулся.

— Будем говорить тише, — прошептал Кеннеди.

— Что-нибудь случилось?

— Да, надо разбудить Джо.

Когда Джо вскочил, охотник рассказал то, что он видел.

— Неужели снова эти проклятые обезьяны? — тихо проговорил Джо.

— Возможно. Но, тем не менее, надо принять все меры предосторожности, — сказал Фергюссон.

— Мы с Джо спустимся по лестнице на дерево, — заявил Кеннеди.

— А я в это время, — добавил доктор, — под-

готовлю все, чтобы «Виктория» смогла в случае надобности мигом подняться.

— Значит, сговорились.

Ну, так спускаемся, — сказал Джо.

— Смотрите же, без крайней необходимости не пускайте в ход оружия, — напутствовал их доктор. — Совершенно излишне обнаруживать в этой местности наше присутствие.

Дик и Джо ответили ему кивкам головы. Они бесшумно соскользнули на дерево и уселись на разветвлении крепких ветвей, за которое держался якорь. Некоторое время они, сидя неподвижно среди листвы, молча прислушивались. Вдруг послышалось какое-то шуршание по коре дерева. Джо схватил шотландца за руку.

— Слышите? — прошептал он.

— Да, что-то приближается.

— Быть может, это змея. Помните, вы, слышали свист?

— Нет, в нем было что-то человеческое.

«Все-таки я предпочитаю дикарей, — подумал про себя Джо, — а к пресмыкающимся, признаться, я питаю просто отвращение».

— Шум усиливается, — снова прошептал через несколько минут Кеннеди.

— Да, кто-то карабкается сюда.

— Ты наблюдай за этой стороной, а я буду за той, — шопотом проговорил охотник.

— Хорошо.

Они были одни на крепкой большой ветке, поднимавшейся прямо из гущи исполина-баобаба. Мрак здесь царил еще более непроглядный. Вдруг Джо наклонился к уху Кеннеди и прошептал:

— Негры.

Несколько слов, произнесенных вполголоса внизу, долетели до их слуха.

Джо вскинул ружье на плечо.

— Подожди, — остановил его шопотом Дик.

Дикари действительно взбирались на баобаб. Они карабкались со всех сторон, извиваясь по веткам, словно змеи, и подвигались медленно, но уверенно. Их можно было узнать по запаху тел, смазанных зловонным жиром. Вскоре на уровне ветки, на которой сидели Кеннеди и Джо, показались две головы…

— Стреляй! — скомандовал шотландец.

Двойной выстрел прокатился, как гром, и замер среди болезненных воплей. В мгновение ока вся ватага исчезла.

Но среди воя вдруг прозвучал крик — удивительный, неожиданный, невероятный! Человеческий голос совершенно ясно крикнул

по-французски:

— Ко мне! На помощь!

Кеннеди и Джо были изумлены безмерно и мигом взобрались обратно в корзину.

— Вы слышали? — спросил Фергюссон.

— Конечно. Подумайте только! Этот невероятный голос, кричавший по-французски: «Ко мне! На помощь!» Француз в руках этих варваров!

— Быть может, миссионер?[10]

— Несчастный! — воскликнул охотник. — Они ведь его терзают, может быть, убивают.

Фергюссон тщетно старался скрыть свое волнение.

— Тут нет никаких сомнений, — наконец проговорил он, — какой-то несчастный француз попал в руки дикарей. И, конечно, мы не тронемся отсюда, не сделав всего возможного для его спасения. По нашим ружейным выстрелам он должен был понять, что явилась неожиданная помощь, и у него, наверно, блеснула надежда. Ведь правда, друзья мои, мы с вами не отнимем у него этой последней надежды? Как ваше мнение?

---

[10] Примечания: 10

Миссионер — проповедник религиозного учения. Миссионерство развивается параллельно с ростом капитализма и тесно связано с колониальной политикой капиталистических государств. Миссионеры были передовыми разведчиками империалистических захватов.

— Мы совершенно согласны с тобой, Самуэль! Распоряжайся нами!

— Обсудим же теперь, что нам следует делать, а с рассветом постараемся его выручить, — сказал Фергюссон.

— Но как нам отделаться от этих подлых негров? — проговорил Кеннеди.

— Для меня совершенно очевидно из того, как эти негры удрали, что они не знакомы с огнестрельным оружием, — продолжал доктор, — значит, нам нужно будет использовать их ужас. Но следует обождать рассвета и тогда, сообразно с местностью, выработать план опасения.

— Этот бедняга должен быть где-нибудь поблизости, — заметил Джо, — так как…

— Ко мне! На помощь! — раздался тот же голос, но уже более слабый.

— Варвары! — закричал, весь трясясь от волнения, Джо. — А что, если они прикончат его еще этой ночью?

— Слышишь, Самуэль, — бросился Кеннеди к своему другу, хватая его за руку, — ведь и правда, они могут убить его еще до утра!

— Это мало вероятно, друзья мои. Дикие племена умерщвляют своих пленников обыкновенно среди бела дня, — им, видите ли, для этого непре-

менно нужно солнце, — пояснил доктор.

— Ну, а что, если мне воспользоваться ночной темнотой и пробраться к этому несчастному? — промолвил шотландец.

— Тогда и я пойду с вами, мистер Дик, — попросил Джо.

— Постойте, постойте, друзья мои! Этот план делает честь вашему сердцу и вашей храбрости, но вы, подвергая опасности всех нас, вместе с тем можете повредить тому, кого мы хотим спасти.

— Почему же? — возразил Кеннеди. — Ведь эти дикари, страшно перепуганные, разбежались. Они больше не вернутся.

— Дик, умоляю тебя, послушайся меня! Поверь, я имею в виду общее благо. Если бы случайно ты попался им в руки, все бы пропало.

— Но этот несчастный? Он ждет, надеется. И никто не отзывается, никто не идет на помощь. Ему уже, наверно, начинает казаться, что ружейные выстрелы ему только померещились.

— Его можно успокоить, — заявил доктор Фергюссон.

И, встав в темноте, он поднес ко рту руку в виде рупора и прокричал на языке иностранца:

— Кто бы вы ни были, не теряйте надежды! Три друга думают и заботятся о вас.

В ответ на это раздался ужасный вой, заглушивший, без сомнения, ответ пленника.

— Его убивают! Его прикончат! — закричал Кеннеди. — Наше вмешательство только ускорило его смертный час. Надо действовать!

— Но каким образом, Дик? Подумай, что можно сделать в таком мраке?

— Ах, если бы был день! — воскликнул Дик.

— Ну, хорошо, а если б был день, что бы ты тогда сделал? — каким-то особенным тоном спросил доктор.

— Ничего не может быть проще, Самуэль, — ответил охотник. — Я спустился бы на землю и стрельбой разогнал бы эту сволочь.

— А ты, Джо, что бы ты сделал? — обратился к нему Фергюссон.

— Я, сэр, поступил бы более осторожно. Дал бы знать пленнику, в каком направлении ему следует бежать.

— Но как же ты дал бы ему знать об этом?

— Или привязав записку к стреле, которую, помните, я поймал в воздухе, или просто громко сказав ему это, благо дикари не понимают нашего языка.

— Ваши планы неосуществимы, друзья мои. Спастись бегством этому несчастному страшно

трудно, если б даже он сумел ускользнуть от своих мучителей. Что касается твоего проекта, дорогой Дик, то, при свойственной тебе отваге и благодаря страху, нагнанному нашим огнестрельным оружием, он еще, быть может, и удался бы. Но провались он — тебе грозила бы гибель, и нам пришлось бы спасать не одного уже, а двоих. Нет! Надо действовать иначе, — так, чтобы все шансы «а успех были на нашей стороне.

— Но действовать немедленно, сейчас же, — настаивал охотник.

— Может быть, и так, — проговорил Фергюссон, как бы подчеркивая эти слова.

— Да неужели, сэр, вы в силах рассеять эту тьму?

— Кто знает, Джо?

— Ах, сэр! Если только вы сделаете нечто подобное, я сейчас же заявлю, что вы — самый великий ученый в мире!

Доктор несколько минут помолчал. Видимо, он обдумывал какой-то план. Оба, Дик и Джо, с трепетом смотрели на него. Они были страшно взволнованы этим совершенно необычайным положением.

Вскоре Фергюссон заговорил:

— Вот мой план: у нас еще не тронут балласт в

двести фунтов. Мне кажется, что этот пленник, изнуренный страданьями, не может весить больше самого тяжелого из нас. Следовательно, у нас во всяком случае остается лишних шестьдесят фунтов балласта, и его можно сбросить, чтобы скорее подняться.

— Объясни, пожалуйста, что ты хочешь этим сказать? — попросил Кеннеди.

— Охотно. Ты сам понимаешь, Дик, что если мне удастся захватить пленника я я сброшу количество балласта, равное ему по весу, то равновесие шара не будет нарушено. Но если придется как можно скорее подниматься, чтобы ускользнуть от этой оравы негров, мне понадобится прибегнуть к более энергичным средствам, чем моя горелка. И вот для этого в нужную минуту и придется сбросить остаток балласта.

— Видимо, это так, — согласился Дик.

— Но здесь есть и отрицательная сторона, — продолжал Фергюссон. — Чтобы спуститься потом, мне понадобится выпустить количество газа, пропорциональное весу сброшенного балласта. Конечно, газ вещь очень ценная, но можно ли думать об этом, когда вопрос идет о спасении человеческой жизни!

— Ты совершенно прав, Самуэль: мы должны

пойти на всякие жертвы, чтобы спасти этого человека.

— Приступим же к делу, — сказал Фергюссон. — Начните с того, что переместите балласт к борту корзины так, чтобы его сразу можно было сбросить.

— А как быть с темнотой?

— Пока она скрывает наши приготовления, а когда они будут закончены — рассеется. Держите ваши ружья наготове. Быть может, придется стрелять, а быть может, мы и избежим Ну что, вы готовы?

— Готовы, — ответил Джо.

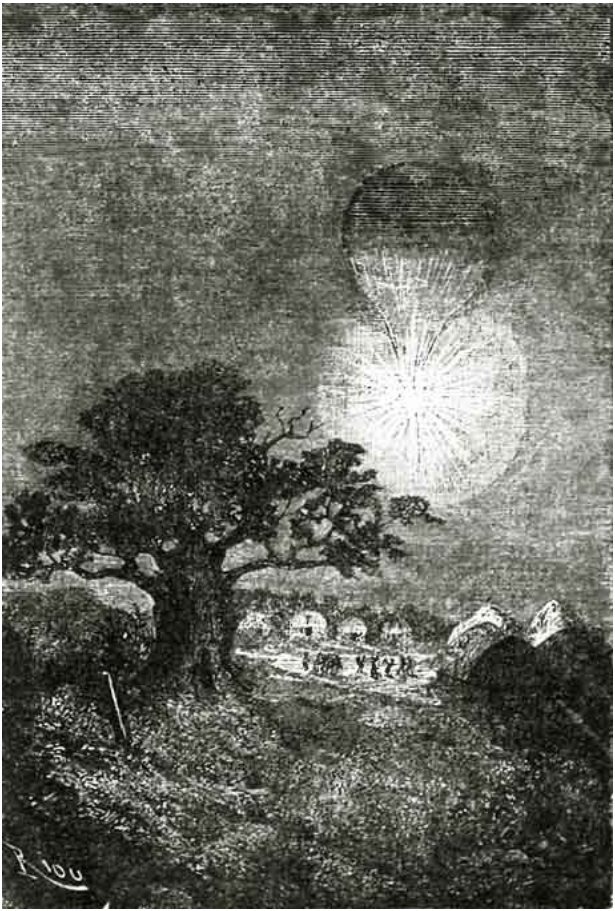
Балласт поместили у борта, и ружья были заряжены.

— Прекрасно, — одобрил доктор. — Будьте же внимательны. Ты, Джо, сбрасывай балласт, а ты, Дик, хватай пленника. Но помните: ничего не делать без моего распоряжения. А теперь, Джо, ступай скорей отцепи якорь и мигом возвращайся назад в корзину.

Джо моментально спустился вниз по канату и через несколько минут вернулся обратно. «Виктория», получив свободу, повисла в воздухе почти неподвижно.

В это время доктор убедился, что в смеситель-

ной камере есть достаточно газа, чтобы в случае надобности пустить в ход горелку, не прибегая к помощи бунзеновской батареи. Потом он вытащил два хорошо изолированных проводника, служивших для разложения воды, и, порывшись в своем дорожном чемодане, достал оттуда два заостренных уголька, которые и прикрепил к концам проводников.

Сноп света прорезал мрак.

Оба его друга смотрели на то, что он делает, ровно ничего не понимая, но молчали. Закончив свою работу, Фергюссон стал посреди корзины и, взяв в каждую руку по проводнику с угольками, сблизил их концы. И вдруг яркий, ослепительный, невыносимый для глаз свет вспыхнул между остриями угольков. Огромный сноп электрического света прорезал ночной мрак.

— Ах, сэр! — вырвалось у Джо.

— Ни слова! — прошептал доктор.

ГЛАВА XXII

Сноп света. — Миссионер. — Похищение при электрическом свете. — Слабая надежда на выздоровление миссионера. — Заботы доктора. — Самоотверженная жизнь. — Полет над вулканом.

Фергюссон стал направлять яркий сноп электрического света в разные стороны. Наконец он остановил его на одном месте, и оттуда сразу донеслись вопли ужаса. Дик и Джо не могли оторвать глаз от этого места.

Баобаб, над которым почти неподвижно висела «Виктория», рос посреди лужайки. Среди полей кунжута и сахарного тростника разбросано было штук пятьдесят низких хижин с коническими крышами, а вокруг них кишело многочисленное племя негров. Почти под самой «Викторией», в каких-нибудь ста футах от земли, стоял столб. У подножья его виднелось человеческое существо — молодой человек лет тридцати, с длинными черными волосами, полуголый, худой, окровавленный и израненный. Выстриженные на макушке волосы говорили о том, что на этом

месте не так давно была тонзура[11].

— Это миссионер! — закричал Джо.

— Мы его спасем, Джо, — уверял доктор.

При виде шара, похожего на огромную комету с ярко сверкающим хвостом, негры, понятно, пришли в страшный ужас. Слыша их вопли, пленник поднял голову. В глазах его промелькнула надежда, и, не отдавая даже себе отчета в том, что происходит вокруг него, он протянул руки к своим неожиданным спасителям.

— Он жив! Он жив! — радостно закричал Фергюссон. — А дикари в полнейшем ужасе. Это чудесно! Вот увидите — мы его спасем! Вы готовы, друзья мои?

— Готовы, Самуэль.

— Ну, Джо, туши горелку.

Приказ доктора сейчас же был выполнен. Едва заметный ветерок нес «Викторию» к пленнику, в то время как она, вследствие охлаждения газа, мало-помалу опускалась. Еще минут десять она плавала в волнах света. Фергюссон все направлял на толпу ослепительный сноп света, от которого негры, придя в неописуемый страх, один за другим забились в свои хижины. Площадка совсем

---

[11] Примечания: 11

Тонзура — выбритая макушка головы у католических священников.

опустела. Доктор был прав, возлагая надежды на сверхъестественное появление «Виктории», бросающей солнечные лучи среди ночного мрака.

Корзина приблизилась к земле. Тут несколько наиболее отважных негров, видя, что добыча ускользает от них, с громкими криками вернулись обратно. Кеннеди схватил свой карабин, но доктор запретил ему стрелять. Миссионер не был даже привязан к столбу, — это являлось излишним при его полнейшем изнеможении. Не имея сил стоять, он еле держался на коленях. В ту минуту, когда «Виктория» коснулась земли, охотник, откинув в сторону свой карабин, схватил в охапку злосчастного миссионера и втащил его в корзину… В это же мгновение Джо сбросил на землю двухсотфунтовый балласт.

Доктор был уверен, что «Виктория» должна понестись вверх с необыкновенной быстротой, но, вопреки его ожиданию, она, поднявшись на три-четыре фута, внезапно остановилась.

— Кто нас держит? — в ужасе закричал доктор.

С дикими криками к «Виктории» мчалось несколько дикарей.

— Ах! — воскликнул Джо, наклонившись за борт. — Один из этих свирепых негров уцепился за низ нашей корзины.

— Дик! Дик! — крикнул доктор. — Ящик с водой!

Дик сразу понял мысль своего друга и, схватив один из ящиков с водой, весивший более ста фунтов, вышвырнул его за борт.

Освободившись от балласта, «Виктория» сразу подпрыгнула вверх футов на триста, и толпа, видя, как среди лучей ослепительного света пленник уносится от нее, огласила воздух неистовым ревом…

— Ура! — радостно вскрикнули Кеннеди и Джо.

Тут «Виктория» снова рванулась ввысь, и на этот раз больше чем на тысячу футов.

— Что случилось? — спросил Кеннеди, от толчка едва удержавшийся на ногах.

— Ничего, — ответил Фергюссон. — Просто этот негодяй наконец покинул нас.

Джо, быстро нагнувшись над бортом корзины, увидел, как дикарь с распростертыми руками летел вниз, как он несколько раз перевернулся в воздухе и, наконец, грохнулся о землю.

Доктор разъединил провода, и наступила полнейшая тьма. Был час ночи. Француз, все время лежавший в обмороке, открыл глаза.

— Вы спасены, — сказал ему Фергюссон.

— Спасен от мучительной смерти, да, — с

печальной улыбкой по-английски ответил француз. — Благодарю вас, но не только дни мои, а самые часы сочтены. Мне уж мало осталось жить.

И вконец обессиленный человек снова впал в забытье.

— Он умирает! — закричал Дик.

— Нет, нет, — ответил Фергюссон, наклоняясь над бесчувственным французом. — Но он очень слаб. Давайте положим его под тент.

Они осторожно уложили на постель это жалкое, исхудалое тело, все покрытое шрамами и свежими ранами от ножей и огня. Доктор нащипал из своего носового платка немного корпии и, промыв раны несчастного, наложил ее на них. Проделал он все это чрезвычайно искусно, с ловкостью настоящего врача. Затем, вынув из своей аптечки подкрепляющее средство, он влил несколько капель в рот миссионера. Тот едва имел силы прошептать: «Благодарю, благодарю».

Доктор, видя, что несчастному необходим абсолютный покой, опустил над ним тент, а сам снова занялся своим шаром. «Виктория», несмотря на присутствие на ней четвертого пассажира, могла держаться в воздухе без помощи горелки благодаря тому, что. она в общем освободилась от

балласта в сто восемьдесят фунтов. На рассвете легкий ветерок тихонько понес «Викторию» к северо-западу. Фергюссон заглянул к спящему миссионеру и несколько минут наблюдал за ним.

— Если бы только мы смогли сохранить спутника, посланного нам небом! — промолвил охотник. — Имеешь ли ты, Самуэль, на это хоть какую-нибудь надежду?

— Мне кажется, да, Дик, при хорошем уходе на таком чистейшем воздухе.

— Сколько выстрадал этот человек! — с волнением проговорил Джо. — Это не шутка ведь: явиться одному к подобным варварам!

— Вне всякого сомнения, — отозвался охотник.

В течение всего дня доктор запретил тревожить сон несчастного, но, в сущности, это был даже не сон, а дремота, прерываемая стонами и тихими жалобами. Состояние больного не переставало беспокоить Фергюссона. Под вечер «Виктория» остановилась и неподвижно простояла среди мрака всю ночь. Джо и Кеннеди сменяли друг друга у постели больного, а Фергюссон все время один нес вахту.

На следующее утро «Виктория», поднявшись в воздух, уклонилась чуть-чуть к западу. День

обещал быть великолепным. Вдруг больной позвал своих новых друзей. Сейчас же подняли края тента, и он с наслаждением стал вдыхать свежий утренней воздух.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Фергюссон.

— Как будто лучше, — ответил больной. — А до сих пор, друзья мои, мне все казалось, будто я вас вижу во сне. Признаться, я с трудом отдаю себе отчет в том, что случилось. Скажите, кто вы такие? Как вас зовут? Я хочу знать это, чтобы помянуть вас в своей последней молитве.

— Мы английские путешественники, — сказал Фергюссон, — пытаемся на воздушном шаре перелететь через Африку, и вот по пути нам посчастливилось спасти вас.

— Так вы из Европы? — проговорил спасенный. — Расскажите мне о ней, расскажите о Франции, — ведь уже целых пять лет я ничего не знаю о своей родине.

— Пять лет! Один среди этих дикарей! — воскликнул Кеннеди.

Фергюссон долго рассказывал миссионеру о его родной Франции. Тот жадно слушал, и тихие слезы струились по его щекам. Время от времени он брал в свои лихорадочно горящие ладони

то руки Кеннеди, то руки Джо и пожимал их. Кончив говорить, доктор приготовил больному несколько чашек чаю, и он их выпил с наслаждением. Бедняга почувствовал некоторый прилив сил, смог приподняться и, видя, что он несется по ясному небу, даже улыбнулся.

— Вы отважные путешественники, — начал он, — ваше смелое предприятие завершится благополучно; вы-то увидите ваших родных, ваших друзей, вашу родину, вы…

Но он не смог докончить.

Несчастный так ослабел, что его пришлось сейчас же снова уложить. Несколько часов он находился в полной прострации, похожей на смерть. Фергюссон не отходил от него и был очень взволнован. «Неужели, — думал доктор, — мы так скоро потеряем того, кого вырвали из рук мучителей?» Доктор снова перевязал ужасные раны мученика и принужден был пожертвовать большей частью своего запаса воды, чтобы освежить его пылающее в лихорадочном жару тело. Вообще он самым нежным и разумным образом ухаживал за страдальцем. К французу мало-помалу возвращалось сознание, но, увы, не жизнь.

Прерывающимся голосом, с огромными усилиями умирающий рассказал доктору свою историю.

Когда он начал, Фергюссон попросил его говорить на родном языке:

— Я понимаю его, а вас это менее утомит.

Француз был родом из Бретани. В двадцать лет он покидает свою родину для негостеприимных берегов Африки и вот оттуда, преодолевая всякие препятствия, перенося всевозможные лишения, пешком добирается до поселений диких племен, живущих по притокам Верхнего Нила. Тут он попадает в плен к одному из самых свирепых племен — ниамбора, где с ним очень плохо обращаются. Когда однажды племя, у которого он был в плену, после одного из частых побоищ с соседями разбегается, бросив его на поле битвы, как мертвого, он все-таки не считает возможным вернуться на родину. Самым спокойным временем для него было то, когда его считали сумасшедшим. Он и на новых местах изучает местные наречия и упорно продолжает свое дело. Последний год проводит он среди одного из самых диких племен — ниам-ниам. Несколько дней тому назад умер их вождь, и злосчастного миссионера почему-то обвиняют в его смерти. И вот решают принести его в жертву. Уже в течение почти двух суток длятся его пытки, и ему предстоит, как верно предвидел доктор, умереть на

следующий день при ярком свете солнца, как раз в полдень. Услышав звук ружейных выстрелов, он инстинктивно кричит: «Ко мне! На помощь!» А когда до него доносятся с неба слова утешения, ему кажется, что все это сон.

— Не теряйте надежды поправиться, — сказал ему доктор. — Мы подле вас и вырвем вас у смерти, как вырвали у ваших мучителей.

— Так много я не прошу, — кротко ответил миссионер. — Я счастлив, что мне дана перед смертью великая радость пожать дружеские руки и услышать родную речь.

День прошел между надеждой и страхом. Кеннеди был очень подавлен, а Джо в сторонке утирал слезы.

«Виктория» еле подвигалась; самый ветер, казалось, хотел дать покой умирающему. Под вечер Джо объявил, что на западе виднеется какой-то очень яркий свет. Действительно, небо там было словно в огне. На более северных широтах, пожалуй, можно было бы принять это за северное сияние. Доктор стал внимательно наблюдать за таким редким явлением.

— Это не может быть ничем иным, как действующим вулканом, — наконец проговорил он.

— А ветер как раз несет нас к нему, — заметил

с тревогой Кеннеди.

— Ну, и что же? — отозвался доктор. — Мы пролетим над ним на такой высоте, где будет совершенно безопасно.

Rios

Вулкан.

Через три часа «Виктория» неслась над горами. Она была на 24°15′ долготы и 4°42′ северной широты. Перед нею из огнедышащего вулкана лились потоки расплавленной лавы и высоко взлетали обломки скал… Зрелище было великолепное, но опасное, ибо ветер продолжал упорно гнать «Викторию» к вулкану.

Раз нельзя было обойти это препятствие, надо было перелететь через него. Горелка заработала во-всю, и «Виктория», поднявшись на высоту шести тысяч футов, пронеслась саженях в трехстах от вулкана. Умирающий миссионер мог со своего ложа созерцать действующий вулкан, откуда вырывались ослепительные снопы огня. Потоки раскаленной лавы покрывали склоны горы словно огненным ковром. Нижняя часть «Виктории», отражая море пламени, сияла в ночной темноте. Несмотря на высоту, в корзине чувствовался сильный жар, и доктор Фергюссон стремился как можно скорее уйти от этого опасного места. К десяти часам вечера «Виктория» успела так далеко унестись от вулкана, что тот казался лишь красной точкой на горизонте, а сама она, опустившись в более низкую зону, спо-

койно продолжала свой полет.

ГЛАВА XXIII

Смерть миссионера. — Безводная местность. — Погребение. — Глыбы кварца. — Галлюцинации Джо. — Драгоценный балласт. — Открытие золотоносных пород. — Джо в отчаянии.

Чудесная ночь спустилась на землю. Миссионер тихо лежал в совершенной прострации.

— Нет, он больше не придет в себя, — проговорил Джо. — А бедняга так еще молод, ведь ему нет и тридцати лет.

— Да, он умрет на наших руках, — подтвердил доктор с отчаянием. — Дыхание его все слабеет, и я бессилен сделать что-либо для его спасения. — Посмотри, Джо, как прекрасна ночь, его последняя ночь. Больше он не будет страдать.

Вдруг француз прерывающимся голосом что-то проговорил. Фергюссон подошел к нему. Умирающему было трудно дышать, он просил поднять края тента. Когда это было исполнено, он с наслаждением вдохнул в себя чистейший воздух прозрачной ночи. Звезды трепетали над ним, а луна как бы окутывала его белым саваном своих лучей.

Еле слышным голосом умирающий попросил, чтобы его приподняли. Но когда Кеннеди стал это делать, он свалился на его руки.

— Умер, — сказал доктор, нагнувшись над ним. — Все кончено. Завтра утром мы его похороним.

Всю остальную ночь доктор, Кеннеди и Джо по очереди бодрствовали у тела умершего. Все трое были в очень подавленном состоянии.

На следующее утро подул южный ветер и тихо понес «Викторию» над обширным плоскогорием. Тут были и потухшие вулканы и бесплодные лощины. Воды кругом не видно было и следа. Нагроможденные друг на друга скалы, валуны, беловатые мергельные ямы — все свидетельствовало о полнейшем бесплодии почвы.

Около полудня доктор решил для погребения миссионера опуститься в котловину, окруженную скалами первозданных плутонических пород. Здесь, по его мнению, окружающие горы должны были создать благоприятные условия для приземления «Виктории», которая, за неимением деревьев, не могла быть поставлена на якорь. Но теперь, как объяснил своему другу Фергюссон, ввиду того, что при похищении миссионера пришлось выбросить весь балласт,

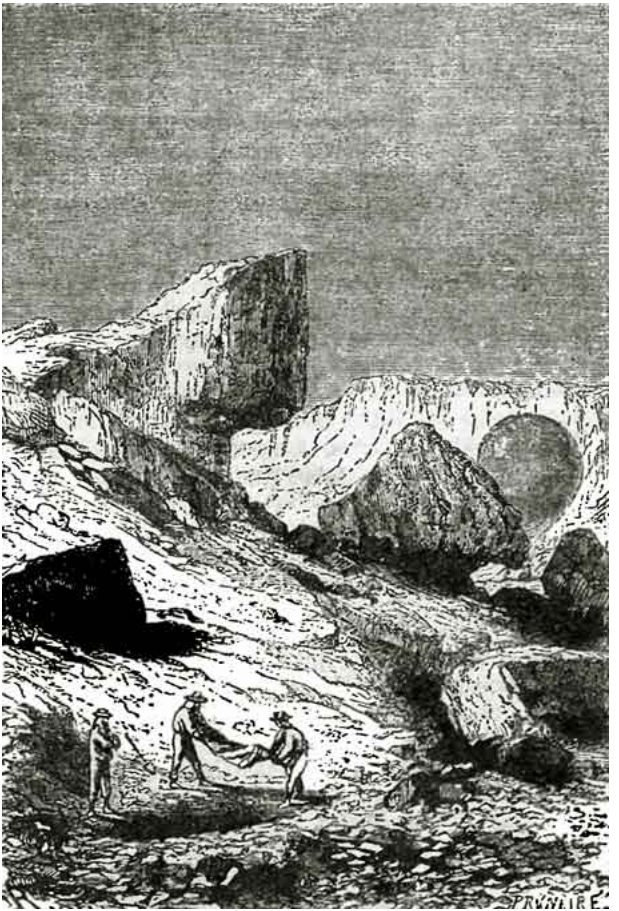
спуститься можно было не иначе, как выпустив соответственное количество газа. Доктор открыл клапан во внешней оболочке шара, часть водорода вышла, и «Виктория» спокойно опустилась на дно котловины.

Не успела она коснуться земли, как доктор сейчас же закрыл клапан. Джо спрыгнул и, держась одной рукой за борт корзины, другой стал кидать в нее камни до тех пор, пока вес их не сравнялся с его собственным. Теперь уж он мог начать действовать обеими руками. И вот, когда Джо положил в корзину больше пятисот фунтов камней, доктор и Кеннеди в свою очередь смогли сойти на землю. «Виктория» таким образом была уравновешена и подняться с земли не могла.

Фергюссон обратил внимание на то, что камней для установления равновесия потребовалось совсем не много, — До того были они тяжелы. Всюду виднелись обломки кварца и порфира.

«Вот так странное открытие!» подумал про себя доктор.

В это время Кеннеди и Джо в нескольких шагах искали места для могилы. В балке, закрытой со всех сторон, стояла невыносимая жара. Полуденное солнце почти отвесно бросало в нее свои палящие лучи.

Погребение француза.

Сначала понадобилось очистить место от валявшихся на нем обломков скал. Затем была вырыта могила, достаточно глубокая, чтобы дикие звери не смогли добраться до трупа.

В эту могилу было положено тело француза; его засыпали землей и в виде памятника навалили несколько больших обломков скал.

Во всей этой работе доктор не принимал участия и был глубоко погружен в свои мысли. Он даже не слышал, как товарищи звали его, чтобы отправиться вместе с ними на поиски убежища от зноя.

— О чем ты так задумался, Самуэль? — спросил Кеннеди.

— Я думаю о том, что за странные контрасты встречаются в природе и до какой степени удивительны бывают случайности. Знаете, в какой земле погребен этот, так мало ценивший все земные блага человек?

— Что ты хочешь сказать, Самуэль? — заинтересовался шотландец.

— Представьте себе: он покоится в золотом руднике…

— В золотом руднике?! — в один голос закрича-

ли Кеннеди и Джо.

— В золотом руднике, — спокойным тоном подтвердил доктор. — Да будет вам известно, что камни, валяющиеся у вас под ногами, содержат в себе этот благородный металл.

— Быть не может! Быть не может! — повторял Джо.

— В трещинах сланца вы легко можете обнаружить золотые самородки, — продолжал доктор.

Тут Джо, как сумасшедший, бросился к валявшимся повсюду камням. Кеннеди был непрочь последовать его примеру.

— Да успокойся же, мой милый Джо, — обратился к нему Фергюссон.

— Ну, сэр, говорите, что вам угодно…

— Да что ты, Джо! Такой философ, как ты…

— Эх, сэр, здесь не удержит уж никакая философия!

— Подумай хорошенько, милый мой, к чему нам все это богатство? Ведь мы не можем же его взять с собой, — уговаривал доктор.

— Как? Не можем взять его с собой? Ну, вот еще!

— Слишком большая тяжесть для нашей корзины, Джо. Я даже не хотел было говорить об этом, чтобы у тебя не явилось напрасных сожалений.

— Как, бросить все эти сокровища! — твердил Джо. — Бросить наше богатство!.. Оно ведь действительно наше. Все это бросить?

— Берегись, друг мой, как бы у тебя не появилась так называемая «золотая лихорадка», — смеясь сказал доктор.

— Мистер Кеннеди, послушайте, — продолжал Джо, — вы мне не поможете набрать хоть несколько этих миллионов?

— Но что же мы с ними станем делать, бедный мой Джо? — отозвался Кеннеди, не будучи в силах удержаться от улыбки. — Мы ведь явились сюда Не наживать богатство, да и вывезти его отсюда нельзя.

— Эти миллионы — вещь тяжелая, в карман их не положишь, — добавил доктор.

— Ну, тогда нельзя ли эту самую руду взять с собой вместо песка, как балласт? — спросил Джо, прибегая к последнему средству.

— Хорошо, на это я согласен, — ответил Фергюссон, — но с условием: не корчить гримас, когда нам придется выбрасывать за борт целые тысячи фунтов стерлингов.

— Целые тысячи фунтов стерлингов! — растерянно повторил Джо. — Да неужели и вправду все это — золото, сэр?

— Да, друг мой, это место является как бы резервуаром, который природа веками набивала своими сокровищами. Здесь золота хватит, чтобы обогатить целые страны. Эта пустыня представляет собой и Австралию и Калифорнию, вместе взятые.

— И все это будет так пропадать понапрасну?! — воскликнул славный малый.

— Возможно. Во всяком случае, вот что я сделаю, милый мой, для твоего утешения…

— Не так-то легко утешить меня, сэр, — с печальным видом перебил его Джо.

— Вот послушай. Я сейчас точно определю, где находится это золотоносное место, и сообщу это тебе. По возвращении в Англию ты сможешь познакомить с ним своих соотечественников, если ты уж так уверен, что золото способно их осчастливить.

— Конечно, сэр, я сам вижу, что вы правы, и раз уж никак нельзя поступить иначе, покоряюсь необходимости. Наполним же корзину этой драгоценной рудой, и все, что от нее останется к концу нашего путешествия, будет чистым выигрышем.

Тут Джо с жаром принялся за работу и вскоре погрузил в корзину около тысячи фунтов драго-

ценного золотоносного кварца. Доктор, улыбаясь, наблюдал за его работой. Сам он в это время был занят определением места могилы миссионера. Он высчитал, что она находится на 22°23′ долготы и 4°55′ северной широты. Затем, взглянув в последний раз на холм, под которым покоился прах француза, Фергюссон направился к «Виктории».

Он был серьезно озабочен и охотно отдал бы много золота за небольшое количество воды. Ему очень хотелось пополнить запас ее, выброшенный с ящиком в тот момент, когда в корзину «Виктории» вцепился негр, но в таких выжженных солнцем местах это казалось невыполнимым, что, конечно, не могло его не тревожить. Будучи вынужденным беспрестанно поддерживать огонь в горелке, Фергюссон уж начинал бояться, что может нехватить воды даже для утоления жажды, и дал себе слово пополнить запас ее при первой же возможности. Подойдя к корзине, доктор увидел, что она завалена камнями, но, не проронив ни слова, влез в нее. Кеннеди также занял свое обычное место, а за ними взобрался и Джо, не без того, чтобы не бросить алчного взгляда на остающиеся в котловине сокровища.

Доктор зажег горелку, змеевик стал нагреваться, и через несколько минут газ начал расширять-

ся, но «Виктория» не двигалась с места. Джо молча с беспокойством посматривал на Фергюссона.

— Джо! — обратился к нему доктор.

Тот ничего не ответил.

— Разве ты меня не слышишь? — повторил доктор.

Джо знаком показал, что слышит, но не желает понимать.

— Сделай мне одолжение, Джо, сейчас же выброс часть руды на землю, — сказал Фергюссон.

— Но, сэр, вы ведь сами мне позволили…

— Я позволил тебе этой рудой заменить ба-ласт, вот и все.

— Однако…

— Что же, в самом деле, тебе хочется, чтобы мы так вечно и пребывали в этой пустыне?

Джо бросил отчаянный взгляд на Кеннеди, но тот сделал знак, что ничем не может помочь.

— Ну что же, Джо?

— А разве ваша горелка не действует, сэр? — продолжал оттягивать время упрямый Джо.

— Ты сам прекрасно видишь, что горелка действует, но наша «Виктория» не поднимется, пока ты не сбросишь часть балласта.

Джо почесал за ухом, взял самый маленький кусок кварца, взвесил его сперва на одной руке,

потом на другой, подбросил его — в нем могло быть фунта три или четыре — и в конце концов выбросил. «Виктория» не шелохнулась.

— Ну, что? — проговорил он. — Мы все еще не поднимаемся?

— Пока нет. Продолжай выбрасывать.

Кеннеди не мог не засмеяться.

Джо сбросил еще с десяток фунтов, но «Виктория» по-прежнему не двигалась. Джо побледнел.

— Эх, ты, бедняга! — промолвил Фергюссон. — Пойми только: Дик, ты и я — все вместе мы весим, если я не ошибаюсь, немногим больше четырехсот фунтов, и раз руда нас заменяет, то тебе придется выбросить по крайней мере такое же ее количество.

— Целых четыреста фунтов выбросить! — жалобно закричал Джо.

— Да, и еще немного, чтобы подняться. Ну, действуй' же смелей!

Славный малый, тяжело вздыхая, принялся выкидывать балласт. Время от времени он приостанавливался и спрашивал:

— Что, начали мы подниматься?

И ему неизменно отвечали:

— Нет, стоим на месте.

— Право же двинулись! — крикнул он нако-

нец.

— Валяй еще! — скомандовал Ферпоссон.

— Но «Виктория» поднимается, я убежден в этом.

— Говорят тебе, бросай! — вмешался Кеннеди.

Тут Джо с отчаянием схватил еще камень и вышвырнул его из корзины. «Виктория» моментально поднялась футов на сто и, попав благодаря расширившемуся газу в благоприятное течение, вскоре перелетела через окрестные горы.

— Теперь, Джо, — сказал доктор, — если только удастся сохранить до конца нашего путешествия остаток кварца, ты будешь богатым человеком до конца своих дней.

Джо ничего не ответил и улегся на свое «мягкое» ложе из руды.

— Ты только подумай, дорогой мой Дик, — обратился Фергюссон к своему другу, — какое могучее действие оказывает золото даже на лучшего в свете человека. А вообще, сколько страстей, сколько жадности, сколько преступлений мог бы породить такой золотой рудник! Как это печально!

За этот день «Виктория» пролетела девяносто миль к западу. Теперь по прямой линии она была от Занзибара в тысяче четырехстах милях.

ГЛАВА XXIV

Ветер спадает. — «Виктория» приближается к пустыне. — Недостаток воды. — Ночи на экваторе. — Беспокойство Самуэля Фергюссона. — Истинное положение вещей. — Отважные ответы Кеннеди и Джо. — Еще одна ночь.

«Виктория», зацепившись якорем за одиноко растущее, почти высохшее дерево, всю ночь простояла совершенно спокойно. Это дало возможность нашим аэронавтам хоть немного выспаться, а они после таких тяжелых дней очень нуждались во сне.

Утром небо снова стало ясным, а солнце жгучим. «Виктория» поднялась на воздух. После нескольких тщетных попыток доктору все же удалось напасть на слабое воздушное течение, которое понесло их к северо-западу.

— Мы что-то совсем не подвигаемся вперед, — заметил Фергюссон. — Если я не ошибаюсь, мы сделали половину нашего пути приблизительно в десять дней, а при скорости, с которой мы движемся теперь, нам, чтобы закончить его, пожалуй, потребуются целые месяцы. Это особенно

прискорбно потому, что нам грозит опасность остаться без воды.

— Ну, мы найдем ее, — отозвался Дик. — Невозможно, чтобы на таком огромном пространстве не встретилось какой-нибудь речонки, ручейка или пруда.

— Очень бы хотелось этого.

— А уж не груз ли Джо замедляет наш ход? — спросил Кеннеди, желая подразнить славного малого. Ему особенно хотелось этого потому, что был ведь момент, когда его самого захватила «золотая лихорадка». Но, не показав тогда вида, теперь он мог держать себя человеком, стоящим выше этого. Впрочем, проделывал он это, конечно, шутя.

Джо жалобно посмотрел на шотландца. Но доктор ничего не ответил на вопрос своего друга. В этот момент он думал не без тайного ужаса о необъятных просторах Сахары: там ведь, он знал, проходят порой целые недели, прежде чем караван наткнется на воду. И Фергюссон с особым вниманием всматривался во всякую видневшуюся лощинку.

Беспокойство из-за недостатка воды и происшествия последних дней очень понизили настроение аэронавтов. Меньше было разговоров.

Каждый был погружен в собственные мысли.

Наш славный Джо после золотого рудника словно переродился. Он, такой любитель поговорить, теперь молчал и жадными глазами поглядывал на нагроможденные в корзине камни, сегодня не имеющие ровно никакой цены, но которым завтра предстояло стать драгоценными.

Между тем, самый вид этой части Африки будил беспокойные мысли. Местность делалась все пустыннее. Не было видно не только селений, но даже и отдельных хижин. Начинались беловатые пески. Растительность исчезала; кое-где только еще встречались чахлые мастиковые деревья и колючий кустарник. Там и сям показывались первичные породы земной коры в виде скал с резкими и острыми контурами. Все эти признаки бесплодной пустыни заставляли еще больше призадуматься доктора Фергюссона.

Казалось, ни один караван никогда не проходил по этим пустынным местам. Были бы видны следы стоянок, белели бы кости людей и животных, а здесь кругом не было ничего. Чувствовалось, что вот-вот безбрежные пески одни будут царить в этом унылом крае.

А отступать было невозможно. Во что бы то ни стало надо было двигаться вперед. И доктор

только и думал об этом. Он жаждал, чтобы разразилась буря и промчала их над этой пустыней, но, увы, на небе не было видно ни единого облачка. За этот день «Виктория» не пролетела и тридцати миль. Воды оставалось всего-навсего три галлона (около тринадцати с половиной литров). Фергюссон выделил один из этих галлонов для утоления невыносимой жажды, вызываемой палящим зноем в пятьдесят градусов, а два оставил для питания горелки. Он самым точным образом высчитал, что этого запаса воды может хватить только на пятьдесят четыре часа полета.

— Всего пятьдесят четыре часа мы сможем лететь, — заявил доктор своим товарищам. — Но так как, боясь пропустить какой-нибудь ручеек, источник или хотя бы лужу, я твердо решил ночью делать стоянки, то в нашем распоряжении есть еще три с половиной дня, и вот в течение этого времени нам совершенно необходимо раздобыть воду. Я счел своим долгом предупредить вас об этом, ибо я оставил для питья лишь один галлон воды, и нам надо очень скупо ее расходовать.

— Лучше всего ты выдавай нам порции, — отозвался охотник. — А отчаиваться еще рано: ведь, по твоим словам, у нас в запасе три с половиной

дня, не так ли?

— Совершенно верно, дорогой мой Дик.

— Тогда вздыхать пока нечего: за три дня успеем что-нибудь придумать, теперь же удвоим нашу бдительность.

За ужином воды было отмерено для каждого очень немного, зато в грог пришлось влить побольше водки.

«Виктория» провела ночь в огромной котловине, находящейся всего на восьмистах футах над уровнем моря. Это обстоятельство пробудило в докторе некоторую надежду; тут ему вспомнились гипотезы географов относительно того, что в центре Африки имеется огромное водное пространство. Но даже если действительно такое озеро и существует, то до него нужно добраться, а в воздухе, увы, продолжала царить полнейшая тишина.

После тихой ночи с великолепно горевшими звездами наступил такой же тихий, без малейшего ветерка, день. С самого раннего утра нестерпимо стало палить солнце, и температура поднялась страшно высоко. Уже в пять часов утра доктор дал сигналы к отправлению, но в тяжелом, как свинец, воздухе «Виктория» долго еще оставалась неподвижной. Фергюссон мог

бы избежать этой палящей жары, поднявшись в верхние слои воздуха, но для этого надо было бы израсходовать довольно много воды, что являлось теперь совершенно немыслимым. Доктор ограничился тем, что держался на высоте ста футов, и легкий, едва заметный ветерок потихоньку нес их к западу.

Завтрак состоял из небольшого количества мясных консервов и пеммикана. До полудня «Виктория» едва пролетела несколько миль.

— Что же делать? Мы не можем двигаться быстрее, — заметил доктор, — ведь не мы же командуем ветром, а он нами.

— Да, дорогой Самуэль, как бы теперь нам пригодился двигатель!

— Без сомнения, Дик, если бы только для него не требовалось воды, ибо в противном случае наше положение было бы нисколько не лучше. Да, вообще, до сих пор, к сожалению, не изобретен еще двигатель для воздушного шара. Он находится пока в том самом положении, в каком пребывало судно до изобретения парового двигателя. Ведь потребовалось же целых шесть тысяч лет для изобретения пароходных колес с лопастями и архимедовым винтом.

— Проклятая жара! — воскликнул Джо, утирая

пот со лба.

— Будь только у нас вода, эта жара даже оказала бы нам услугу, — заметил Фергюссон. — Она ведь расширяет водород, и потому горелка не нуждалась бы в таком сильном пламени. Но, правда, имей мы воды достаточное количество, нам не надо было бы так дрожать над нею. Ах, проклятый дикарь, лишивший нас целого ящика драгоценной жидкости!

— Скажи, Самуэль, ты не жалеешь о том, что сделал?

— Нет, Дик. Можно ли о чем-либо жалеть, когда мы избавили этого несчастного от ужасной смерти. Но, что говорить, те сто фунтов воды, которые нам пришлось выбросить, очень были бы нам теперь полезны. Это верных двенадцать, тринадцать дней пути, а за такое время мы, конечно, перебрались бы через Сахару.

— Но сделали ли мы хоть полпути? — спросил Джо.

— По расстоянию — да, но по времени, если ветер не усилится, далеко не сделали половины нашего путешествия. Ветер же, к несчастью, все слабеет.

— Ну, сэр, нам нельзя жаловаться, — вмешался Джо: — до сих пор мы удачно выходили из за-

труднений, и как бы там ни было, а отчаиваться я не могу. Воду мы непременно найдем, поверьте моему слову.

Между тем, местность с каждой милей все понижалась и понижалась. Отроги золотоносных гор понемногу совсем исчезали; кое-где виднелась жалкая трава, с трудом боровшаяся с песками. Громадные скалы, скатившиеся с отдаленных вершин, превращались при падении сначала в острые осколки, потом в песок и, наконец, в мельчайшую пыль.

— Вот это именно та Африка, Джо, какой ты представлял ее себе, — начал доктор, — и я ведь был прав, когда говорил тебе: «Подожди!»

— Да что ж, сэр, — отозвался Джо, — это, по крайней мере, вполне естественно — жара и песок. Было бы глупо ждать чего-нибудь другого от такой страны. Я, по правде сказать, не особенно доверял вашим африканским лесам и полям, — смеясь, добавил он. — Действительно, это была бы бессмыслица: стоило ли, в самом деле, забираться в такую даль, чтобы опять увидеть английскую деревню. Признаться, я впервые чувствую себя в Африке и ничего ке имею против того, чтобы немного испытать ее на себе.

Под вечер Фергюссон убедился, что в этот зной-

ный день они едва пролетели двадцать миль. Когда солнце скрылось за резко очерченным горизонтом, над нашими аэронавтами нависла душная тьма…

На следующий день было 1 мая. Дни шли один за другим с отчаянной монотонностью. Каждое утро совершенно походило на предыдущее; сегодняшний полдень, так же как и вчерашний, изливал на землю отвесные палящие лучи. Так же спускалась на землю душная темная ночь. Едва-едва заметный ветерок напоминал дыхание умирающего и, казалось, каждую минуту был готов совсем замереть.

В тяжелом этом положении Фергюссон не падал духом. Как человек закаленный, он был спокоен и сохранял хладнокровие. С подзорной трубой в руках он пытливо всматривался в горизонт. Уходили последние холмы, исчезали всякие следы растительности. Пред ним простиралась необъятная пустыня Сахара…

Хотя он и не показывал этого, но взятая им на себя ответственность не могла не угнетать его. Ведь это он увлек сюда — и увлек почти насильно — своих друзей, Дика и Джо. Хорошо ли поступил он? Быть может, он пытался сделать нечто, пока неосуществимое? А если этого не надо было де-

лать, то, может быть, следует вернуться обратно? Нет ли в верхних слоях атмосферы течений, которые понесли бы их в места менее пустынные? С другой стороны, зная только что пройденный путь, он не имеет никакого представления о том, что ждет их впереди. И вот, мучимый угрызениями совести, Фергюссон решил откровенно поговорить со своими товарищами. Он ясно обрисовал им положение вещей, указал, что было сделано и что оставалось еще сделать. Прибавил, что в крайнем случае, конечно, можно вернуться или, по крайней мере, попытаться это сделать. Изложив все это, он спросил их мнения.

— У меня нет другого мнения, кроме мнения моего доктора, — ответил Джо.

— А ты что скажешь, Кеннеди?

— Я, дорогой мой Самуэль, не из тех, которые приходят в отчаяние. Никто лучше меня не знал, каковы могут быть опасности подобного путешествия, но раз ты шёл на эти опасности, Я перестал думать о них. Душой и телом я весь в твоем распоряжении. По-моему, при данном положении вещей мы твердо должны итти до конца. Опасностей при отступлении ведь будет не меньше. Итак, вперед! Смело можешь положиться на нас обоих!

— Благодарю вас, дорогие друзья, — ответил глубоко тронутый Фергюссон. — Я знал, что вы оба мне преданы, нисколько в этом не сомневался, но все-таки мне нужны были вот эти ваши ободряющие слова. Еще раз великое вам спасибо!

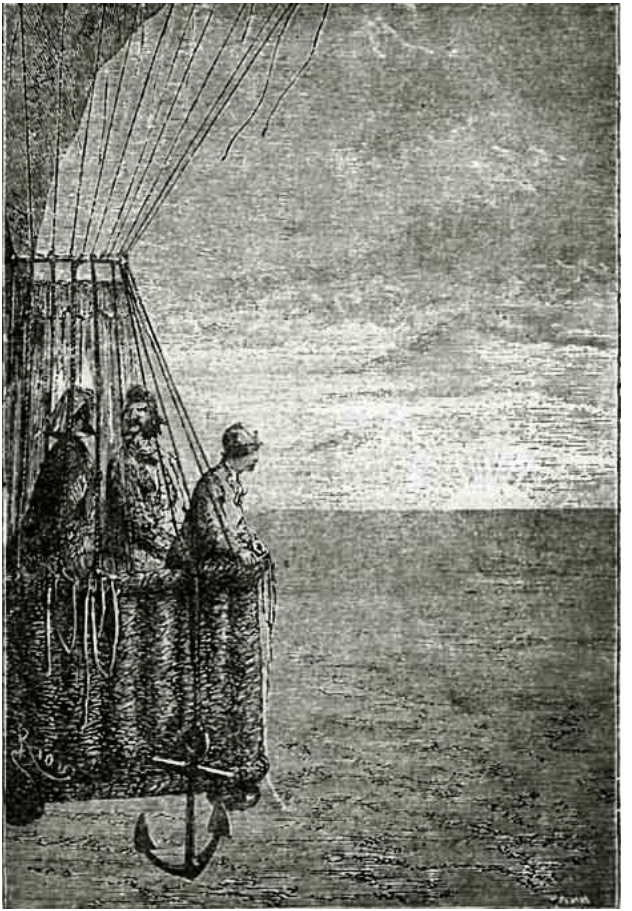
И все трое горячо пожали друг другу руки.

— Теперь выслушайте меня, — сказал Фергюссон. — По моим вычислениям, мы находимся не дальше трехсот миль от Гвинейского залива. Пустыня, стало быть, не может тянуться бесконечно, раз это побережье населено и обследовано довольно далеко в глубь страны. Если понадобится, мы направимся туда, и мало вероятно, чтобы мы по пути не встретили какого-нибудь оазиса или колодца, где смогли бы возобновить наш запас воды. Но вот чего нам нехватает, так это ветра, а без него наша «Виктория» будет неподвижно висеть в воздухе.

— Покоримся же своей участи и будем выжидать, — промолвил охотник.

В продолжение всего этого бесконечного дня каждый из трех аэронавтов тщетно всматривался в пространство, но, увы, не было ничего, что могло бы пробудить хоть какую-нибудь надежду. При заходе солнца земля совсем перестала двигаться под ними. Горизонтальные солнечные лучи ог-

ненными полосами протянулись по необъятной равнине. Это была настоящая пустыня…

Солнце скрывается за горизонтом.

Аэронавты за этот день не пролетели и пятнадцати миль, потратив при этом, как и накануне, сто тридцать пять кубических футов газа на питание горелки и две пинты воды (из имеющихся восьми) для утоления страшной жажды. Ночь прошла спокойно, даже слишком спокойно. Доктор ни на минуту не сомкнул глаз…

ГЛАВА XXV

Туча у горизонта. — В тумане. — Неожиданный воздушный шар. — Следы каравана. — Колодец в пустыне.

На следующий день то же ясное, без единого облачка небо, та же полнейшая неподвижность воздуха. «Виктория» поднялась на высоту пятисот футов, и ее еле-еле несло к западу.

— Вот мы и в самом сердце пустыни Сахары, — проговорил Фергюссон. — Какие безбрежные пески, что за удивительное зрелище! Странно распоряжается природа. Спрашивается: почему под той же самой широтой, под теми же самыми лучами солнца, в непосредственной близости, существуют чрезмерно роскошная растительность и такое полнейшее бесплодие?

— Причины, дорогой Самуэль, мало интересуют меня, — возразил Дик, — гораздо более меня заботят факты. Самое главное то, что в природе именно так обычно и происходит.

— Туча! Настоящая туча! — закричал вдруг Джо, острое зрение которого совершенно не нуждалось ни в каких подзорных трубах.

Действительно, над восточной стороной горизонта поднималась густая пелена. Она казалась скоплением маленьких тучек, не сливавшихся вместе, из чего доктор вывел заключение, что в том месте не было никакого движения воздуха. Эта компактная масса, появившись в восемь часов утра, только в одиннадцать надвинулась на солнце, и оно исчезло за ней, как за густой завесой. Горизонт же в это время совершенно прояснился.

— Это изолированная туча, на которую нам не следует особенно рассчитывать, — проговорил доктор. — Обрати внимание, Дик, форма ее совершенно такая же, как была и утром.

— Совершенно верно, Самуэль, и ждать от нее дождя или ветра не приходится.

— К несчастью, по-видимому, это так, ибо туча держится на очень большой высоте.

— А что, Самуэль, как ты думаешь, если б нам направиться самим к этой туче, раз она не желает пролиться над нами дождем?

— Мне лично кажется, что особенной пользы от этого не будет, — ответил доктор. — Придется ведь израсходовать лишний газ и, следовательно, большое количество воды. Но в нашем положении ничем нельзя пренебрегать. Давайте

поднимемся.

Фергюссон пустил в змеевик самое сильное пламя горелки, и вскоре под влиянием расширившегося газа «Виктория» пошла вверх. На высоте около тысячи пятисот футов аэронавты вошли в тучу окружившую их густым туманом, и «Виктория» перестала подниматься. Здесь не чувствовалось никакого ветерка и даже было мало влаги, что видно было по слегка лишь отсыревшим вещам в корзине. Единственным плюсом, быть может, являлось то, что «Виктория», купаясь в тумане, как будто стала двигаться быстрее.

Фергюссон с грустью убеждался в том, как мало было выиграно этим подъемом, когда вдруг услышал крик Джо, полный бесконечного удивления:

— Ах, что это такое?

— В чем дело, Джо?

— Ах, сэр! Ах, мистер Кеннеди! Как это удивительно!

— Да что такое?

— Представьте себе, мы здесь не одни. Тут какие-то интриганы. Наверное, они хотят украсть наши открытия.

— С ума он сходит, что ли? — проговорил Кеннеди.

Джо замер, словно превратясь в статую, изобра-

жающую величайшее изумление.

— Неужели жгучее солнце могло так подействовать на мозг этого бедного малого? — с тревогой отозвался доктор, оборачиваясь к Джо.

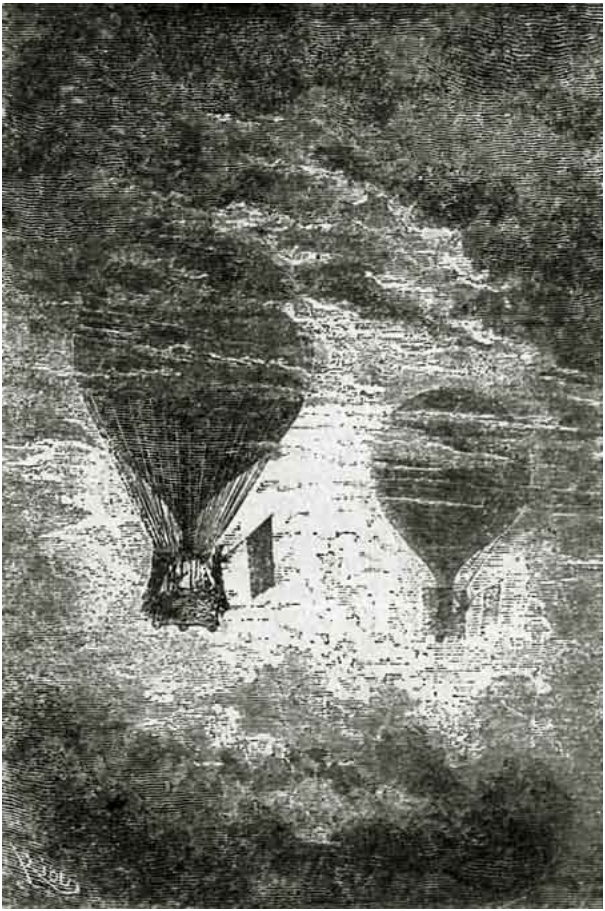
— Вот взгляните сами, сэр! — возбужденно проговорил Джо, указывая пальцем в пространство.

— Клянусь всем, чем угодно!.. — в свою очередь закричал и Кеннеди. — В самом деле, что-то невероятное! Самуэль! Самуэль! Смотри же! Смотри!

— Вижу, — спокойно ответил доктор.

— Подумай, еще один воздушный шар, и на нем такие же, как мы, аэронавты, — волнуясь, проговорил шотландец.

И действительно, в каких-нибудь двухстах футах парил другой воздушный шар со своей корзиной и пассажирами, причем двигался он по тому же самому направлению, как и «Виктория».

Перед ними появился второй воздушный шар.

— Ну, что же, — сказал доктор — нам ничего больше не остается, как подать ему сигнал. Кеннеди, возьми наш национальный флаг и вывесь его.

Казалось, что аэронавтам соседнего шара в этот миг пришла в голову та же самая мысль, ибо чья-то рука тем же жестом в точности воспроизвела салют таким же флагом.

— Что бы это могло значить? — с удивлением пробормотал охотник.

— Да не обезьяны ли уж это? — закричал Джо. — Посмотрите, они нас передразнивают!

— А значит это то, — смеясь, пояснил Фергюссон, — что ты сам, дорогой мой Дик, отвечаешь на свои же сигналы. Я хочу сказать, что там, во второй корзине, мы видим себя самих и что тот шар — не что иное, как наша собственная «Виктория».

— Ну, уж извините, сэр, этому я никогда не поверю, — заявил Джо.

— Милый мой, ты сам можешь в этом убедиться. Встань-ка на борт и помаши руками.

Джо не замедлил это выполнить, и моментально все его жесты были точно повторены.

— Это не что иное, как мираж, — продолжал доктор, — простое оптическое явление, происходящее вследствие разницы в плотности воздуха. Вот и все.

— До чего удивительно! — все повторял Джо. Он никак не мог примириться с объяснением доктора и продолжал производить свои эксперименты, всячески размахивая руками.

— Какая, в самом деле, любопытная вещь! — заметил Кеннеди. — А занятно видеть нашу славную «Викторию»! Знаете, выглядит она совсем не плохо и держится очень величественно.

— Как вы там ни объясняйте все это, — вмешался Джо, — но все-таки тут есть что-то необыкновенное.

Вскоре отражение «Виктории» стало малопомалу сглаживаться. Туча поднялась выше, покинув «Викторию», которая теперь и не порывалась следовать за ней. Через час от тучи не осталось и следа.

Ветер едва чувствовался; казалось, он еще более ослабел. Доктор, потеряв надежду двигаться зперед, стал спускаться к земле.

Наши аэронавты, временно отвлеченные от своих грустных дум любопытным явлением, теперь к тому же истомленные палящим зноем,

снова впали в подавленное состояние духа. Но вдруг около четырех часов Джо заявил, будто среди необозримых песков что-то возвышается, и вскоре он ясно уж различил две пальмы, росшие неподалеку друг от друга.

— Пальмы! — воскликнул Фергюссон. — Тогда там должен быть источник или колодец.

Он схватил подзорную трубу и, убедившись в том, что глаза Джо не ввели его в заблуждение, с восторгом стал повторять:

— Наконец-то! Вода! Вода! Мы спасены, ибо, как ни медленно мы подвигаемся, но все же не стоим на месте и когда-нибудь да доберемся до этих благословенных пальм!

— А пока, как вы думаете, сэр, не выпить ли нам нашей водички? — предложил Джо. — Жара ведь в самом деле невыносимая.

— Давайте выпьем, мой милый.

Никто не заставил себя просить. Была выпита целая пинта, после чего воды осталось всего-навсего три с половиной пинты.

— Ах, как чудесно выпить! — воскликнул Джо. — До чего вкусна эта вода! Никогда самое лучшее пиво на родине не доставляло мне такого удовольствия.

— Вот хорошая сторона лишений, — заметил

доктор.

В шесть часов вечера «Виктория» уже парила над пальмами. Это были два жалких, высохших дерева, какие-то призраки деревьев без листвы, скорее мертвые, чем живые. Фергюссон с ужасом взглянул на них.

Под деревьями виднелись потрескавшиеся от зноя камни колодца. Кругом не было ни малейших признаков влаги. Сердце Самуэля болезненно сжалось, и он уже собирался поделиться своими опасениями с товарищами, как послышались их восклицания.

Насколько хватал глаз, к востоку тянулась длинная полоса скелетов. Отдельные кости валялись вокруг колодца. Видимо, какой-то караван заходил сюда, оставив на своем пути все эти груды костей. Должно быть, более слабые один за другим падали в песках, а более сильные, дойдя до этого, столь желанного источника, погибали вокруг него ужасной смертью.

Аэронавты, побледнев, смотрели друг на друга.

— Не стоит спускаться, — промолвил Кеннеди, — лучше уйти подальше от этого отвратительного зрелища. Ясно, что здесь не найти ни капли воды.

— Нет, Дик, я не согласен с тобой, — возразил

Фергюссон. — Для очистки совести мы должны в этом убедиться. Да к тому же лучше нам провести ночь здесь, чем в каком-либо другом месте. А в это время мы исследуем колодец до самого дна. В нем ведь когда-то несомненно был источник, — быть может, какие-нибудь следы от него и сохранились еще.

«Виктория» опустилась на землю. Джо и Кеннеди, предварительно насыпав в ее корзину песку, по весу равнявшемуся их собственному, бросились к колодцу и спустились на его дно по почти развалившейся лестнице. Здесь они убедились, что источник иссяк, видимо, уже много лет назад. Они стали рыть сухой рыхлый песок, но, увы, в нем не было и следа влаги. Наконец они поднялись из колодца, потные, осунувшиеся, покрытые пылью, унылые, упавшие духом, в отчаянии.

Увидав своих спутников в таком состоянии, Фергюссон понял, что все поиски их оказались тщетными. Для него, впрочем, это не было неожиданностью, и он молчал. Тут доктор почувствовал, что отныне ему надо быть и мужественным и энергичным за всех троих.

Джо принес с собой из колодца обрывки заскорузлого бурдюка и со злобой кинул их на валяющиеся кругом кости.

Сели ужинать. Все были в таком подавленном настроении, что никто не проронил ни единого слова, да и ели они с отвращением.

А между тем, ведь они еще и не знали настоящих мук жажды. Лишь мысль о том, что ждет их впереди, приводила их в такое уныние.

ГЛАВА XXVI

Сорок пять градусов. — Размышления доктора. — Безнадежные поиски. — Горелка гаснет. — Шестьдесят градусов. — Пустыня Сахара. — Ночная прогулка. — Одиночество. — Обморок. — Проект Джо.

Накануне «Виктория» не пролетела и десяти миль, а между тем, для того чтобы держаться в воздухе, было истрачено сто шестьдесят два кубических фута газа. Утром Фергюссон дал сигнал к отправлению.

— Горелка будет действовать еще в течение шести часов, — объявил он. — Если за это время мы не найдем какого-нибудь источника или колодца, совершенно неизвестно, что с нами будет.

— Что-то сегодня утром маловато ветра, сэр, — проговорил Джо. — Но, быть может, он еще задует, — прибавил он, заметя на лице доктора печаль, которую тот даже и не пытался скрыть.

Напрасные надежды! В воздухе стоял тот штиль, который порой надолго приковывает к одному месту суда в тропических морях. Жара делалась невыносимой. Термометр в тени, под

тентом, показывал сорок пять градусов.

Джо и Кеннеди, растянувшись рядом, пытались если не спать, то хоть забыться. Вынужденное бездействие делало положение еще более тяжким, как всегда, когда человек не может забыться в работе. Муки жажды стали чувствоваться очень сильно. Водка не только не облегчала их, но делала их еще более жгучими, оправдывая свое название «тигрового молока», данное ей африканскими жителями. Оставалось всего-навсего около двух пинт тепловатой воды. Все три аэронавта с жадностью смотрели на эти столь драгоценные капли, но ни один из них не решался даже омочить ими губы. Что такое две пинты воды в пустыне!

В это время доктор Фергюссон, погруженный в свои думы, спрашивал себя, благоразумно ли он поступил. Не лучше ли было, вместо того чтобы напрасно держаться в воздухе, эту самую воду, потраченную на добывание водорода, сохранить для питья? Правда, они продвинулись немного, но что, в сущности, от этого выиграли? Если бы в конце концов поднялся ветер, да еще восточный, то, пожалуй, там, позади, он был бы даже сильнее, чем здесь. Но, конечно, надежда побуждала Фергюссона двигаться вперед. И вот из-за этого

без всякой пользы израсходовано два галлона драгоценной воды, которой хватило бы на целых девять дней стоянки в пустыне. А каких только перемен не могло произойти за эти дни!

Быть может, также было бы лучше при подъеме, для того чтобы сохранить воду, выбросить балласт. Но тогда при спуске пришлось бы пожертвовать газом. А можно ли было это делать, раз газ является как бы кровью «Виктории», ее жизнью?.. Бесконечное количество подобных мыслей кружилось в мозгу Фергюссона.

— Ну, надо сделать последнее усилие, — сказал он себе часов в десять утра. — Надо еще раз попытаться найти воздушное течение, которое могло бы понести нас. Рискнем последним!

И в то время как его товарищи дремали, он довел до высокой температуры газ в оболочке шара, и «Виктория», увеличившись в объеме, поднялась так же отвесно, как падали полуденные лучи солнца. Но доктор тщетно искал, начиная от высоты ста футов до пяти тысяч, хотя бы самого слабого воздушного течения, — полнейшая тишина царила везде, до самых верхних границ атмосферы.

Наконец вода, дававшая водород, иссякла, и горелка погасла. Бунзеновская батарея перестала

действовать, и «Виктория», съежившись, мало-помалу опустилась на песок в том месте, где еще сохранился след от ее корзины.

Был полдень. По вычислениям оказалось, что они находятся на 19°35′ долготы и 6°51′ широты, приблизительно в пятистах милях от озера Чад и более чем в четырехстах милях от западного побережья Африки.

Когда корзина «Виктории» коснулась земли, Дик и Джо очнулись от своего тяжкого забытья.

— Мы останавливаемся? — спросил шотландец.

— Да, приходится, — ответил Фергюссон.

Его товарищи прекрасно поняли, что он хотел этим сказать. Местность, все время понижавшаяся, была здесь на уровне моря, поэтому шар сохранял полное равновесие и неподвижность.

Вес аэронавтов был возмещен песком, и они сошли на землю. Погруженные в свои мысли, они за несколько часов не обменялись друг с другом ни словом. Джо занялся приготовлением ужина, состоявшего из сухарей и пеммикана, но аэронавты едва притронулись к нему. Глоток горячей воды завершил эту печальную трапезу. Ночью никто не нес вахты, но никто и не сомкнул глаз. Духота была невыносимая. Оставалось всего пол-

пинты воды. Доктор приберегал ее на крайний случай, и было решено не трогать ее до последней возможности.

— Я задыхаюсь! — крикнул вскоре Джо. — Как будто стало еще жарче. Ну, и неудивительно, — прибавил он, взглянув на термометр, — ведь целых шестьдесят градусов.

— А песок жжет так, словно он побывал в печке, — отозвался охотник. — И ни единого облачка на этом раскаленном небе! Просто с ума сойти можно!

— Не будем отчаиваться, — проговорил Фергюссон. — Под этими широтами после такой сильной жары неизбежно проносятся бури, и налетают они с невероятной быстротой. Несмотря на всю эту угнетающую нас ясность неба, огромные перемены могут произойти в какой-нибудь час.

— Да помилуй, Самуэль, были бы хоть какие-нибудь признаки этого! — возразил Кеннеди.

— Ну, что же, — отозвался доктор, — мне и кажется, что барометр имеет склонность к тому, чтобы упасть.

— Ах, Самуэль! Если б это и вправду было так! А то ведь мы прикованы к земле, как птица с поломанными крыльями.

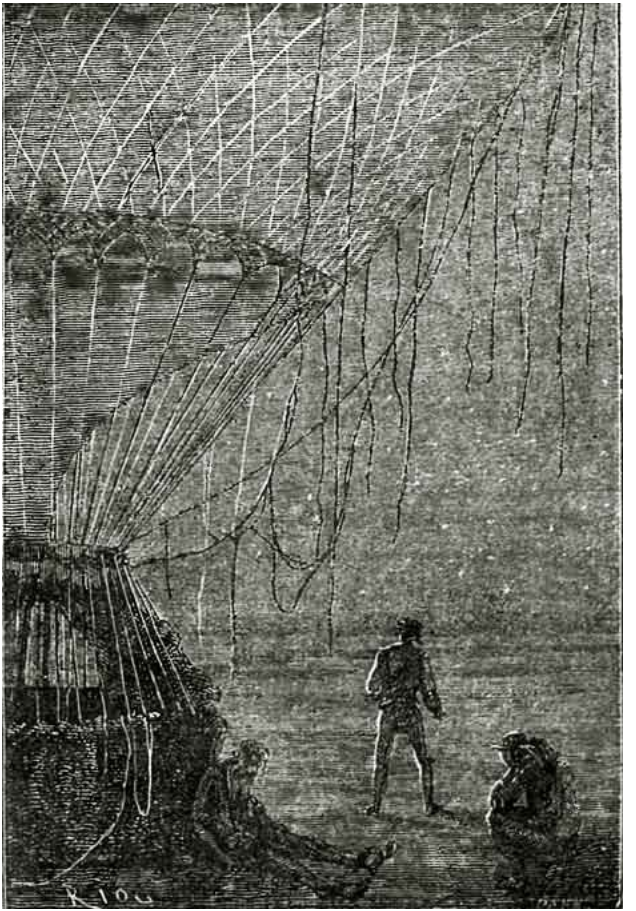
— С той только разницей, дорогой Дик, что

наши-то крылья в целости, и я надеюсь еще ими попользоваться.

— Ах, ветра бы нам, ветра! — воскликнул Джо. — Пусть бы он донес нас до ручейка, до колодца: нам больше ничего и не надо! Ведь съестных припасов у нас достаточно, и с водой мы могли бы, не печалясь, выжидать ветра хотя бы и месяц. Но жажда — это жестокая вещь.

Действительно, жажда и пустыня, находящаяся все время перед глазами, действовали самым подавляющим образом. Взору совершенно не на чем было остановиться: не только холмика, но даже камня не виднелось кругом. Эти безбрежные, ровные пески вызывали отвращение и доводили до болезненного состояния, носящего название «болезнь пустыни». Невозмутимая голубизна неба и желтизна бесконечных песков в конце концов наводили ужас. Казалось, сам знойный воздух дрожит над раскаленной добела печью. Царящая вокруг ничем не нарушаемая тишина приводила в отчаяние; уже не верилось, что все это может смениться чем-либо другим…

Наши несчастные аэронавты, лишенные в эту невыносимую жару воды, начали испытывать приступы галлюцинаций, глаза их широко раскрылись и стали мутными.

Ночь в пустыне.

С наступлением ночи Фергюссон решил быстрой ходьбой побороть это внушающее тревогу состояние. Он намерен был походить несколько часов по песчаной равнине не в поисках чего-либо, а просто чтобы подвигаться.

— Пойдемте со мной, — уговаривал он своих спутников. — Поверьте мне, это принесет вам пользу.

Для меня это невозможно, — ответил Кеннеди, — я не в силах сделать и шага.

— А я предпочитаю все-таки спать, — заявил Джо.

— Но сон и прострация могут быть гибельны для вас, друзья мои. Надо бороться с апатией. Ну, идемте же!

Но уговорить их доктору так и не удалось, и он отправился один. Ночь была звездная, словно прозрачная. Фергюссон ослабел, и в начале итти было тяжело — он отвык ходить. Но вскоре он почувствовал, что движение приносит ему пользу. Он прошел на запад несколько миль, и бодрость уже начала было возвращаться к нему, как вдруг у него закружилась голова. Ему показалось, что под его ногами раскрылась пропасть,

колени подгибались, безбрежная пустыня наводила ужас, «Виктории» в ночной тьме совсем не было видно… И вот Фергюссон, этот отважный, невозмутимый путешественник, был охвачен непреодолимым страхом. Он хотел было итти назад, но не смог; стал кричать, — на его крик не отзывалось даже эхо, и его голос затерялся в пространстве, как камень, упавший в бездонную пропасть. Один среди бесконечной пустыни, Фергюссон опустился на песок и потерял сознание…

В полночь он очнулся на руках своего верного Джо. Славный малый, начав беспокоиться, бросился разыскивать доктора по его следам, ясно отпечатавшимся на песке, и нашел его в обмороке.

— Что это с вами случилось, сэр? — с тревогой спросил он, видя, что доктор приходит в себя.

— Ничего, милый Джо. Минутная слабость, вот и все.

— Конечно, сэр, это пустяки, но все*таки поднимайтесь, обопритесь на меня, и идемте к «Виктории».

Доктор, опираясь на руку Джо, пошел обратно по видневшимся на песке следам.

— Как хотите, сэр, а это было неосторожно с вашей стороны. Нельзя так рисковать, — начал

Джо. — Вас, пожалуй, могли и ограбить, — прибавил он шутя. — Но давайте поговорим серьезно.

— Говори, я тебя слушаю.

— Нам непременно надо что-нибудь предпринять. Такое положение может продолжаться всего каких-нибудь несколько дней, а там, если не подует ветер, мы погибли.

Доктор ничего не ответил.

— Естественно, чтобы кто-нибудь пожертвовал собой для общего блага, — продолжал Джо. — И естественно, я должен это сделать.

— Что ты хочешь сказать? У тебя есть какой-нибудь план?

— План мой очень прост: я забираю с собой часть съестных припасов и иду прямо вперед, пока куда-нибудь не дойду, что должно же когда-нибудь случиться. Если же в это время подует благоприятный ветер, вы полетите, не дожидаясь меня. А если я дойду до какого-нибудь селения, то с помощью нескольких арабских слов, которые вы мне напишете на бумажке, сумею заставить себя понять и тут или смогу доставить вам помощь, или уж придется пожертвовать собственной шкурой. Как вы находите мой план?

— Он безумен, Джо, но делает честь твоему благородному, отважному сердцу. Конечно, это

невозможно, и ты не покинешь нас.

— Но надо же, сэр, в конце концов попытаться что-нибудь предпринять. Вам же это нисколько не может повредить, так как, повторяю, дожидаться меня не надо, а у меня, возможно, что-нибудь да и выйдет.

— Нет, Джо, нет! Мы не расстанемся, это еще прибавило бы нам горя. Итак, покоримся судьбе и будем ждать…

— Пусть будет по-вашему, сэр, но предупреждаю: я даю вам день и больше ждать не буду. Сегодня воскресенье, или, вернее, понедельник, ибо уже час… Так вот, если во вторник мы не двинемся, я отправлюсь, — и решил я это бесповоротно.

Доктор ничего не ответил. Вскоре они подошли к «Виктории» и улеглись в корзине рядом с Кеннеди. Тот не проронил ни слова, хотя и не спал.

ГЛАВА XXVII

Ужасающий зной. — Галлюцинации. — Последние капли воды. — Ночь отчаяния. — Попытка покончить с собой. — Самум. — Оазис. — Лев и львица.

Проснувшись на следующее утро, доктор первым делом бросил взгляд на барометр. Ртутный столбик почти не понизился.

— Ничего нового, ничего, — пробормотал он.

Фергюссон вышел из корзины и стал смотреть во все стороны: тот же зной, та же ясность неба, та же неумолимая неподвижность воздуха.

— Да неужели погибла всякая надежда?! — воскликнул он.

Джо не отозвался, с головой уйдя в свои план.

Кеннеди поднялся совсем больным. Его возбужденное состояние «е могло не вызывать беспокойства. Он ужасно страдал от жажды и еле-еле мог говорить из-за распухшего языка и губ. Оставалось еще несколько капель воды. Каждый знал об этом, каждый думал об этих каплях, и каждого тянуло к ним, но никто не решался сделать первый шаг.

Все три товарища бросали друг на друга свирепые взгляды, — они были охвачены животной алчностью к этой воде. И проявлялась она в особенно сильной степени у Кеннеди. Его могучий организм раньше других изнемог от невыносимых лишений. Весь день он был в каком-то безумном состоянии: ходил взад и вперед, хрипло что-то выкрикивал, кусая себе кулаки, был близок к тому, чтобы вскрыть себе вены и напиться собственной кровью.

— «Страна жажды»! — кричал он. — Нет, вернее будет назвать тебя «страной отчаяния»!

Потом он впал в состояние полной прострации; слышалось лишь свистящее дыхание, вырывавшееся из его запекшихся губ.

Под вечер первые приступы безумия охватили и Джо. Бесконечная масса песков вдруг показалась ему громадным прудом с чистой, прозрачной водой. Не раз несчастный бросался на раскаленный песок, чтобы напиться. Поднимался он со ртом, полным пыли, и злобно кричал:

— Проклятие! Вода-то соленая!

После одного из таких приступов безумия Джо, видя, что Фергюссон и Кеннеди лежат без движения, был охвачен непреодолимым желанием выпить последние, оставленные про запас капли

воды. Не в силах справиться с собой, он подполз на коленях к корзине и, пожирая безумными глазами бутылку с водой, схватил ее и впился в нее губами^ В этот миг рядом с ним раздались раздирающие душу крики:

— Пить! Пить!

Кеннеди подползал к нему. Несчастный с самым жалким видом, на коленях, плача, молил его. Джо, также со слезами, протянул ему бутылку, и Кеннеди выпил все, что было в ней, до последней капли.

— Спасибо! — пробормотал он, но Джо не слышал: он свалился на песок рядом с шотландцем.

Как прошла эта ужасная ночь — неизвестно. Утром несчастные стали чувствовать, как под огненными потоками солнца тела их мало-помалу совсем высыхают. Когда Джо хотел подняться, ему это не удалось. Конечно, он был не в силах осуществить свой план.

Джо оглянулся вокруг. Доктор мрачно сидел в корзине; он скрестил на груди руки и уставился бессмысленными глазами в одну точку. У Кеннеди вид был страшный: он мотал головой из стороны в сторону, как дикий зверь в клетке. Вдруг глаза охотника остановились на карабине, приклад которого торчал из-за борта корзины.

— Ах! — вскричал он, поднимаясь с нечеловеческими усилиями, и вне себя, как безумный, бросился к карабину, выхватил его и приставил дуло к своему рту.

— Сэр! Сэр! — с криком кинулся к нему Джо.

— Оставь меня! Убирайся! — хрипел шотландец.

Между ними завязалась ожесточенная борьба.

— Пошел вон, или я тебя убью! — задыхаясь, повторял Кеннеди.

Джо изо всех сил вцепился в него. Они боролись с минуту, причем характерно, что Фергюссон, казалось, не замечал всего этого. Во время их жестокой схватки карабин внезапно выстрелил. Этот звук заставил доктора подняться, и он, похожий на призрак, обвел кругом глазами. Вдруг глаза его ожили, он протянул к горизонту руку и нечеловеческим голосом закричал:

— Там! Там! Вон там!

В его крике и жесте было столько энергии, что Джо и Кеннеди моментально бросили свою борьбу и оба посмотрели на Фергюссона.

Необъятная равнина волновалась, словно разъяренное в бурю море. Волны песка бушевали, а с юго-востока, вращаясь с неимоверной быстротой, надвигался колоссальный песчаный столб.

В эту минуту солнце скрылось за темной тучей, длиннейшая тень от которой доходила до самой «Виктории». Мельчайшие песчинки неслись с легкостью водяных брызг, и все это бушующее море песка надвигалось на них. Надежда и энергия засветились в глазах Фергюссона.

— Самум! — крикнул он.

— Самум, — повторил Джо, не понимая хорошенько, что это значит.

— Тем лучше! — закричал Кеннеди с бешеным отчаянием. — Тем лучше! Мы погибнем!

— Тем лучше, — повторил Фергюссон, — но потому, что мы будем спасены.

И он быстро начал выбрасывать из корзины песок, служивший баластом.

В конце концов его товарищи поняли, в чем дело; они стали помогать ему выбрасывать песок, а затем заняли свои места в корзине.

— Теперь, Джо, вышвырни-ка фунтов пятьдесят твоей руды, — скомандовал доктор.

Джо не колеблясь сделал это.

«Виктория» стала подниматься.

— Как своевременно! — воскликнул доктор.

Самум, действительно, приближался с быстротой молнии. Еще немного — и «Виктория» была бы раздавлена, изорвана в клочки, уничтожена.

Колоссальный смерч уже настигал ее и осыпал градом песка.

— Еще выбрасывай балласт! — крикнул доктор.

— Есть! — отозвался Джо, кидая на землю огромный кусок кварца.

«Виктория» быстро поднялась над проносящимся смерчем и, подхваченная могучим воздушным течением, понеслась с неимоверной быстротой над пенящимся морем песка…

Самуэль, Дик и Джо молчали. Освеженные бурным вихрем, они с надеждой смотрели вперед…

В три часа самум прекратился. Песок, оседая, образовал бесчисленные холмики. В небе снова воцарилась полнейшая тишина. «Виктория» остановилась почти над оазисом — зеленым островом, поднимавшимся из океана песков.

— Вода! Там вода! — закричал доктор. В тот же миг он открыл верхний клапан, выпустил часть водорода, и «Виктория» тихонько спустилась в двухстах шагах от оазиса.

За четыре часа аэронавты покрыли расстояние в двести сорок миль. Корзину загрузили, и Кеннеди в сопровождении Джо соскочил на землю.

— Берите с собой ружья! — крикнул Фергюссон. — Да смотрите, будьте осторожнее.

Дик бросился за своим карабином, а Джо схватил одно из ружей. Быстро понеслись они к деревьям и мигом очутились под зеленой кущей, сулившей обилие драгоценной влаги. В своем возбужденном состоянии они не обратили внимания на видневшиеся там и сям свежие следы.

Лев сделал страшный прыжок.

Вдруг шагах в двадцати от них послышалось рычание.

— Это лев, — проговорил Джо.

— Тем лучше! — воскликнул раздраженный охотник. — Когда сражаешься, делаешься сильнее.

— Поосторожнее, мистер Дик, поосторожнее. Помните, что от жизни одного из нас зависит жизнь всех.

Но Кеннеди пропустил эти слова мимо ушей; он уже мчался вперед, держа в руках заряженный карабин, мчался с пылающим взором, страшный в своей отваге.

Под одной из пальм стоял огромный лев с черной гривой, готовый каждую минуту броситься на свою жертву. Заметив охотника, лев сделал страшный прыжок, но прежде чем он коснулся земли, пуля поразила его прямо в сердце. Он упал мертвый.

— Ура! Ура! — радостно закричал Джо.

Тут Кеннеди кинулся к колодцу, сбежал по влажным ступенькам, припал к источнику и жадно стал пить свежую, холодную воду. Джо последовал его примеру, и некоторое время ничего

не было слышно, кроме плеска воды.

— Будем благоразумны, мистер Дик, — тяжело дыша, проговорил Джо, — не нужно злоупотреблять.

Но Дик, ничего не отвечая, окунал в воду голову и руки и все продолжал пить; он словно опьянел.

— Ну, а как же мистер Фергюссон… — начал Джо.

Имя это мгновенно привело в себя Кеннеди. Он сейчас же наполнил водой принесенную с собой бутылку и бросился вверх по лестнице. Но каково же было его изумление, когда он увидел, что огромное темное тело закрывает выход из колодца. Оба они, Кеннеди и идущий за ним Джо, подались назад.

— Вот тебе на! Мы заперты! — закричал Джо. — Просто невероятно, что бы могло это значить?

Не успел Джо договорить этих слов, как ужасное рычание показало им, с каким новым страшным врагом приходилось иметь дело.

— Еще лев! — закричал Джо.

— Нет, не лев, это львица. Ах, проклятая тварь! Подожди же! — крикнул охотник, снова поспешно заряжая свой карабин.

Он выстрелил, и животное исчезло.

— Вперед! — скомандовал Кеннеди.

— Нет, мистер Дик, не надо пока выходить. Вы ведь эту самую львицу не убили наповал, а то бы она свалилась сюда. Наверно, теперь она ждет, чтобы наброситься на первого из нас, кто покажется, и тогда уж ему капут.

— Но как же быть? Надо же выйти. Да и Самуэль нас ждет.

— Необходимо завлечь сюда этого зверя, — промолвил Джо. — Возьмите мое ружье, а мне дайте ваш карабин.

— Что ты задумал?

— Вот увидите.

Джо сбросил свою полотняную куртку, надел ее на ствол карабина и в виде приманки выставил в отверстие колодца. Разъяренная львица накинулась на куртку, а Кеннеди сейчас же выстрелил и раздробил ей плечо. Рыча, львица покатилась по лестнице. Джо уже казалось, что в него вонзаются огромные львиные когти… но вдруг раздался новый выстрел, и в отверстии колодца появился Фергюссон с еще дымящимся в руках ружьем.

Джо быстро поднялся, перескочил через труп львицы и, взбежав по лестнице, подал доктору бутылку, полную воды. Поднести эту бутылку к губам и всю сразу ее выпить было для Фергюссона

делом одной минуты.

ГЛАВА XXVIII

Чудесный вечер. — Стряпня Джо. — Мечты Джо. — Барометр падает. — Приготовления к продолжению полета. — Ураган.

После сытного обеда, запитого немалым количеством чая и грога, наши путешественники провели чудесный вечер под свежей зеленой листвой мимоз.

Кеннеди во всех направлениях обошел маленький оазис, осмотрев, кажется, все его кусты. Несомненно, они трое были единственными живыми существами этого земного рая. Растянувшись на своих постелях и забыв о перенесенных муках, они провели спокойную ночь.

На следующий день солнце сияло во всем своем блеске, но жгучие лучи его, к счастью, не могли проникать сквозь густую листву. Благодаря тому, что съестных припасов имелось еще в достаточном количестве, доктор решил дождаться в оазисе благоприятного ветра.

Джо вынул из корзины «Виктории» свою походную кухню и с увлечением занялся всевозможными кулинарными приготовлениями, тратя при

этом воду с беспечной расточительностью.

— Какая удивительная смена горестей и радостей! — воскликнул Кеннеди. — Это изобилие после таких лишений! Роскошь после нищеты! А я-то! Как был я близок к сумасшествию!

— Да, дорогой мой Дик, — заговорил доктор, — если бы не Джо, тебя не было бы с нами, и ты уже не философствовал бы на тему о непостоянстве всего земного.

— Спасибо, дорогой друг! — воскликнул Дик, крепко пожимая руку Джо.

— Не за что, — ответил славный малый. — Когда-нибудь сочтемся, хотя, признаться, я предпочел бы, чтобы такого случая вовсе не представлялось.

— А все-таки по природе мы жалкие люди, — заметил доктор. — Падать духом из-за такого пустяка!

— Вы хотите сказать, сэр, из-за такого пустяка, как отсутствие воды? — спросил Джо. — Но, видно, эта самая вода уж очень необходима для жизни.

— Несомненно, Джо, и знаешь, люди могут переносить голод дольше, чем жажду.

— Верю. Да, кроме того, ведь голодный человек может есть все, что ему попадется под руку, даже

себе подобного, хотя, должно быть, воспоминание о такой закуске долго будет мучить его.

— Повидимому, дикари не очень-то задумываются над этим, — вставил Кеннеди.

— Но на то они и дикари, привыкшие есть сырое мясо. Вот уж, можно сказать, противный обычай!

— Действительно, это так отвратительно, что словам первых путешественников по Африке, когда они рассказывали о том, что туземные племена питаются сырым мясом, совершенно отказывались верить.

День прошел в приятных разговорах. Вместе с силами возвращалась надежда, а с нею и отвага. Пережитое изглаживалось из памяти с благодетельной быстротой.

Джо заявил, что хотел бы никогда не расставаться с этим волшебным уголком. Это было именно то царство, о котором он всегда мечтал. И чувствует он себя здесь совсем как дома. По просьбе славного малого, доктору пришлось точно определить местонахождение оазиса, и Джо с пресерьезным видом занес в свою дорожную записную книжку: 15°45′ долготы и 8°32′ широты.

Что касается Кеннеди, то он жалел только об одном, — что не может поохотиться в этом чу-

десном лесу. По его мнению, здесь положительно недоставало диких зверей.

— Но ты что-то уж очень забывчив, дорогой мой Дик, — возразил доктор. — А этот лев, а львица?

— Ну, что там! — проговорил Джо с обычным презрением истого охотника к убитому зверю. — А кстати, знаете, присутствие в здешнем оазисе этой пары львов, пожалуй, может свидетельствовать о близости плодородных мест.

— Твое предположение не очень веско, — заметил доктор. — Эти звери, гонимые голодом и жаждой, часто пробегают очень большие расстояния. И в следующую ночь нам нужно быть настороже и даже разложить несколько костров.

— В такую-то жару! — воскликнул Джо. — Разумеется, если это необходимо, сэр, то, конечно, будет сделано; но мне, признаться, довольно-таки больно жечь этот чудесный лесок, давший нам столько хорошего.

— Да, надо быть как можно осторожнее, чтобы не спалить его, — сказал доктор, — и дать другим возможность воспользоваться когда-ни-будь этим чудесным приютом среди пустыни.

— Уж мы позаботимся об этом, сэр. А вы думаете, что этот оазис известен кому-нибудь?

— Конечно. Это место стоянки караванов, иду-

щих в Центральную Африку, и наверно могу сказать, что встреча с ними тебе, Джо, была бы не очень по сердцу.

— Да разве здесь также встречаются эти ужасные ниам-ниам?

— Без сомнения. Ведь это название общее для всего туземного населения, и, живя в одном и том же климате, эти родственные племена, конечно, должны иметь одинаковые нравы и обычаи.

— Тьфу! — вырвалось у Джо. — Впрочем, — заявил он, — в конце концов это естественно. Если б у дикарей были вкусы джентльменов, то в чем же была бы тогда разница между первыми и вторыми. Могу себе представить, с каким наслаждением уписывали бы эти ниам-ниам бифштекс шотландца, да и его самого в придачу!

После этих рассуждений Джо отправился раскладывать костры, стараясь делать их как можно меньше. К счастью, эта предосторожность оказалась излишней, и все трое поочередно прекрасно выспались.

На следующий день погода ничуть не изменилась — она упорно продолжала быть великолепной. Полная неподвижность «Виктории» говорила об отсутствии даже самого легкого ветерка.

Фергюссон снова начал было беспокоиться. «Если так будет итти и дальше, пожалуй, может не хватить съестных припасов, — думал он. — Неужели, избежав смерти от жажды, мы погибнем от голода?»

Но вскоре он воспрянул духом, заметив, что барометр стал сильно падать, — это был явный признак перемены погоды в ближайшее время. И он решил, не откладывая, заняться всеми необходимыми для полета приготовлениями, чтобы при благоприятных условиях иметь возможность немедленно подняться на воздух. Ящик для воды, нужной для добывания водорода, и ящик для питьевой воды — оба были наполнены доверху.

Затем Фергюссон занялся уравновешиванием шара, и Джо снова пришлось пожертвовать порядочной толикой своего сокровища. Но вместе с силами к славному малому вернулись его корыстные помыслы, и он не сразу исполнил приказ доктора. Тому пришлось уговаривать его, указывая на то, что «Виктория» не в состоянии будет поднять лишнего груза и, значит, надо выбирать между водой и золотом. Убежденный наконец, Джо перестал колебаться и выбросил из корзины на песок значительное количество драгоценной руды.

— Ну, пусть же это достанется тем, кто явится сюда после нас, — промолвил Джо. — Вот, думаю, удивятся-то, найдя богатство в таком месте!

— А что, если какой-нибудь ученый исследователь наткнется здесь на эти камни? — сказал Кеннеди.

— Нет никакого сомнения, дорогой Дик, что он будет очень поражен и не замедлит напечатать об этом целые фолианты, — отозвался доктор. — Мы же в один прекрасный день можем услышать о чудесных залежах золотоносного кварца, найденных среди песков Африки.

— И подумайте, все это будет делом рук Джо, — заметил Кеннеди.

Мысль, что он введет в заблуждение какого-нибудь ученого, утешила славного малого, и он даже улыбнулся.

Весь остальной день доктор тщетно ждал перемены погоды. Температура повысилась и, если бы не густая тень оазиса, была бы совершенно невыносимой. Термометр показывал 69°. Это была наивысшая температура, отмеченная до сих пор Фергюссоном. Воздух казался просто огненным.

Вечером Джо опять разложил для безопасности костры, и во время вахт доктора и Кеннеди не произошло ничего нового. Но около трех часов

утра, когда дежурил Джо, температура внезапно понизилась, небо заволокло тучами и стало гораздо темнее.

— Вставайте! Вставайте! — крикнул Джо своим товарищам. — Поднимается ветер!

— Наконец-то! — воскликнул доктор, глядя на небо. — Буря приближается! Скорее на «Викторию»!

Действительно, нельзя было терять ни минуты. Под натиском урагана «Виктория» совсем пригнулась к земле, и ее корзина волочилась по песку. Если бы случайно из нее вывалилась часть бала-ста, шар могло бы совсем унести. Быстроногий Джо помчался к корзине и ухватился за нее. В это время самый шар почти лег на землю, рискуя изорвать свою оболочку.

Доктор занял свое обычное место, зажег горелку и приказал сбросить лишний балласт.

Аэронавты в последний раз взглянули на гнувшиеся до земли под напором бури деревья оазиса и, подхваченные на высоте двухсот футов восточным течением, скрылись в ночном мраке.

ГЛАВА XXIX

Появление растительности. — Фантастическая идея франц узского писателя. — Чудесная страна. — Царство Адамово. — Горы Атлантики. — Река Бенуэ. — Город Иола. — Гора Бажелэ. — Гора Мендиф.

Захваченные восточным течением, наши аэронавты неслись чрезвычайно быстро. Да они и жаждали покинуть Сахару, едва не ставшую для них роковой. Около четверти десятого утра они стали замечать кое-где траву, пробивавшуюся среди моря песка. Эта трава, как когда-то Христофору Колумбу, и им говорила о близости земли. На горизонте появились волнистые очертания еще не высоких холмов. Тягостное однообразие пустыни стало исчезать.

Доктор с восторгом приветствовал этот новый край и готов был, как моряк на вахте, крикнуть: «Земля!»

Через час перед глазами наших аэронавтов стала проноситься местность, еще очень дикая, но уже не такая плоская и оголенная; на сером небе даже вырисовывались деревья.

— Что же, значит, мы уже в более или менее цивилизованной стране? — спросил охотник.

— В цивилизованной! — воскликнул Джо. — Да что вы, мистер Дик! Взгляните-ка, ведь совсем еще не видно людей.

— Но при той быстроте, с которой несется наша «Виктория», мы не замедлим их увидеть, — заметил Фергюссон.

— А скажите, мистер Самуэль: мы все еще в стране негров?

— Да, Джо, и будем в ней, пока не доберемся до арабов.

— До арабов, сэр? Настоящих арабов с верблюдами?

— Нет, без верблюдов: эти животные здесь редки, вернее сказать — почти неизвестны. Встретить их можно, только поднявшись на несколько градусов к северу.

— Жаль!

— А почему, Джо?

— Да потому, что при противном ветре можно было бы ими пользоваться.

— Каким же образом?

— Мне, сэр, сейчас пришла в голову вот какая мысль: что, если впрячь в нашу «Викторию» этих самых верблюдов и заставить их тащить нас? Что

вы на это скажете?

— Бедный мой Джо, знаешь, твоя идея не нова. Ее, в романе правда, но уже использовал один остроумный французский писатель, Мэри. Герои его романа впрягают в свой шар верблюдов, которые и тащат его. Вдруг, откуда ни возьмись, появляется лев. Он пожирает злосчастных верблюдов, проглатывает канат и, попав таким образом в плен, принужден сам тащить шар. Сам видишь, насколько все это фантастично и совершенно не может быть применено нами.

Джо, несколько сконфуженный тем, что его блестящая идея была уже предвосхищена, стал ломать себе голову над вопросом о том, какой дикий зверь смог бы в свою очередь сожрать льва, но, не додумавшись до этого, снова принялся разглядывать проносившуюся под ними местность. Перед глазами было средней величины озеро. Его окружали холмы, которые еще нельзя было назвать горами. Между этими холмами извивалось много плодороднейших долин с непроходимой чащей разнообразнейших деревьев: виднелись бананы, дынные деревья, баобабы, пандануса — эти детища тропических стран.

— Что за чудесный край! — воскликнул доктор.

— А вот уже появились животные, — объявил Джо, — значит, здесь недалеко и люди.

— Ах, какие великолепные слоны! — закричал Кеннеди. — Нельзя ли было бы немного поохотиться?

— Ну, скажи на милость, Дик, как же при таком сильнейшем воздушном течении нам можно остановиться? Нет, дорогой мой, тебе придется до некоторой степени испытать муки Тантала. Утешайся мыслью, что ты позднее вознаградишь себя за это.

И в самом деле, было отчего разыграться воображению охотника! У бедного Дика сердце колотилось в груди и пальцы невольно сжимали карабин.

Фауна этого края не уступала его флоре. Дикие быки утопали в густой, высокой траве, откуда их едва было видно. Слоны огромного роста, серые, черные, желтые, ураганом проносились по лесу, все ломая, уничтожая и опустошая на своем пути. По лесистым склонам холмов шумели водопады, мчались на север потоки. В них купались гиппопотамы, а по берегам валялись, выставляя свое круглое вымя, полное молока, рыбовидные ламантины, до двадцати футов длиной. Это был целый зверинец в грандиозной оранжерее, где

бесчисленное количество разнообразных птиц, порхая среди тропической растительности, переливалось тысячами цветов.

По этому сказочному богатству природы доктор догадался, что они несутся над царством Адамовым.

После двенадцатичасового перелета «Виктория» была у границы Судана. Первые туземцы, которых увидели наши аэронавты, были арабы племени шуа, кочующие здесь со своими стадами. Огромные вершины гор Атлантики возвышались на горизонте. На эти горы, предполагаемая вышина которых была около двух тысяч шестисот метров, не ступала еще нога европейца. По их западному склону устремляются в океан все реки этой части Африки. Горы Атлантики — это местные Лунные горы.

Наконец перед глазами наших аэронавтов появилась настоящая большая река, и в ней доктор признал самый большой приток Нигера — Бенуэ, тот самый, который туземцы называют «источником вод».

— Знаете, друзья мои, — сказал доктор, — эта река станет когда-нибудь естественным путем сообщения с внутренним Суданом. Однажды пароход «Плеяда» под командой одного из наших

отважных капитанов уже поднялся по ней до города Иола.

Множество невольников работало в поле над сорго (род проса), составляющим главную их пищу. Выпучив глаза, с удивлением смотрели они на проносившуюся метеором «Викторию».

Вечером доктор решил сделать привал в сорока милях от города Иола. Вдали поднимались две остроконечные вершины горы Мендиф. Фергюссон приказал сбросить якоря, и они не замедлили зацепиться за верхушку высокого дерева. Но сильнейший ветер раскачивал «Викторию» до того, что порой она ложилась почти горизонтально, делая при этом положение находящихся в корзине очень опасным.

Фергюссон во всю ночь не сомкнул глаз. Не раз он был близок к тому, чтобы перерубить якорные канаты и уйти от бури. Наконец она утихла, и раскачивание «Виктории» перестало быть опасным.

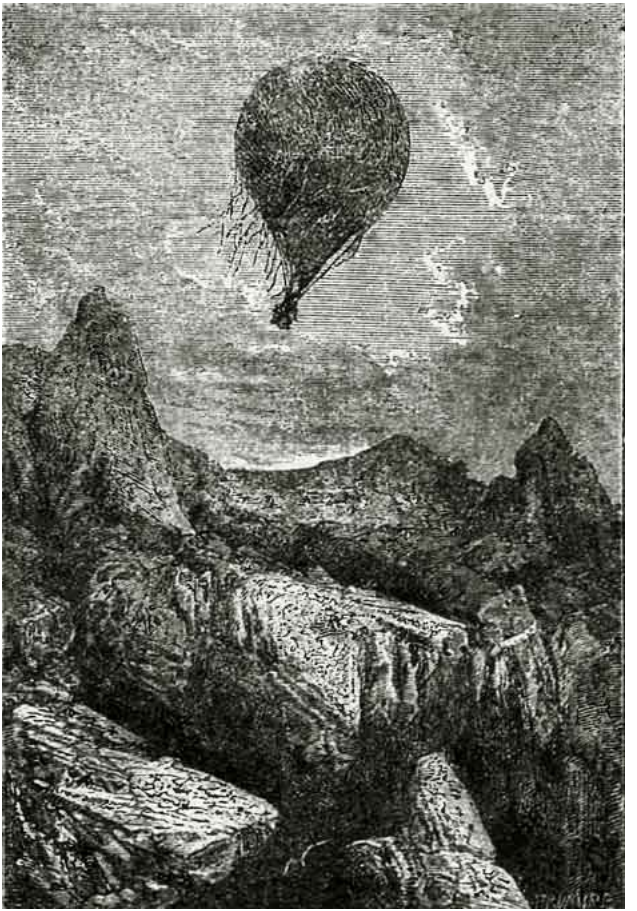
На следующий день дул менее сильный ветер, но, к сожалению, он уносил аэронавтов в сторону от Иола. Фергюссону очень хотелось видеть этот город, недавно перестроенный фулланами, но что поделаешь — надо было примириться с тем, что приходилось подниматься к северу и даже несколько к северо-востоку. Кеннеди предложил

сделать остановку в этом крае, столь богатом дичью. Джо также высказался за то, что хорошо было бы запастись свежим мясом. Но дикие нравы и враждебное отношение туземцев, давших несколько выстрелов из ружей по «Виктории», принудили доктора продолжать путь. Как раз в это время они пролетали над краем, где царили резня и пожары, где султаны вели между собой бесконечные войны, постоянно ставя на карту свои государства.

Внизу проносились многочисленные густо населенные деревни с длинными хижинами. Вокруг них виднелись богатые, обширные пастбища, пестреющие лиловыми цветами.

Вопреки всем усилиям доктора, «Викторию» несло прямо на северо-восток, к горе Мендиф, в то время еще скрывавшейся за тучами. Гора эта отделяет бассейн реки Нигера от бассейна озера Чад.

Вскоре показалась гора Бажелэ, к склонам которой прилепились, словно дети к груди матери, целых восемнадцать селений. В лощинах зеленели поля риса и земляного ореха.

Кратер горы Мендиф.

В три часа «Виктория» была у горы Мендиф. Миновать ее оказалось невозможным, и надо было перелететь через нее... Фергюссон, доведя температуру газа до ста градусов, увеличил подъемную силу шара почти на тысячу шестьсот фунтов и благодаря этому поднялся выше восьми тысяч футов. Ни разу еще во время своего полета «Виктория» не достигала такой высоты, и температура здесь до того понизилась, что доктор и его товарищи принуждены были закутаться в одеяла. Фергюссон поспешил спуститься, ибо оболочка «Виктории» была так натянута, что каждую минуту могла лопнуть.

Как ни торопился доктор, они все-таки могли разглядеть, что гора эта вулканического происхождения и что кратеры ее давным-давно потухших вулканов успели уже обратиться в глубочайшие пропасти. Огромные массы птичьего помета образовали по склонам горы Мендиф подобие известковых скал, и их, пожалуй, хватило бы на удобрение полей всей Англии.

В пять часов дня «Виктория», защищенная от южного ветра горой, тихонько пронеслась у ее склонов и остановилась на большой лужайке,

вдали от всякого жилья. Как только корзина шара коснулась земли и были предприняты все нужные меры для ее укрепления, Кеннеди, схватив свой карабин, умчался по отлогой долине. Вскоре он возвратился с полудюжиной диких уток. Джо постарался как можно лучше их приготовить. Обед удался на славу, а ночь прошла в полном спокойствии.

ГЛАВА XXX

Мосфея. — Шейх. — Столица Логгума — Кернак. — Штиль. — Логгумский шейх и его двор. — Нападение. — Голуби-поджигатели.

На следующий день наши аэронавты снова продолжали свой отважный полет. Они теперь верили в свою «Викторию», как моряк верит в свое судно. Она ведь с честью выдержала все испытания: и ураганы, и тропический зной, и подъемы среди страшных опасностей, и еще, пожалуй, более рискованные спуски. А управлял своим шаром Фергюссон, можно сказать, мастерски. Вот почему, не зная хорошенько, где будет конечный пункт их путешествия, доктор уж больше не боялся за его исход. Конечно, в этой стране дикарей и фанатиков необходимо было принимать особые меры предосторожности, и он не переставал убеждать своих друзей быть всегда на-чеку.

Ветер медленно нес их к северу, и около девяти часов утра показался большой город Мосфея, раскинувшийся на плоскогорье среди двух высоких гор. Такое положение делало город недоступным.

К нему вела только одна узкая дорога, извивавшаяся среди лесов и болот.

Как раз в этот момент в город въезжал шейх. Его сопровождал конный эскорт в разноцветных одеждах. Впереди шли трубачи и скороходы, очищавшие дорогу от ветвей.

Доктор, желая поближе поглядеть на туземцев, начал снижаться. По мере того как шар, приближаясь, стал увеличиваться, арабы приходили все в больший ужас, и скоро все они удрали с быстротой, на которую только были способны их собственные ноги и ноги их коней. Один лишь шейх не двинулся с места. Он взял в руки свой длинный мушкет, зарядил его и с гордым видом стал ждать.

Доктор снизился приблизительно на высоту ста пятидесяти футов и громко на арабском языке приветствовал шейха. Услышав эти слова, несшиеся с небес, шейх сошел с коня и распростерся в дорожной пыли. Как Фергюссон ни настаивал, он не мог вывести его из этой позы поклонения.

— Понятно, если при первом появлении здесь европейцев в них видели богов, то нас они не могли не принять за небожителей, — сказал доктор своим товарищам. — И когда шейх станет рассказывать о встрече с нами, он, конечно, хо-

рошенько прикрасит ее. Представьте себе, какие удивительные легенды создадутся когда-нибудь о нас с вами!

Вскоре Мосфея скрылась за горизонтом. Перед глазами наших аэронавтов уже проносилась Мандара, этот на редкость плодородный край, со своими лесами из акаций, с лугами, усеянными красными цветами, с полями индиго и хлопчатника. Шумно мчала свои бурные воды река Шари; в восьмидесяти милях отсюда она впадала в озеро Чад. Несколько лодок, длиной футов в пятьдесят, плыли вниз по ее течению. «Виктория», парившая на высоте тысячи футов, почему-то мало привлекала внимание туземцев. Довольно сильный до этого ветер стал спадать.

— Неужели мы опять попадем в полный штиль? — проговорил доктор.

— Ну, теперь, сэр, во всяком случае, нам нечего бояться ни недостатка воды, ни пустыни, — заметил Джо.

— Но зато здешнее население будет, пожалуй, страшнее всего этого, — заметил доктор.

— Вот что-то похожее на город, — заявил Джо.

— Это Кернак, — отозвался Фергюссон. — Как ни слаб ветер, но он несет нас туда. При желании можно было бы снять с города точный план.

— А нельзя ли будет нам снизиться? — спросил Кеннеди.

— Ничего не может быть легче, Дик. Мы как раз над самым городом. Подожди, я сейчас прикручу горелку, и мы станем спускаться.

Через каких-нибудь полчаса «Виктория» неподвижно повисла в двухстах футах от земли.

— Вот мы и совсем близко от Кернака, — сказал доктор. — Теперь мы вволю можем наглядеться на него… Но что это за стук несется со всех сторон, словно колотят деревянными молотками?

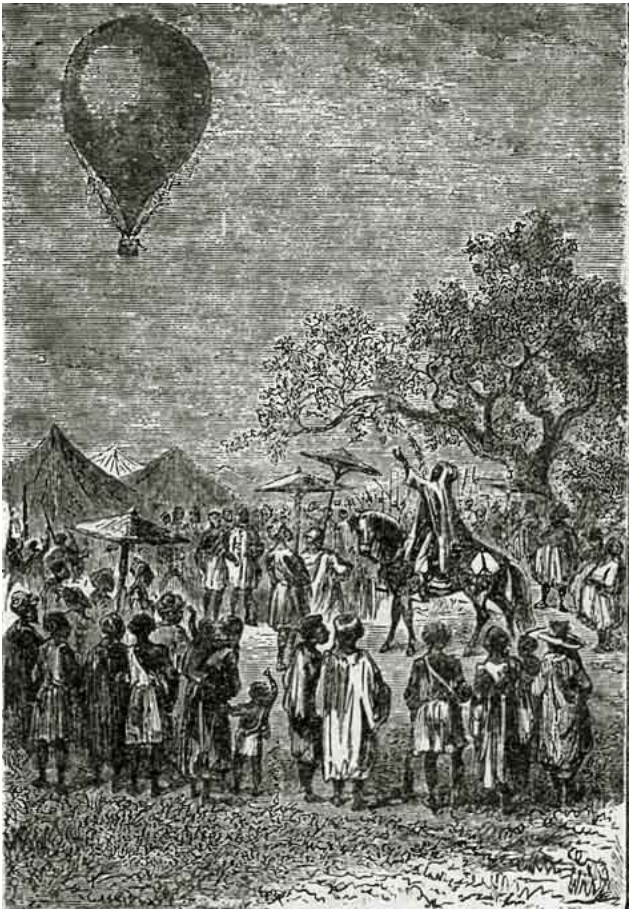
Джо стал внимательно всматриваться и убедился, что весь этот шум производят ткачи, работающие под открытым небом над полотнами, натянутыми на большие пни.

Теперь Кернак, столицу Логгума, видно было, как на ладони. Он представлял собой настоящий город, с правильной линией домов и довольно широкими улицами. Посреди большой площади виднелся рынок невольников, где толпилось много покупателей. Появление «Виктории» произвело и здесь такое же впечатление, какое оно уже не раз производило и раньше: сначала раздались крики, все пришли в неописуемое удивление и ужас, затем были брошены все работы и воцарилась полная тишина. Наши аэронавты,

неподвижно держась в воздухе, с величайшим интересом рассматривали многолюдный город. Потом они опустились еще ниже и остановились всего в каких-нибудь двадцати метрах от земли.

Тут появился из своего дома шейх, правитель Логгума, с зеленым знаменем. Его сопровождали музыканты, трубившие во всю мочь в буйволовые рога. Вокруг повелителя стала собираться толпа. Фергюссон хотел было говорить с ним, но из этого ничего не вышло.

Туземцы своими высокими лбами, курчавыми волосами и почти орлиными носами производили впечатление людей гордых и смышленых. Понятно, появление «Виктории» привело их в большое смятение. Во все стороны были разосланы верховые гонцы. Вскоре нельзя было сомневаться в том, что стягиваются войска, чтобы сразиться с необыкновенным врагом. Напрасно выставлял Джо платки всевозможных цветов (как знаки миролюбия), — он ничего этим не достиг.

Шейх Логгума.

Между тем шейх, окруженный своим двором, показал знаком, что он желает говорить, и произнес речь, из которой Фергюссон не понял ни единого слова. Это была смесь арабского с багирминским языком. Однако, благодаря интернациональному языку жестов, доктору вскоре стало ясно, что шейх настойчиво требует их немедленного удаления. Он и сам радешенек был бы убраться, но, к несчастью, из-за полного штиля это было невозможно осуществить. Неподвижность «Виктории», видимо, выводила из себя шейха, и его придворные начали орать, надеясь этим заставить чудовище исчезнуть.

Они были прекурьезны, эти придворные, в пяти или шести пестрых рубахах и с огромными животами, из которых, по-видимому, немало было накладных. Доктор очень удивил товарищей, сказав им, что эти многочисленные рубахи и животы были одним из способов угодить своему султану. Округлость означала здесь важность. Все эти толстяки кричали и жестикулировали, но особенно выделялся среди них один, должно быть, судя по его толщине, премьер-министр. Толпа присоединяла свой вой к крикам придвор-

ных, в то же время подражая, подобно обезьянам, их жестам.

Когда все эти меры сочтены были недостаточными, начали применять более грозные. Выстроены были в боевом порядке солдаты, вооруженные луками и стрелами; но «Виктория» спокойно поднялась и снова оказалась вне их выстрелов. Тут шейх схватил мушкет и прицелился в шар. Но зорко следивший за ним Кеннеди опередил его и, выстрелив из своего карабина, раздробил мушкет в его руках.

Этот неожиданный выстрел вызвал страшный переполох. Все мгновенно разбежались по своим хижинам, и город точно вымер.

Наступила ночь. Ветер совсем спал. Надо было примириться с необходимостью оставаться на высоте трехсот футов от земли. Среди тьмы внизу не виднелось ни единого огонька. Царила мертвая тишина. Доктор удвоил бдительность: ведь это спокойствие легко могло таить в себе западню.

И как оказался прав Фергюссон, будучи настороже! Около полуночи весь город словно запылал. В воздухе переплетались сотни огненных линий.

— Вот странная вещь! — проговорил доктор.

— Боюсь, что этот огонь приближается к нам, —

с волнением сказал Кеннеди.

И в самом деле, среди страшных криков и мушкетных выстрелов масса огня поднималась к «Виктории». Джо уже приготовился сбрасывать балласт, но Фергюссон скоро понял, в чем дело. Тысячи голубей, к хвостам которых прикрепили горящее вещество, были пущены на «Викторию». Перепуганные птицы разлетелись, описывая в воздухе огненные зигзаги. Кеннеди стал палить из всех имеющихся ружей в огненную стаю, но что мог он поделать против такого бесчисленного количества врагов! Голуби уже кружились вокруг «Виктории», и шар, отражая огни, сам казался в огненной сетке.

Доктор, не задумываясь, сбросил кусок кварца, и шар моментально поднялся выше стаи опасных огненных птиц. Еще часа два видно было, как они там и сям кружились в воздухе, но мало-помалу число их все уменьшалось, и наконец огоньки совсем исчезли.

— Теперь мы можем спокойно заснуть, — объявил доктор.

— А знаете, совсем недурно придумано для дикарей, — проговорил Джо.

— Они нередко пускают в ход таких голубей-поджигателей для уничтожения вражеских

деревень, — заметил і доктор, — но на этот раз наша «летающая деревня» поднялась выше их пернатых поджигателей.

— Вижу, что воздушному шару положительно нечего бояться врагов, — заявил Кеннеди.

— Нет, ошибаешься, друг мой, — возразил доктор.

— Но, скажи, кто же может быть ему страшен?

— Да неосторожные малые в его же корзине. Так вот, друзья мои, будемте настороже буквально каждую минуту.

ГЛАВА XXXI

«Виктория» среди ночи снова пускается в путь. — В Кеннеди заговорил охотничий инстинкт. — Течение реки Шари. — Озеро Чад. — Воды озера. — Гиппопотам. — Выстрел впустую.

Стоя на вахте, Джо около трех часов ночи заметил, что город под ними стал наконец уходить, — «Виктория» двинулась. Кеннеди и доктор проснулись.

Фергюссон взглянул на компас и с удовольствием убедился, что ветер несет их к северо-северо-западу.

— Нам везет, — проговорил он. — Все нам удается. Еще сегодня мы увидим озеро Чад.

— А оно большое? — поинтересовался Кеннеди.

— Довольно большое, дорогой Дик. В самых длинных и широких своих местах оно тянется миль на сто двадцать.

— Полет над водным пространством внесет некоторое разнообразие в наше путешествие, — заметил Дик.

— Но, друг мой, кажется, на однообразие мы никак пожаловаться не можем, да к тому же все протекает при наилучших условиях.

— Да, это действительно так, Самуэль. Ведь, не считая отсутствия воды в пустыне, в сущности, другим серьезным опасностям мы как будто и не подвергались.

— Несомненно, что наша «Виктория» во всех случаях вела себя изумительно. Сегодня у нас двенадцатое мая, а вылетели мы восемнадцатого апреля. Итого в пути мы двадцать пять дней. Еще деньков десять — и мы закончим наш полет.

— Где же именно, Самуэль, мы его закончим?

— Вот этого я сказать тебе не могу. Да и не все ли это равно?

— Ты прав. Главное, чего надо желать, это сохранения нашего здоровья. Разве сейчас мы похожи на людей, пронесшихся через самую губительную страну на свете?

— Видишь, значит, мы были в силах лететь, и мы это проделали!

— Да здравствуют воздушные путешествия! — крикнул Джо. — После двадцати пяти дней полета мы вполне здоровы, упитаны и хорошо, даже, быть может, чрезмерно хорошо, отдохнули. Мои ноги, например, попросту онемели, и я ничего не

имел бы против того, чтобы размять их, пройдя миль тридцать.

— Это удовольствие ты уж доставишь себе, расхаживая по улицам Лондона, — сказал доктор, — а здесь нам очень важно не разделяться. Если бы один из нас вдруг очутился где-нибудь вдали от «Виктории» в тот момент, когда, для избежания внезапной опасности, ей было бы необходимо сейчас же подняться, — кто знает, быть может, мы никогда больше и не встретились бы. Вот почему, откровенно говоря, я не особенно люблю, когда Кеннеди отправляется на охоту.

— Но все-таки, дорогой Самуэль, ты разрешишь мне еще заняться моим любимым делом? Недурно ведь было бы возобновить наши запасы. Кроме того, вспомни: приглашая меня отправиться с собой, ты соблазнял меня чудесной охотой, а до сих пор я что-то мало отличился на этом поприще.

— Дорогой Дик, или память тебе изменяет, или благодаря своей скромности ты просто умалчиваешь о своих подвигах, но мне кажется, что, не говоря уже о мелкой дичи, у тебя на совести жизнь антилопы, слона и пары львов.

— Что все это значит, друг мой, для охотника, у которого то и дело перед дулом ружья проносятся, кажется, все существующие на свете

животные!.. Погляди-ка, погляди! Вон там целое стадо жирафов!

— Так это жирафы? — воскликнул Джо. — Но они ие больше моего кулака.

— Это потому, что мы на высоте тысячи футов, а вблизи ты убедился бы, что они раза в три повыше тебя.

— А что ты скажешь, Самуэль, об этом стаде газелей, — продолжал Кеннеди, — или о тех страусах?.. Вон они мчатся там, словно ветер.

— По-вашему, эти птицы — страусы? — опять удивился Джо. — Но это куры, настоящие куры.

— Послушай, Самуэль, — заволновался охотник, — нельзя ли было бы как-нибудь к ним приблизиться?

— Приблизиться, конечно, было бы можно, Дик, но спуститься на землю нам ведь нельзя. А тогда, скажи на милость, какой толк убивать зверей, которыми невозможно воспользоваться? Еще если бы вопрос шел о льве, тигре, гиене, я, пожалуй, понял бы тебя, — все-таки одним свирепым зверем на свете стало бы меньше, — но таких мирных животных, как газель или антилопа, право, не стоит убивать исключительно для удовлетворения охотничьих инстинктов. Вообще же, друг мой, мы теперь будем держаться на вы-

соте футов ста от земли, и если тебе попадется на глаза какой-нибудь хищный зверь, то ты, пустив ему пулю в сердце, доставишь нам лишь одно удовольствие.

«Виктория» мало-помалу снизилась, но все еще держалась на порядочном расстоянии от земли. Ведь в этом диком, густо населенном крае всегда можно было ждать непредвиденных опасностей.

Наши аэронавты летели теперь над рекой Шари. Очаровательные берега ее исчезали в густых зарослях деревьев всевозможных оттенков. Вокруг сплетались лианы и другие вьющиеся растения. Крокодилы лежали на солнце или ныряли в воду с легкостью ящериц. Играя, они выбрасывались на многочисленные, разбросанные по течению реки, зеленые островки.

Около девяти часов утра доктор Фергюссон и его друзья достигли наконец южного берега озера Чад. Так вот где находилось это африканское Каспийское море, самое существование которого так долго считалось сказочным, до чьих берегов добрались только экспедиции Денгама и Барта!

Доктор попробовал набросать теперешние контуры озера, уж очень отличавшиеся от занесенных на карту в 1847 году. Объяснялось это тем, что берега озера покрыты почти непроходимыми

болотами, — в них едва не погиб Барт, — и болота эти, заросшие высочайшим тростником, время от времени заливаются водами озера. Даже местные города, расположенные на берегу, часто наполовину затопляются, и гиппопотамы и аллигаторы ныряют в тех самых местах, где недавно еще возвышались городские строения.

Ослепительные потоки солнца лились на неподвижные воды озера, сливавшиеся на севере с горизонтом.

Доктор пожелал попробовать воду — она долгое время считалась соленой. Снизиться над озером можно было безопасно, и «Виктория», как птица, пронеслась всего в- пяти футах от его поверхности. Джо на веревке спустил в воду бутылку и вытащил ее наполовину наполненной. Вода оказалась щелочной и поэтому мало пригодной для питья.

В то время как доктор заносил в записную книжку заметки о воде, рядом с ним раздался выстрел. Это Кеннеди, не удержавшись, выпалил в чудовищного гиппопотама, показавшегося из воды. Но, как видно, пуля не задела его, а лишь заставила убраться.

— Лучше было бы его загарпунить, — заметил Джо.

— Каким же образом?

— Да с помощью нашего якоря — это был бы подходящий крючок для такого чудовища.

— И правда, Джо пришла блестящая мысль… — начал Дик.

— Которую я вас очень прошу не приводить в исполнение, — перебил друга Фергюссон. — Это чудовище не замедлило бы утащить нас туда, где нам бы не поздоровилось.

— Да, это было бы мало приятно, особенно теперь, когда мы знаем, что собой представляют озера, — вставил Джо. — А кстати, мистер Фергюссон: что, это самое чудовище можно употреблять в пищу?

— Это, Джо, ведь млекопитающее из породы толстокожих. Говорят, его мясо превосходно и служит даже предметом оживленной торговли у прибрежных жителей, — ответил доктор.

— О, тогда я жалею, что выстрел мистера Дика не был удачнее! — воскликнул Джо.

— Дело в том, что пуля Дика вообще не была в состоянии его поразить — это животное можно ранить лишь в брюхо или между ребер. Вот если местность на севере озера мне покажется подходящей, мы сделаем там привал. Тогда Кеннеди очутится в настоящем зверинце и насладится

охотой во-всю.

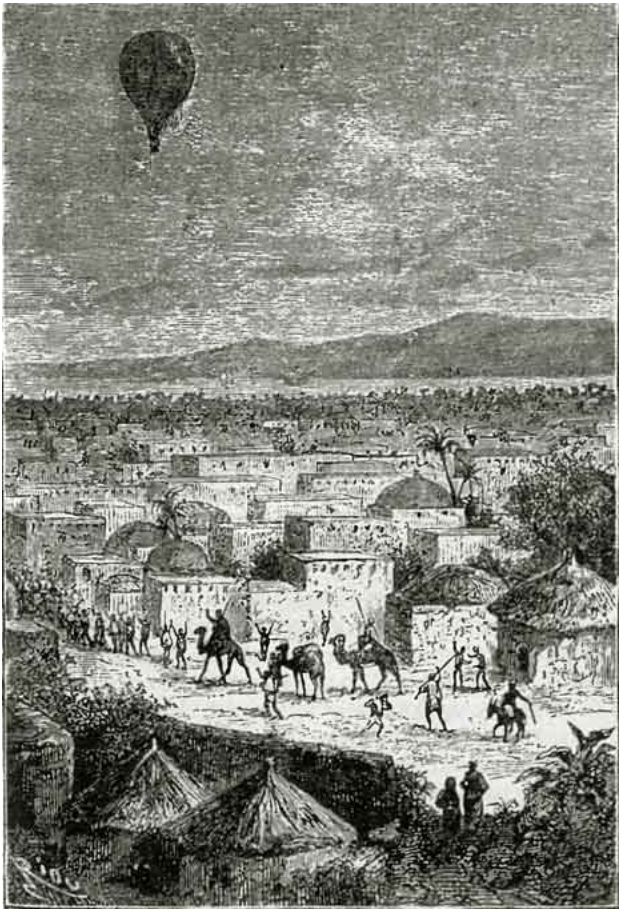
— Ну, и прекрасно! — воскликнул Джо. — Пусть мистер Дик непременно поохотится на гиппопотамов. Мне так хотелось бы попробовать мясо этого земноводного! А то как-то даже неестественно: забраться в самый центр Африки и вдруг питаться куропатками да вальдшнепами, точно мы в Англии.

ГЛАВА XXXII

Столица Борну. — Острова племени биддиома. — Кондоры. — Беспокойство доктора. — Принятые им предосторожности. — Нападение в воздухе. — Оболочка шара прорвана. — Падение. — Великая самоотверженность Джо. — Северный берег озера Чад.

Над озером Чад «Виктория» попала в воздушное течение, которое понесло ее к западу. Бродившие по небу облака умеряли зной, и от водной поверхности также веяло прохладой. Но около часа дня «Виктория», пролетев по диагонали через озеро, снова понеслась над сушей. Доктор был не особенно доволен этим, но когда через семь или восемь миль показалась знаменитая столица царства Борну — Кука, он перестал сожалеть о том, что ветер занес их сюда. В течение нескольких минут Фергюссон смог рассматривать этот город, опоясанный стенами из белой глины. Среди множества арабских домов-кубиков тяжело поднимались довольно топорные мечети. Во дворах домов и на площадях росли пальмы и каучуковые деревья, кроны которых представля-

ли собой как бы огромные зонтики, больше ста футов в диаметре.

Город Кука.

Столица состояла, в сущности, из двух отдельных городов, между которыми тянулся широчайший, саженей в триста, бульвар, в эту минуту запруженный пешеходами и всадниками. По одну сторону этого бульвара гордо высился со своими высокими светлыми домами город богачей, по другую — жались низенькие, с коническими крышами хижины, в которых влачили жалкое существование бедняки.

Но наши аэронавты едва успели рассмотреть город. Воздушные течения здесь отличаются большим непостоянством, и противный ветер вдруг подхватил «Викторию» и снова понес ее к озеру Чад.

Здесь перед глазами Фергюссона и его товарищей развернулась новая картина: эта часть озера была усеяна множеством островов, населенных людьми племени биддиома, — кровожадными и страшными пиратами, которых соседи боялись не менее, чем боятся в Сахаре туарегов.

Эти дикари только было приготовились бесстрашно встретить «Викторию» стрелами и камнями, как она уже пронеслась над ними, словно гигантский жук.

В это время Джо, пристально всматривавшийся в горизонт, сказал Кеннеди:

— Ей-ей, мистер Дик, вон там есть что-то, для вас интересное: ведь вы, кажется, никогда не перестаете мечтать об охоте?

— А что там такое?

— И, знаете, на этот раз доктор не будет против ваших выстрелов.

— В чем же дело, Джо?

— Вон видите там целую стаю большущих птиц? Они движутся к нам.

— Птицы? — вскрикнул Фергюссон, хватая подзорную трубу.

— Да, я их вижу, — отозвался Кеннеди, — их по крайней мере дюжина.

— Четырнадцать, если хотите знать, мистер Дик, — поправил Джо.

— Как бы я желал, чтобы птицы эти оказались настолько опасными, чтобы Самуэль не стал противиться моим выстрелам, — проговорил охотник.

— Одно лишь скажу, — заметил Фергюссон: — я очень бы хотел, чтобы эти самые птицы были как можно дальше от нас.

— Неужели вы боитесь этих пернатых, сэр? — с удивлением спросил Джо.

— Ведь это кондоры, да еще крупнейшие, и если только они вздумают напасть на нас…

— Ну, невелика беда, Самуэль, будем защищаться! — перебил его Дик. — У нас для этого имеется целый арсенал. Не думаю, чтобы эти птицы могли быть так опасны.

— Как знать! — отозвался доктор.

Через десять минут стая приблизилась на ружейный выстрел. Четырнадцать кондоров оглашали воздух хриплыми криками. Казалось, «Виктория» скорее приводила их в ярость, чем внушала страх.

— Что за крик! Что за шум! — проговорил Джо. — Должно быть, им не по вкусу, что мы забрались в их владения и смеем летать, как они.

— По правде сказать, вид их действительно грозен, и будь они вооружены карабинами вроде моего, я, пожалуй, счел бы их опасными врагами, — заявил Кеннеди.

— Увы! Они в них не нуждаются, — отозвался Фергюссон, становившийся все более озабоченным.

Между тем кондоры, описывая огромные, все суживавшиеся круги, носились со сказочной быстротой вокруг «Виктории». Порой они стремительно бросались вниз, словно пули, рассекая

воздух, и вдруг неожиданно и резко меняли направление полета.

Чтобы избегнуть этого опасного соседства, доктор решил подняться повыше. Он увеличил пламя горелки; газ начал расширяться, и «Виктория» пошла вверх. Но не тут-то было: видимо, кондоры были мало склонны выпустить свою добычу и стали подниматься вместе с шаром.

— Они что-то разъярены очень, — заметил охотник, заряжая свой карабин.

И в самом деле, хищники все приближались; некоторые были уж в каких-нибудь пятидесяти футах. Казалось, оружие Кеннеди совсем их не устрашало.

— Ужасно мне хочется выстрелить в них! — воскликнул охотник.

— Нет, Дик, нет, — остановил его Фергюссон, — совсем не нужно раздражать их без надобности. Это, пожалуй, могло бы побудить их напасть на нас.

— Но ведь я легко справлюсь с ними.

— Ошибаешься, Дик.

— Да у нас же, Самуэль, найдется пуля для каждого из них, — убеждал друга Кеннеди.

— А если они набросятся на верхнюю часть шара, как там ты их достанешь? — возразил док-

тор. — Представь себе, что мы среди стаи львов в пустыне или среди стада акул в открытом океане. Так вот, понимаешь, для аэронавтов данное положение не менее опасно.

— И ты говоришь это серьезно, Самуэль?

— Совершенно серьезно, Дик.

— Тогда обождем.

— Жди и будь готов на случай нападения, но, смотри, не стреляй без моего приказа!

Кондоры были уже совсем близко. Ясно виднелись их голые шеи, напряженные от крика, и яростно поднятые хрящеватые гребни с фиолетовыми отростками. Это были крупнейшие кондоры — больше трех футов длиной. Белые крылья их сверкали на солнце.

— Эти хищники гонятся за нами, — сказал Фергюссон, видя, как кондоры несутся вслед за «Викторией», — и сколько бы мы ни поднимались, они не отстанут от нас, а могут, пожалуй, и опередить.

— Что же нам делать? — спросил Кеннеди.

Доктор ничего не ответил.

— Послушай, Самуэль, — заговорил охотник, — этих птиц четырнадцать, а в нашем распоряжении, считая все оружие, семнадцать выстрелов. Да неужели нет возможности если не убить их

всех, то хотя бы разогнать? Уничтожить некоторое количество их я беру на себя.

— Конечно, Дик, я не сомневаюсь в твоем искусстве, — ответил доктор, — и заранее считаю убитыми тех, кто попадет под твои пули, но, повторяю, если эти хищники набросятся на верхнюю часть «Виктории», ты даже не сможешь увидеть их там. И вот тут-то они и прорвут оболочку нашего шара, а мы, не забывай, на высоте трех тысяч футов над землей.

В этот миг один из самых свирепых кондоров, раскрыв клюв и выпустив когти, бросился на «Викторию», готовый вцепиться в нее, готовый разорвать ее на клочки.

— Стреляй! Стреляй! — крикнул доктор.

Не успели прозвучать эти слова, как сраженный насмерть кондор, кружась, полетел вниз. Теперь Кеннеди схватил двустволку, Джо вскинул на плечо другую. Испуганные выстрелами кондоры разлетелись было, но почти сейчас же снова со страшным бешенством бросились в атаку. Тут Кеннеди первой же пулей почти оторвал голову ближайшей птице, а Джо раздробил крыло другой.

— Осталось всего одиннадцать! — прокричал Джо.

Но в этот миг кондоры изменили свою тактику и всей стаей поднялись над «Викторией». Кеннеди посмотрел на Фергюссона. Как ни был стоек и невозмутим доктор, все-таки он побледнел. Наступила жуткая тишина. Вдруг послышался треск рвущейся шелковой материи, и «Виктория», раскачиваясь, пошла вниз…

— Мы погибли! — крикнул Фергюссон, взглянув на страшно быстро поднимавшийся барометр. — Долой баласт! Долой!

В каких-нибудь несколько секунд весь кварц был выброшен за борт.

— Мы все падаем! — крикнул Фергюссон. — Выливайте воду из ящиков! Слышишь, Джо! Мы летим в озеро!

Вода моментально была вылита. Доктор наклонился над бортом корзины. Казалось, озеро неслось на них, как морской прилив. Предметы внизу росли страшно быстро. Корзина была меньше чем в двухстах футах от поверхности озера Чад…

— Долой провизию! Провизию долой! — крикнул снова доктор.

И ящик со съестными припасами полетел в озеро.

Падение несколько замедлилось, но шар все же

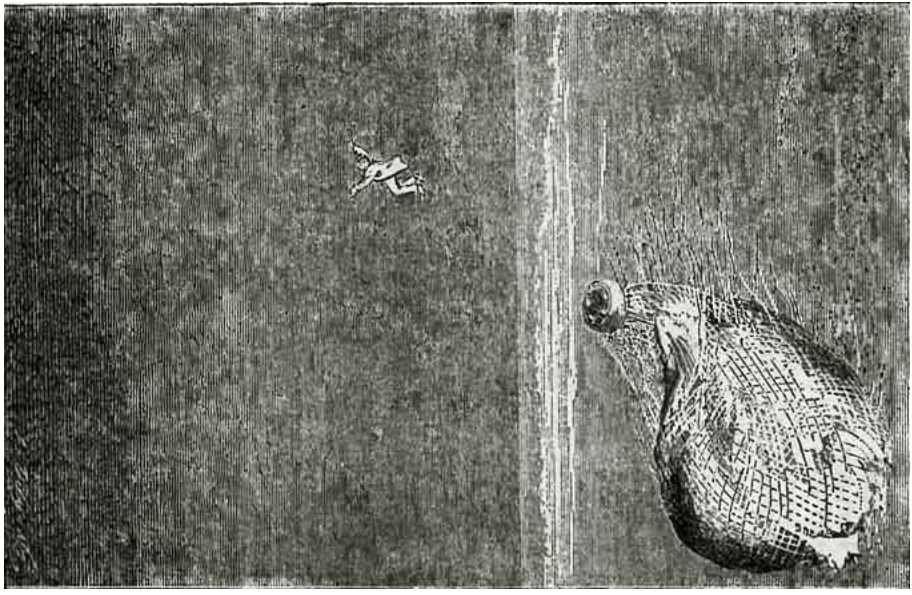
продолжал лететь вниз.

— Выбрасывайте! Выбрасывайте еще! — крикнул доктор.

— Бросать больше нечего, — отозвался Кеннеди.

— Нет, есть! — лаконически ответил Джо и исчез за бортом.

— Джо! Джо! — в ужасе закричал доктор.

Джо исчез за бортом.

Но Джо уже не мог его слышать…

Облегченная корзина стала подниматься и на высоте тысячи футов была подхвачена ветром, который, свистя в прорванной оболочке, понес ее к северным берегам озера.

— Погиб! — с жестом отчаяния сказал Кеннеди.

— Погиб, чтобы нас спасти! — докончил Фергюссон.

И по щекам этих двух отважных людей скатились тяжелые слезы.

Оба они перегнулись за борт, ища хоть следа несчастного Джо, но их уже отнесло далеко.

— Что же нам теперь предпринять? — спросил Кеннеди.

— Как только будет возможно, Дик, надо спуститься на землю, а затем ждать.

Пролетев шестьдесят миль, «Виктория» опустилась на пустынном берегу северной части озера. Якоря зацепились за дерево, и охотник прочно укрепил их.

Настала ночь, но ни Фергюссон, ни Кеннеди не смогли ни на минуту сомкнуть глаз.

Глава XXXIII

Догадки и предположения. — Восстановление равновесия «новой» «Виктории». — Вновь сделанные вычисления Фергюссона. — Охота Кеннеди. — Подробное исследование озера Чад. — Тангалия. — Возвращение. — Лари.

На следующий день, 13 мая, наши аэронавты первым делом начали обследовать берег, где они находились, и выяснили, что в данном месте берег этот является как бы островом среди огромных болот. Кругом, насколько мог охватить глаз, простирались тростники, не уступавшие по вышине европейским лесам.

Непроходимые топи создавали для «Виктории» на острове безопасное положение. Надо было лишь не спускать глаз с озера. А оно тянулось на восток необозримым водным пространством, на котором не виднелось даже островов.

Оба друга до сих пор все еще не решались заговорить о своем злосчастном товарище. Кеннеди первый высказал свои предположения.

— Быть может, Джо и не погиб, — начал он, — малый он ловкий и пловец такой, каких мало.

Мы, конечно, встретимся с ним, только где и когда? Но мы с тобой ни перед чем не должны останавливаться, чтобы облегчить ему возвращение.

— Ну, конечно, дорогой Дик, мы сделаем все, чтобы найти нашего друга, — горячо ответил доктор. — Но прежде всего давай займемся тем, чтобы освободить нашу «Викторию» от совершенно теперь бесполезной для нее внешней оболочки: мы избавимся этим от тяжести в шестьсот пятьдесят фунтов. Из-за этого стоит потрудиться.

Доктор и Кеннеди сейчас же принялись за работу, связанную с большими трудностями. Пришлось кусок за куском отдирать чрезвычайно прочную шелковую ткань оболочки и, разрезая ее на узкие полосы, вытаскивать сквозь сетку. Выяснилось, что оболочка была разорвана кондорами на протяжении нескольких футов.

Работа заняла по крайней мере часа четыре. Наконец удалось совершенно освободить внутреннюю оболочку, и она, к счастью, оказалась в полной исправности. «Виктория» уменьшилась на одну пятую своего объема.

Разница в объеме показалась Кеннеди настолько значительной, что встревожила его.

— А достаточно ли будет этого для полета? — спросил он своего друга.

— На этот счет не беспокойся, Дик. Я восстановлю равновесие, и даже вернись наш бедняга Джо — и с ним мы будем в состоянии продолжать наш полет.

— Знаешь, Самуэль, если память не изменяет мне, то во время падения мы были недалеко от какого-то острова.

— Действительно, и я припоминаю это, но тот остров, как и все здешние острова, конечно, населен дикарями. Наверно, туземцы были свидетелями нашей катастрофы, и если Джо попал им в руки, уо одно суеверие дикарей сможет спасти его.

— Повторяю, Самуэль: наш Джо выпутается из любых затруднений. Я глубоко верю в его ловкость и смышленость.

— И я хочу надеяться на это. А теперь, Дик, отправляйся-ка на охоту, только, смотри, не увлекайся и не заходи слишком далеко. Нам необходимо возобновить запасы съестного, ведь большей частью их пришлось пожертвовать.

— Ладно, Самуэль. Я скоро вернусь.

Кеннеди взял двустволку и по высокой траве направился в ближайший лесок. Вскоре частые

выстрелы дали знать Фергюссону, что охота обещает быть удачной.

Удачная охота Кеннеди.

Между тем доктор занялся осмотром уцелевшего багажа и уравновешиванием «Виктории» с ее новой оболочкой. Он выяснил, что еще имелось фунтов тридцать пеммикана, небольшое количество чаю и кофе, около полутора галлонов водки и совершенно пустой ящик для воды. Но сушеного мяса совсем не осталось.

Доктор знал, что подъемная сила «Виктории», благодаря утечке водорода из внешней оболочки, уменьшилась приблизительно фунтов на девятьсот. Теперь для установления равновесия шара ему это, конечно, нужно было учесть. Наибольший объем оболочки «новой» «Виктории» равнялся шестидесяти семи тысячам кубических футов, а заключала она в себе газа тридцать три тысячи четыреста восемьдесят кубических футов. Аппарат для расширения газа, видимо, был в полной исправности; также не пострадали ни электрическая батарея, ни змеевик.

Подъемная сила «новой» «Виктории» равнялась приблизительно трем тысячам фунтов. Подсчитав общий вес аппарата, людей, корзины с ее принадлежностями, пятидесяти галлонов воды и ста фунтов свежего мяса, доктор получил в

общей сложности две тысячи восемьсот тридцать фунтов. Следовательно, для полного равновесия шара он мог захватить с собой на какой-нибудь непредвиденный случай еще сто семьдесят фунтов баласта. Снаряжая «Викторию» сообразно с этими вычислениями, доктор пока заполнил вес Джо лишним балластом.

Целый день ушел на все эти приготовления, закончившиеся только по возвращении Кеннеди. Охота была очень удачна: Дик притащил целую груду диких гусей, уток, вальдшнепов, чирков и ржанок. Не теряя времени, охотник принялся за работу; очистив дичь, он занялся ее копчением. Каждую птицу он надевал на палочку и вешал в дыму над костром из зеленых веток. Когда, по мнению опытного в этом деле Кеннеди, дичь была достаточно прокопчена, вся она была уложена в корзину.

Этот запас дичи охотнику надо было на следующий день еще пополнить.

Вечер застал наших аэронавтов за работой. Ужин их состоял из пеммикана, сухарей и чая. Усиленная работа дала им и аппетит и сон. Фергюссону и Кеннеди, когда они поочередно несли вахту, порой чудилось, что откуда-то доносится голос Джо, но, увы, этот голос, который они так

жаждали услышать, был далеко.

На заре доктор разбудил Кеннеди.

— Я долго думал над тем, что нам предпринять для разыскания нашего друга, — начал Ферг-юссон.

— Что бы ты ни придумал, Самуэль, я заранее согласен с твоим планом.

— Прежде всего очень важно дать знать о нас Джо.

— Конечно! А то вдруг славный малый вообразит, что мы бросили его.

— Он-то? Нет! Слишком хорошо он нас знает, и никогда это не сможет притти ему в голову. Но необходимо уведомить его о том, где именно мы находимся.

— А как это сделать?

— Сесть в корзину и снова подняться в воздух.

— Ну, а если ветер унесет нас в сторону?

— К счастью, этого не случится. Ты увидишь, Дик, ветер понесет нас над озером: вчера он был для нас противным, а нынче будет благоприятен. Все наши усилия в течение дня будут направлены к тому, чтобы держаться над озером, и Джо, который, конечно, все время будет искать нас глазами, не сможет не увидеть нашей «Виктории». Быть может, он даже умудрится дать нам

знать о том, где он находится.

— Если только он один и. свободен, то, несомненно, это сделает.

— Даже в том случае, если он в плену, то и тогда он увидит нас, — настаивал доктор, — ибо не в обычае дикарей запирать своих пленников.

— Ну, а если мы не получим никаких указаний на то, где Джо, и не наткнемся на его след, — ведь все надо предвидеть, — что в таком случае делать?

— Тогда мы попытаемся возвратиться к северной части озера, стараясь по возможности быть на виду, затем остановимся, исследуем берега, куда рано или поздно Джо должен добраться, и, уж конечно, мы не покинем этих мест, не сделав всего, чтобы разыскать нашего друга.

— Ну, стало быть, надо отправляться, — согласился охотник.

Доктор снял точный план того участка твердой земли, который они собирались покинуть, и, справившись по карте, решил, что они находятся на северном берегу озера Чад, между городом Лари и селением Ингемини. Тут он вспомнил, что в этих местах побывал исследователь майор Денгам.

Пока Фергюссон был занят своей работой, Кен-

неди успел еще поохотиться и пополнить запас свежего мяса. Несмотря на то, что в соседних болотах видны были следы носорогов, ламантинов и гиппопотамов, нашему охотнику не пришлось встретить ни одного из этих огромных животных.

В семь часов утра, после неимоверных усилий, — а ведь бедняга Джо делал это с такой легкостью! — якорь был отцеплен от дерева. Газ расширился, и «новая» «Виктория» поднялась на двести футов в воздух. Сначала она закружилась на месте, но вскоре, захваченная довольно сильным ветром, понеслась со скоростью двадцати миль в час. Доктор все время старался держаться не ниже двухсот футов и не выше пятисот. Кеннеди то и дело палил из своего карабина. Проносясь над островами, аэронавты, даже с некоторым риском, снижались, чтобы хорошенько рассмотреть перелески, деревья, кусты, — словом, все места, где тень или скала могли дать приют их товарищу. Порой они низко спускались к длинным пирогам, бороздившим воды озера. Рыбаки с нескрываемым ужасом кидались в воду и с лихорадочной поспешностью плыли к своему острову.

— Нет, нигде не видно его, — проговорил с гру-

стью Кеннеди после двух часов поисков.

— Подождем, Дик, и не будем падать духом. Мы, по-моему, теперь должны быть недалеко от места катастрофы.

К одиннадцати часам «Виктория» пролетела девяносто миль. Здесь она встретила новое воздушное течение, и оно почти под прямым углом отнесло ее миль на шестьдесят к востоку. Они парили над очень большим и густо населенным островом, в котором доктор признал остров Феррам, где находится столица биддиомов. Фергюссону казалось, что здесь из-за каждого куста должен выскочить и позвать их Джо. Будь он на свободе, ничего не было бы легче, как подобрать его, но даже и из плена его можно было бы освободить, повторив маневр с миссионером. И славный малый снова был бы среди своих друзей! Но, увы, нигде никаких признаков бедняги... Действительно, было от чего притти в отчаяние! В половине третьего дня показалась Тангалия — селение, расположенное на восточном берегу озера Чад. Это, как пояснил Фергюссон своему другу, и был тот крайний пункт, которого достиг в своих исследованиях Денгам.

Доктора начинало беспокоить постоянство ветра. Для него было ясно, что их относит к востоку,

к центру Африки, к необозримым пустыням.

— Нам непременно надо остановиться, — сказал он, — и даже спуститься на землю. Мы должны, и главным образом в интересах Джо, вернуться к озеру. Но раньше, чем снизиться, попробуем найти обратное воздушное течение.

В продолжение часа с лишком Фергюссон искал это течение на различных высотах. «Викторию» все продолжало относить на восток, но наконец, к счастью, на высоте тысячи футов ее подхватил очень сильный ветер и понес к северо-западу.

«Не может быть, чтобы Джо был на одном из островов, — пронеслось в голове доктора, когда он снова увидел северный берег озера Чад. — Бедняга уж наверное нашел бы способ как-нибудь дать о себе знать».

Нельзя было также допустить, чтобы такой замечательный пловец мог утонуть. Вдруг ужасная мысль одновременно поразила обоих друзей: мысль о крокодилах, во множестве водящихся в этих краях. Сначала ни один из них не был в силах вслух высказать свое опасение. Наконец доктор без всяких предисловий сказал:

— Крокодилы ведь встречаются только по берегам островов или озер, и у Джо, наверно, хватило бы ловкости ускользнуть от них. Да вообще

здешние крокодилы не особенно опасны. Африканцы ведь безнаказанно купаются, не боясь их нападений.

Кеннеди ничего не ответил. Он предпочитал молчать, чем обсуждать эту ужасную возможность. Около пяти часов дня доктор объявил, что они проносятся над городом Лари. Жители у своих хижин из плетеного тростника в это время были заняты уборкой хлопка на огороженных, тщательно обработанных участках земли. С полсотни тростниковых хижин ютилось в долине между невысокими горами. Доктору не очень-то нравилось, что ветер все усиливается, но, к счастью, он вдруг изменил направление и принес «Викторию» к тому самому месту, где аэронавты провели предшествующую ночь. Якорь на этот раз зацепился не за дерево, а за довольно плотную массу, образовавшуюся из тростника и густого болотного ила. Сначала было трудно удерживать на якоре шар, но с наступлением темноты ветер спал. Несмотря на это, друзья почти в отчаянии провели вместе бессонную ночь.

ГЛАВА XXXIV

Ураган. — Вынужденный полет. — Потеря одного якоря. — Печальные размышления. — Решение. — Смерч. — Занесенный песком караван. — Противный и попутный ветры. — Возвращение на юг. — Кеннеди на посту.

Около трех часов утра поднялся такой сильный ветер, что для «Виктории» стало небезопасно оставаться так близко от земли. Высокие тростники, раскачиваясь, хлестали по оболочке шара и могли разорвать ее.

— Надо пускаться в путь, Дик, — сказал доктор, — нам никак нельзя оставаться здесь в таком положении.

— Как же с Джо, Самуэль?

— Уж конечно, я его не брошу, — ответил доктор, — и пусть ураган занесет нас хотя бы за сто миль на север, я все-таки вернусь. Оставаться же в данное время здесь, повторяю, очень опасно, и это может повредить и его интересам.

— Значит, вот так, без него, и лететь? — воскликнул глубоко огорченный шотландец.

— Да неужели ты думаешь, Дик, что и мое серд-

це не обливается кровью? Разве я не подчиняюсь самой крайней необходимости?

— Я в твоем распоряжении, — проговорил охотник. — Отправляемся же!

Но пуститься в путь было не так-то легко. Крепко засевший якорь не поддавался усилиям, а «Викторию» так сильно рвало вверх, что это создавало еще большие трудности. Кеннеди никак не удавалось освободить якорь. Ко всему этому «Виктория», вдруг вырвавшись, могла улететь прежде, чем Дик успеет взобраться в нее. Не желая подвергаться такому риску, Фергюссон заставил шотландца поскорее влезть в корзину, а затем перерубил якорный канат. «Виктория» подпрыгнула в воздух на триста футов и понеслась прямо на север. Фергюссону ничего не оставалось, как отдать шар во власть бури. Он скрестил на груди руки и погрузился в печальные размышления. Помолчав несколько минут, доктор повернулся к своему столь же безмолвному другу.

— Быть может, Дик, и вправду нам не следовало предпринимать подобное путешествие Как видно, оно выше сил человеческих, — проговорил он с тяжелым вздохом.

— А помнишь, Самуэль, всего каких-нибудь несколько дней назад мы радовались, что избе-

жали стольких опасностей, и жали друг другу руки?

— Бедный наш Джо! — вырвалось у Фергюс-сона. — Какой он чудесный малый! Честнейший, искренний! Ослепленный в первую минуту своим богатством, как охотно он пожертвовал им! А вот теперь бедняга так далеко, и ветер с невероятной быстротой все уносит нас от него.

— Но послушай, Самуэль! Если даже допустить, что он попал к какому-нибудь племени, живущему у озера, то почему надо думать, что судьба его будет иная, чем у бывших в этих же местах до нас Денгама и Барта? Оба они ведь вернулись на родину?

— Эх, мой бедный Дик! Да ведь наш Джо не знает ни единого слова местных наречий. К тому же он один-одинешенек и без гроша. Исследователи же, о которых ты упоминаешь, приближаясь к какому-нибудь населенному месту, обыкновенно посылали заранее подарки вождям, а затем появлялись перед ними и сами, вооруженные и окруженные сильным конвоем. И при всем этом, заметь, они не могли избежать массы самых ужасных напастей. Что же после этого может ждать нашего несчастного товарища? Ужасно даже думать об этом! Мне кажется, что никогда в

жизни не переживал я большего горя.

— Но, Самуэль, ведь мы вернемся же, — старался утешить доктора его друг.

— Конечно, вернемся, даже в том случае, если бы пришлось для этого бросить «Викторию». Тогда мы пешком пошли бы к озеру Чад и вступили в сношения с борнуским султаном. Я уверен, что у арабов не может быть плохих воспоминаний о побывавших у них первых европейцах.

— Самуэль, я всюду готов итти за тобой! — с жаром воскликнул охотник. — Знай, ты можешь вполне рассчитывать на меня. Лучше не вернуться домой, чем бросить Джо. Он пожертвовал собой для нас, а мы за него отдадим свою жизнь.

Такое решение несколько подбодрило их. Эта идея как бы влила в них новые силы. Тут Фергюссон предпринял все возможное, чтобы попасть в воздушное течение, которое понесло бы их обратно к озеру Чад. Но, увы, это было совершенно невыполнимо, и даже стать на якорь при таком урагане на голом месте тоже было немыслимо.

«Виктория» пронеслась над землями, населенными племенем тиббу, поднялась над горой Белад, промчалась над Джерид — дикой страной, заросшей колючим кустарником, служившей как бы преддверием Судана, — и наконец очутилась

над пустыней с ее песками, изборожденными следами проходящих здесь караванов. Последние признаки растительности слились на юге с горизонтом, а вскоре промелькнул внизу и главный оазис этой части Африки, где пятьдесят колодцев осенены великолепными деревьями. Но снизиться не удалось и здесь. Дальше показалась, внеся оживление в эту пустыню, стоянка арабов, с ее пестрыми шатрами и верблюдами, вытянувшими на песке свои змеиноподобные головы. Над всем этим «Виктория» промелькнула, как падающая звезда. В течение трех часов ее умчало на целых шестьдесят миль. И Фергюссон был совершенно бессилен замедлить этот стремительный полет.

— Мы никак не можем остановиться, — проговорил доктор. — А спуститься немыслимо. Кругом не видно ни единого деревца, ни единого холмика. Неужели нам снова придется пронестись над Сахарой? Да, признаться, нам не везет!

В тот момент, когда доктор говорил это с отчаянием и даже яростью, он вдруг увидел на севере, как среди облаков пыли вздымаются пески пустыни. Очевидно, там свирепствовал смерч. И в нем, разбросанный, опрокинутый, заносимый песками, погибал караван. Глухо и ужасно сто-

нали валявшиеся в беспорядке верблюды. Из удушливого тумана неслись крики и вопли людей. Там и сям среди хаоса пестрела яркая одежда. И над всей этой картиной разрушения ревел и завывал чудовищный вихрь…

Вскоре на глазах наших аэронавтов на совершенно гладкой до этого песчаной равнине вырос колеблющийся холм — огромная могила погибшего каравана.

Доктор и Кеннеди, бледные, смотрели на страшное зрелище. Они ничего не могли поделать со своим шаром. Под влиянием смерча «Виктория» закружилась со страшной быстротой, и расширение газа не оказывало на нее ни малейшего влияния. Корзину бросало во все стороны. Инструменты, висевшие под тентом, с силой ударялись друг о друга, трубки змеевика сгибались, готовые каждую секунду лопнуть, а ящики от воды с грохотом перекатывались с места на место. Фергюссон и Кеннеди на расстоянии двух футов не слышали друг друга. Судорожно вцепившись в веревки снастей, они старались противостоять бешенству урагана.

Кеннеди, с растрепанными волосами, молча смотрел в одну точку. К доктору среди опасностей вернулось обычное его мужество, и на его лице

нельзя было прочесть никаких переживаний даже тогда, когда «Виктория» вдруг замерла на месте. Северный ветер взял верх и с не меньшей быстротой помчал «Викторию» обратно по ее утреннему пути.

Пустыня, плоская и ровная несколько часов назад, теперь походила на взволнованное после бури море. Здесь и там возвышались холмы песка. Ветер не ослабевал, и «Виктория» все мчалась в воздушном пространстве. Но мчалась она в несколько другом направлении, чем то, по которому наши аэронавты неслись утром, и поэтому в девять часов вечера вместо берегов озера Чад перед их глазами была все еще пустыня.

Кеннеди обратил на это внимание своего друга.

— Это не так важно, — ответил тот, — лишь бы нам вернуться на юг. Если на пути попадутся города Вуди или Кука, я без колебания остановлюсь в них.

— Ну, раз ты доволен направлением ветра, то и я ничего не имею против. Только одного я жажду: чтобы нам не пришлось переправляться через пустыню, подобно тем несчастным арабам. То, что мы видели с тобой, Самуэль, просто ужасно.

— И представь себе, Дик, это случается далеко

не редко. Переходы через пустыню вообще гораздо опаснее, чем через океан. Пустыня заключает в себе все опасности моря, вплоть до возможности в ней утонуть, прибавляя к этому еще невыносимую усталость и всяческие лишения.

— Мне кажется, что ветер стихает, — заметил Кеннеди, — песчаная пыль не так уж густа, волны песка становятся меньше, горизонт светлеет.

— Тем лучше! А теперь надо вооружиться подзорной трубой и внимательно следить за тем, что может показаться на горизонте.

— Это уж я беру на себя, Самуэль, и, поверь, не премину тотчас же сообщить тебе о первом показавшемся дереве.

И Кеннеди, с подзорной трубой в руках, занял наблюдательный пост в передней части корзины.

ГЛАВА XXXV

История Джо. — Острова биддиомов. — Поклонение. — Затонувший остров. — Берега озера. — «Дерево змей». — Путешествие пешком. — Москиты и муравьи. — Голод. — Появление «Виктории». — Ее исчезновение. — Отчаяние. — Болото. — Последний крик.

Но что же во время тщетных поисков доктора и Кеннеди происходило с самим Джо?

Бросившись в озеро и вынырнув на поверхность, он первым делом поднял глаза вверх. «Виктория» уже была высоко в воздухе; она продолжала подниматься, все уменьшаясь, и вскоре, видимо попав в сильное воздушное течение, понеслась к северу. Друзья его были спасены.

«А какое счастье, что мне пришла в голову мысль броситься в озеро, — подумал славный малый. — Конечно, то же самое, не колеблясь, сделал бы и мистер Кеннеди: ведь так естественно, чтобы один человек пожертвовал собой для двух других».

Успокоившись относительно своих друзей, Джо стал думать о собственном положении. Он на-

ходился посреди огромного озера, а кругом него были неизвестные дикие и, быть может, свирепые племена. Приходилось выпутываться из всей этой истории, рассчитывая только на себя самого. И все-таки он не очень-то был перепуган. Еще до нападения кондоров Джо заметил на горизонте остров, и вот теперь, избавившись от наиболее стеснявшей его одежды, он решил, пользуясь своим искусством в плавании, добраться до него. Расстояние в пять-шесть миль его нисколько не смущало.

Джо в озере Чад.

Проплыв часа полтора, Джо значительно приблизился к острову, но тут его стала тревожить мысль об аллигаторах. Ведь он знал, что они водятся по берегам этого озера, и ему была хорошо известна прожорливость этих огромных животных. Как ни склонен был наш славный малый все на свете находить естественным, но тут все же он не мог не почувствовать непреодолимого волнения. Он не на шутку боялся, что мясо белого человека, чего доброго, особенно придется по вкусу крокодилам, и поэтому приближался к берегу с чрезвычайной осторожностью. Саженях в ста от берега, на котором росли тенистые зеленые деревья, на него повеяло резким запахом мускуса.

«Ну, вот! Чего боялся, на то и наткнулся: крокодил, значит, здесь поблизости», пронеслось в голове Джо.

Поспешно нырнув, он все же задел за какое-то огромное тело, царапнувшее его своей чешуйчатой кожей. Бедняга, считая себя безнадежно погибшим, стремительно рванулся вперед и поплыл изо всех сил. Он вынырнул, передохнул и снова исчез под водой. Так провел он ужаснейшие четверть часа, в которые даже его оптимизм

не мог притти ему на помощь. Ему все казалось, что он слышит за собой щелкание огромных челюстей, готовых вот-вот схватить его. Как можно тише поплыл он под водой — и вдруг почувствовал, что кто-то схватил его за руку, а затем поперек тела. Бедный Джо! Последнее, что промелькнуло у него в голове, была мысль о докторе. Он стал отчаянно бороться, к удивлению замечая, что его тащат не на дно, как обычно поступают со своей добычей крокодилы, а, наоборот, на поверхность воды.

Передохнув и открыв глаза, он увидел подле себя двух негров, черных, как смола. Эти африканцы, странно крича, крепко держали его.

«Вот оно что! — не мог удержаться, чтобы не воскликнуть, Джо. — Вместо крокодилов негры! Ей-ей, я все-таки предпочитаю это! Но удивительно, как в подобных краях эти смельчаки не боятся купаться!»

Джо не знал, что чернокожие обитатели берегов и островов озера Чад преспокойно купаются в водах, кишащих аллигаторами, совершенно не обращая на них внимания, ибо местные земноводные имеют заслуженную репутацию довольно безобидных животных. Но если Джо избежал одной опасности, то не грозила ли ему

другая? Он решил, что это покажет будущее, и раз ему не оставалось ничего другого, предоставил тащить себя на берег, не проявляя при этом никакого страха.

«Несомненно, — говорил он себе, — они видели, как наша «Виктория», словно какое-то воздушное чудовище, пронеслась над водами озера. На их глазах я упал с этого самого чудовища, и они не могут не чувствовать уважения к человеку, свалившемуся с небес. Посмотрим, что они станут делать дальше».

Пока все эти мысли бродили в голове Джо, он со своими неграми достиг берега. Здесь он очутился среди завывавшей толпы обоего пола, разных возрастов, но одинакового цвета. Джо попал к племени биддиома, отличающемуся великолепной черной кожей. Нашему славному малому не приходилось даже краснеть за легкость своего костюма, ибо он был «раздет» по последней местной моде. Раньше чем он успел отдать себе отчет в том, куда он попал, ему стало ясно, что он служит предметом поклонения.

«Предчувствую, что снова сделаюсь богом, каким-нибудь сыном луны, — думал Джо. — Ну, что же! Это ремесло не хуже всякого другого, особенно, когда нет выбора. Главное — выиграть

время. Если «Виктория» снова появится, то я, пользуясь своим новым положением, разыграю перед своими поклонниками сцену чудесного вознесения на небо».

Между тем толпа все более и более надвигалась на него, окружая тесным кольцом. Чернокожие падали перед ним ниц, вопили, дотрагивались до него руками. Хорошо еще, что кому-то из толпы пришло в голову попотчевать божество на славу, поставив перед ним кислое молоко, толченый рис и мед. Наш добрый малый имел обыкновение примиряться со всем и потому с величайшим аппетитом уничтожил предложенное ему угощение, дав при этом своим поклонникам образец того, как едят в торжественных случаях боги.

Когда наступил вечер, жрецы взяли его почтительно под руки и отвели в хижину, обвешанную кругом талисманами. Входя туда, Джо не без тревоги бросил взгляд на кучу костей, наваленных вокруг этого святилища. Потом, будучи заперт в священной хижине, он мог на свободе обдумывать свое положение. Весь вечер и часть ночи до него доносились, наверно очень приятные для ушей африканцев, праздничные песни, бой барабанов, лязг железа. Под аккомпанемент этой музыки вокруг священной хижины велись

бесконечные танцы. Быть может, при других обстоятельствах подобные, устроенные в честь его празднества и понравились бы Джо, но тут его вскоре стала мучить довольно неприятная мысль. Он задавал себе вопрос, не дойдет ли в конце концов обожание до того, что его просто захотят съесть. Несмотря на эту мало приятную перспективу, после нескольких часов грустных размышлений усталость все-таки взяла свое, и Джо довольно крепко заснул. Наверно, он проспал бы до утра, если бы вдруг его не разбудило ощущение откуда-то появившейся сырости. Вскоре вслед за этим показалась вода, быстро поднявшаяся ему до пояса.

— Что такое? — громко проговорил он. — Наводнение, смерть или пытка? Ну, уж во всяком случае я не стану ждать, пока вода поднимется мне до горла.

И, плечом вышибив стену, Джо очутился… Да где же? — В самом озере! Острова как не бывало. За ночь он погрузился в воду, и на его месте было необъятное озеро.

«Плохой край для землевладельцев», подумал про себя Джо и, взмахнув руками, снова пустил в ход свое искусство пловца.

Нашего друга освободило одно из частых явле-

ний на озере Чад. Не один из его островов исчез таким образом, и прибрежным племенам нередко приходится давать приют тем несчастным жителям исчезнувшего острова, которым удается спастись. Джо не знал этой местной особенности, но не преминул воспользоваться ею. Заметив какую-то носящуюся по воде лодку, он сейчас же взобрался в нее. Лодка эта, как оказалось, была грубо выдолблена из древесного ствола. К счастью, в ней нашлось два первобытных весла, и наш Джо поплыл, пользуясь довольно быстрым течением.

— Ну, теперь следует ориентироваться, — проговорил он. — Наверно, Полярная звезда, добросовестно указывающая всем путь на север, не откажется помочь и мне.

К великому своему удовольствию, он убедился, что течение как раз и несет его к северному берегу озера. Около двух часов ночи он пристал к мыску, поросшему таким колючим тростником, что он не мог прийтись по вкусу даже нашему прирожденному философу. Но на берегу, как будто нарочно для того, чтобы дать ему приют, росло одинокое дерево. Джо для большей безопасности взобрался на него и не то чтобы заснул, а скорее продремал там до рассвета.

Дерево змей.

Как всегда в экваториальных странах, день наступил сразу, и Джо неожиданно увидел нечто его ужаснувшее. Ветви дерева, где он провел ночь, были буквально унизаны змеями и хамелеонами. Из-за них почти не видно было листьев. Можно было подумать, что это дерево новой породы, на котором произрастают пресмыкающиеся. Под первыми лучами солнца все это принялось ползать и извиваться. Ужас, смешанный с отвращением, охватил Джо, и он мигом спрыгнул на землю.

— Вот уж чему никто не захочет поверить! — пробормотал он.

После этого происшествия Джо решил впредь быть осторожнее, а затем, ориентируясь по солнцу, зашагал на северо-восток. Дорогой он самым старательным образом избегал хижин, лачуг, шалашей, — словом, всех мест, где могли быть представители человеческой породы.

Часто смотрел он вверх, все надеясь увидеть «Викторию». Хотя его поиски в течение целого дня и оказались тщетными, тем не менее уверенность, что доктор не может его покинуть, ничуть не поколебалась в нем. Действительно, надо было

иметь сильный характер, чтобы так философски относиться к своему положению. К усталости присоединился и голод, ибо, конечно, кореньями и сердцевиной растений сыт не будешь. По приблизительному подсчету Джо, он прошел за этот день к западу миль тридцать. Все его тело было исцарапано колючим тростником, мимозами и акациями, а окровавленные ноги очень давали о себе знать. Наконец, с наступлением вечера, Джо решил сделать привал на самом берегу озера. Здесь ему пришлось испытать страшные муки от укусов мириад насекомых. Мухи, москиты, муравьи в полдюйма длиной буквально покрывают в этих местах всю землю. То была ужасная ночь: несмотря на усталость, несчастный наш путник ни на минуту не смог сомкнуть глаз. Кругом, среди ночного мрака, в кустах и водах озера раздавался концерт хищных зверей. Джо не смел пошевельнуться. Как ни был бедняга терпелив и стоек, но он с трудом выносил свое положение.

Наконец настал день. Джо проворно вскочил. Можно представить себе его отвращение, когда он увидел, что за поганая тварь провела подле него всю ночь. Это была жаба, да еще какая жаба! Величиной дюймов в пять, безобразная, отталкивающая, уставившая на него большие

круглые глазищи. Джо с омерзением отвернулся от нее и с новым приливом сил помчался к озеру освежиться. Купанье несколько успокоило зуд, и он, пожевав немного листьев, хорошенько даже не понимая, что делает, снова упрямо пустился в путь. Между тем бедного малого начинал терзать страшнейший голод. Желудок не так безропотно, как его хозяин, покорялся своей участи, и Джо, сорвав стебель лианы, подтянул себе потуже живот. Хорошо еще, что жажду он мог утолять на каждом шагу, и, вспоминая муки, перенесенные в пустыне, он находил уже счастьем то, что не страдает от недостатка воды.

«Где же может быть «Виктория»? — все спрашивал он себя. — Ветер дул с севера, и она должна была возвратиться к озеру. Конечно, мистеру Самуэлю необходимо было заняться восстановлением ее равновесия, но для этого довольно было и вчерашнего дня. Значит, нет ничего невозможного, если сегодня… Но все-таки будем действовать так, как будто совсем нет надежды ее увидеть. В сущности, если я доберусь до какого-нибудь большого города на берегу озера, я попаду в такое же положение, в каком бывали те путешественники, о которых нам не раз рассказывал доктор. А спрашивается: почему же мне не вывернуться

из беды, как делали те? Чорт возьми! Ну, смелей вперед!»

Разговаривая так с самим собой, отважный Джо все шагал да шагал и неожиданно посреди леса наткнулся на толпу дикарей. К счастью, он успел во-время остановиться, и его не заметили. Негры были заняты смазыванием своих стрел ядовитым соком молочая. У местных племен это считается очень важным делом и даже торжественно обставляется.

Джо, затаив дыхание, забился в чащу, но вдруг, подняв глаза, он в просвете листвы увидел «Викторию». Подумать только: «Викторию»! Она неслась к озеру всего в каких-нибудь ста футах над ним. А бедняга не мог ни крикнуть, ни показаться!

Глаза его стали влажными, но это были не слезы отчаяния, а слезы благодарности: значит, доктор не покинул его. Ему пришлось повременить, пока убрались чернокожие. Дождавшись этого, он помчался к берегу озера.

Но, увы, «Виктория» уже исчезала вдали. Джо решил, что она непременно вернется, и стал ждать. Действительно, она снова появилась, но взяв на этот раз курс к востоку. Джо бросился бежать, кричал изо всех сил, размахивал руками…

Все было напрасно. Сильнейший ветер уносил «Викторию» с непреодолимой быстротой.

Впервые несчастный Джо пал духом. Ему казалось, что он погиб. Решив, что доктор улетел окончательно, бедняга уже не был в силах ни надеяться на что-либо, ни строить какие-либо планы. В каком-то безумном состоянии, с окровавленными ногами, с ноющим от боли телом, шел он целый день и часть ночи. Порой ему приходилось даже тащиться ползком. Он чувствовал, что силы вот-вот покинут его.

Бредя таким образом, он попал в болото, но не сразу это заметил, так как дело было ночью. Вдруг он свалился в вязкую грязь и, несмотря на все свои отчаянные усилия, почувствовал, что мало-помалу трясина засасывает его. Еще несколько минут — и он увяз по пояс.

«Вот она, смерть! И какая ужасная смерть!» пронеслось в его мозгу. И он стал еще яростнее бороться, пытаясь высвободиться из засасывающей его трясины, но он лишь все глубже и глубже уходил в нее. А кругом — ни единого деревца, ни даже тростника, за который можно было бы ухватиться. Тут он понял, что все кончено, и закрыл глаза.

— Доктор, доктор! Ко мне! На помощь! — нашел

он еще в себе силы крикнуть. Но его отчаянный, одинокий крик затерялся среди ночного мрака.

ГЛАВА XXXVI

На горизонте виднеется что-то. — Толпа арабов. — Погоня. — «Это он!» — Падение с лошади. — Задушенный араб. — Выстрел Кеннеди. — Маневр. — Похищение на лету. — Джо спасен!

С момента, когда Кеннеди снова занял свой наблюдательный пост в корзине «Виктории», он не переставал самым внимательным образом следить за горизонтом. Через некоторое время, повернувшись к доктору, он сказал:

— Если не ошибаюсь, вон там что-то движется, но пока невозможно определить, что именно, — люди или животные. Во всяком случае, они здорово мечутся, ибо поднимают целое облако пыли.

— Уж не смерч ли это опять? Пожалуй, он еще отбросит нас к северу, — проговорил с беспокойством Самуэль, вставая, чтобы лучше видеть то, что происходило у горизонта.

— Не думаю, Самуэль, — отозвался Кеннеди. — По-моему, это стадо газелей или диких быков.

— Быть может, и так, Дик, но это скопище на-

ходится от нас на расстоянии девяти или десяти миль, и даже при помощи подзорной трубы я пока ничего не в состоянии рассмотреть.

— Во всяком случае, Самуэль, я не спущу глаз с горизонта: там творится что-то необычайное, я просто заинтригован. Знаешь, это напоминает маневры кавалерии. Ну вот, я и не ошибся: конечно, это всадники. Взгляни-ка!

Доктор принялся внимательно смотреть в указанном направлении.

— Мне кажется, ты прав, — сказал он через некоторое время. — Это отряд арабов или тиббу. Они движутся в том же направлении, что и мы. Но так как «Виктория» несется быстрее, то мы легко их нагоним. Через полчаса они у нас будут, как на ладони, и тогда мы решим, что нам предпринять.

Кеннеди снова взялся за подзорную трубу и стал внимательно наблюдать.

— Несомненно, — заговорил он, — это или маневры, или охота. Создается впечатление, словно всадники эти кого-то преследуют. Очень хотелось бы знать, что это может быть.

— Потерпи, Дик, мы скоро их не только догоним, но даже перегоним, если они будут продолжать двигаться по тому же направлению. Мы ведь

несемся со скоростью двадцати миль в час, а ни одна лошадь, конечно, не в состоянии мчаться с такой быстротой.

Кеннеди опять принялся наблюдать и через несколько минут заявил:

— А знаешь, это арабы, и скачут они во весь опор. Теперь я прекрасно все вижу. Их человек пятьдесят. Вон как развеваются от ветра их бурнусы! Наверно, это кавалерийское учение. В ста шагах впереди скачет, должно быть, начальник этого отряда, а все остальные мчатся вслед за ним.

— Во всяком случае, Дик, кто бы они ни были, бояться нам их нечего, а если вдруг понадобится, я моментально поднимусь ввысь, — сказал доктор.

— Постой, постой, Самуэль! Тут происходит что-то странное, — сказал Дик через некоторое время. — Хорошенько не могу понять, в чем тут дело. Они несутся врассыпную, и с таким пылом, что, по-моему, это не маневры, а скорей преследование.

— Ты. уверен в этом, Дик?

— Несомненно. Конечно, я не ошибаюсь! Это, очевидно, охота, но охота за человеком. Не за начальником они скачут, а ловят беглеца.

— Беглеца? — с волнением повторил Самуэль.

— Да.

— Ну, так не надо же терять их из виду. Будем ждать! — нервно проговорил доктор.

Как ни мчались всадники, а наши аэронавты через три-четыре мили достигли их.

— Самуэль! Самуэль! — закричал Кеннеди дрожащим голосом.

— Что с тобой, Дик?

— Неужели это галлюцинация? Да возможно ли это?

— Что ты хочешь сказать?

— Подожди!

И охотник, быстро протерев стекла подзорной трубы, снова со страшным волнением принялся смотреть в нее.

— Ну, что? — спросил, также волнуясь, доктор.

— Это он, Самуэль!

— Он?! — крикнул доктор.

Слово «он» все сказало. Называть имя было излишне.

— Он верхом. Скачет меньше чем в ста шагах от своих врагов. Спасается от них бегством.

— Конечно, это Джо, — подтвердил, бледнея, доктор.

— Мчась таким образом, он не может видеть

нас, Самуэль.

— Нет, он нас увидит, — возразил Фергюссон, ослабляя пламя горелки.

— Но как?

— Через пять минут мы будем в пятидесяти футах от земли, а через пятнадцать спустимся к нему.

— Надо предупредить его ружейным выстрелом, — предложил Дик.

— Нет, Джо не надо отвлекать, иначе его могут догнать.

— Что же делать в таком случае?

— Ждать.

— Ждать! А эти арабы?

— Говорю же тебе — мы догоним. Мы уже меньше чем в двух милях от них Только бы лошадь Джо выдержала!

— Ай-ай-ай! — закричал Дик.

— Что такое?

Крик отчаяния вырвался у Кеннеди, когда он увидел Джо на земле; его загнанная вконец лошадь валялась тут же.

— Джо заметил нас! — с восторгом крикнул доктор. — Поднимаясь с земли, он сделал нам знак.

— Но ведь арабы сейчас захватят его! Чего он ждет? Ах, молодчина! Ура! — закричал охотник,

не в силах более сдерживаться.

Упав, Джо моментально вскочил на ноги и в тот миг, когда самый прыткий из всадников бросился к нему, отпрыгнул от него в сторону, как какая-нибудь пантера. Еще мгновение — и он уже был на крупе лошади араба. Схватив своими стальными пальцами врага за горло, Джо задушил его, сбросил на песок и снова бешено помчался вперед…

Громкий вопль вырвался у всадников. Они еще с большей яростью устремились за беглецом и, увлеченные преследованием, не замечали «Виктории», а она теперь находилась всего в каких-нибудь пятистах футах от них и меньше чем в тридцати от земли.

Один из всадников уже догоняет Джо и готовится пронзить его копьем, но тут меткая пуля Кеннеди сваливает араба на песок.

Джо даже не оборачивается на звук выстрела. Часть отряда, увидев «Викторию», спешивается и падает ниц перед нею, а другая продолжает преследование.

— Но что же делает Джо? — кричит Кеннеди. — Он и не думает останавливаться!

— Джо поступает гораздо умнее, — отозвался доктор, — я понял его: он скачет в том же на-

правлении, куда несется «Виктория», видимо полагаясь на нашу смётку. Ну и молодчина же! Мы вырвем его из-под носа у этих арабов! Ведь осталось не больше двухсот шагов до него.

— Что же теперь делать? — с волнением спросил Кеннеди.

— Брось в сторону свое ружье.

— Есть! — отозвался охотник.

— Можешь ли ты сдержать полтораста фунтов баласта?

— Смогу и больше.

— Нет, этого будет достаточно.

И Фергюссон тут же нагрузил своего друга мешками с баластом.

— Теперь, Дик, стань позади и будь готов сразу сбросить весь этот баласт, — проговорил он. — Но заклинаю тебя сделать это не раньше моего приказа.

— Будь спокоен!

— Иначе мы можем упустить Джо, и тогда он погиб.

— Положись на меня!

В этот момент «Виктория» была почти над головами всадников, несшихся во весь опор вслед за Джо. Доктор, развернув шелковую лестницу, стоял в передней части корзины, готовый в нужный

момент сбросить ее. Джо все продолжал скакать футах в пятидесяти от своих преследователей. Но вот «Виктория» обгоняет всадников…

— Слушай! — командует Самуэль.

— Готов! — отзывается Дик.

— Джо! Берегись! — кричит доктор зычным голосом, бросая лестницу.

Услышав голос Фергюссона, Джо, не замедляя бега лошади, оборачивается, лестница приближается к нему, и в тот миг, когда он в нее вцепляется, доктор кричит Кеннеди:

— Бросай!

— Есть!

И «Виктория», освобожденная от балласта, весившего больше, чем Джо, моментально поднимается на полтораста футов ввысь.

Похищение Джо.

Несмотря на сильные колебания шара, Джо крепко держится за лестницу. Когда «Виктория» приходит в более спокойное состояние, он делает неописуемый жест арабам, затем, карабкаясь по лестнице с ловкостью акробата, добирается до друзей, и те хватают его в свои объятия.

Внизу арабы вопят от изумления и бешенства: беглец вырван из их рук на лету, и воздушное чудовище быстро уносит его вдаль…

— Мистер Самуэль! Мистер Дик! — кричит Джо и, переутомленный, не выдержав страшного волнения, лишается чувств.

— Спасен! Спасен! — радостно кричит Кеннеди.

— Ну, конечно! — отзывается доктор, к которому уже успело вернуться его невозмутимое самообладание.

Джо был почти голый. Окровавленные руки, тело все в ссадинах и синяках говорили о перенесенных им муках, Фергюссон перевязал его раны, и вместе с Диком они уложили его под тент. Вскоре Джо очнулся и попросил стаканчик водки. Выпив ее, он крепко пожал руки обоим друзьям и собрался было уже рассказать о пережитых

им злоключениях, но ему не разрешили этого сделать. Он не замедлил крепко заснуть, в чем, конечно, очень нуждался.

«Виктория» же, несколько уклонившись на запад, снова понеслась со страшной быстротой над окраиной пустыни, заросшей в этих местах колючим кустарником, понеслась над согнутыми ураганом или вырванными с корнями пальмами оазисов. К вечеру, сделав около двухсот миль от места похищения Джо, она достигла 10° долготы.

ГЛАВА XXXVII

Полет к западу. — Пробуждение Джо. — Конец его истории. — Тажелель. — Беспокойство Кеннеди. — Полет на север. — Ночь у Агадеса.

Ночью ветер стих, и «Виктория» спокойно простояла всю ночь, зацепившись якорем за вершину большой смоковницы. Доктор и Кеннеди поочередно несли вахту, а Джо проспал богатырским сном целые сутки.

— Это именно то лекарство, какое ему нужно, — заметил Фергюссон, — его излечит сама природа.

С рассветом порывистый ветер усилился, и «Викторию» сначала бросало то к северу, то к югу, пока, наконец, не понесло к западу. Доктор определил по карте, что они проносятся над царством Дамергу — холмистым, очень плодородным краем, с легкими, сплетенными из тростника хижинами. В полях виднелось много скирд хлеба. Вероятно, для того чтобы предохранить их от полевых мышей и термитов (белых муравьев), все они были поставлены на невысокие подпорки. Вскоре аэронавты увидели город Зиндер. Его легко можно было узнать по обширной площади, где

совершались казни. В центре площади возвышалось «дерево смерти». Палач все время дежурил под ним. И стоило кому-нибудь пройти под тенью этого страшного дерева, чтобы немедленно быть на нем повешенным.

Миновав город Зиндер, Кеннеди взглянул на компас и с некоторым беспокойством заметил:

— А нас снова несет к северу.

— Ну что ж из этого? — отозвался доктор. — Если «Виктория» занесет нас в Тимбукту, жаловаться не придется. Никогда подобное путешествие не совершалось в лучших условиях.

— И при лучшем состоянии здоровья его участников, — докончил Джо, поднимая край тента и высовывая оттуда свою славную улыбающуюся физиономию.

— А! Вот наконец проснулся и наш отважный друг, наш спаситель! — радостно закричал охотник. — Ну, как ты себя чувствуешь, Джо?

— Вполне нормально, мистер Кеннеди, вполне нормально! Кажется, никогда лучше себя и не чувствовал. Ничто ведь не может подбодрить человека так, как подобная увеселительная прогулочка после купанья в озере Чад! Не так ли, мистер Самуэль?

— Славный ты малый! — с чувством сказал

Фергюссон, крепко пожимая ему руку. — Ну, и доставил же ты нам беспокойств и мучений!

— А вы думаете, что я на ваш счет был спокоен, что ли? Можете гордиться тем, что заставили меня просто дрожать от страха за вас.

— Ну, так мы с тобой никогда ни до чего не договоримся.

— Вижу, что падение в озеро нисколько не изменило нашего Джо, — заметил Кеннеди.

— Ты, друг мой, проявил великую самоотверженность, — продолжал доктор, — ты спас нас: ведь «Виктория» падала в озеро, и оттуда никто не мог бы ее извлечь.

— Но если то, что я полетел в воду кубарем, вы, мистер Самуэль, желаете называть самоотверженным подвигом, то разве я этим не спас также и себя самого? Ведь вот теперь мы все трое здесь в добром здоровье!

— Нет! С этим малым никогда не сговоришься! — воскликнул Кеннеди.

— Лучший способ сговориться со мной — это никогда не упоминать о происшедшем, — заявил Джо. — Что сделано, то сделано. Хорошо ли, плохо ли, не стоит к этому возвращаться.

— Ах ты, упрямец! — смеясь, проговорил доктор. — Но слушай, не расскажешь ли ты нам, по

крайней мере, о своих похождениях?

— Хорошо, если вы непременно этого желаете. Только раньше мне хочется зажарить на славу вот этого жирного гуся. Вижу, наш мистер Дик времени даром не терял.

— Верно, верно, Джо, — отозвался доктор.

— Ну, посмотрим, как африканский гусь почувствует себя в европейских желудках, — весело добавил Джо.

Гусь был зажарен на пламени горелки, и его сейчас же съели, или, вернее, уплели с громадным аппетитом. Джо, не евшему несколько дней, досталась, конечно, львиная доля. После чая и грога славный малый начал рассказывать друзьям свои приключения. Хотя он, но своему обыкновению, ко всему и относился философски, но тем не менее, рассказывая, волновался. Видя, что чудесный малый все время больше, чем о себе, думал о нем, Фергюссон не мог не пожать горячо его руку.

Наконец в своем рассказе Джо дошел до того момента, когда, засасываемый трясиной, он в отчаянии закричал.

— Я считал, что погибаю, и моя последняя мысль была о вас, мистер Самуэль. Тут я опять начал делать неимоверные усилия, чтобы вы-

браться из этого ужасного болота. Уж сам не знаю, что я при этом выделывал, когда вдруг совсем близко от себя я увидел… ну, как бы вы думали, что?.. Конец каната, видимо недавно отрезанного. Уж каким-то образом умудрился я добраться до этого самого каната. Потянул за него, смотрю — держится. Снова дернул — нет, все не поддается. Делаю еще усилие — и наконец я на твердой земле… а на конце каната виднеется якорь. Да, мистер Самуэль, уж можно сказать — это был действительно «якорь спасения»! Я узнал его сейчас же! Это был якорь с нашей «Виктории»! Значит, вы здесь останавливались! Я проследил направление каната и по нему догадался, куда вы отправились. Тут и дух у меня поднялся и силы явились. Выбрался я из трясины и снова зашагал, держась подальше от озера. Наконец добрался до опушки огромного леса. Здесь в загоне спокойно пасся табун лошадей. Не правда ли, в жизни бывают минуты, когда каждый умеет ездить верхом? И вот, недолго думая, я вскакиваю на одного из этих четвероногих и мчусь к северу. Несусь я по засеянным полям, перескакиваю через кустарники, изгороди, понукаю моего скакуна, заставляю его брать препятствия… Так домчался я до границы возделанных земель. Передо мной пустыня.

Вот и прекрасно, — сказал я себе, — это мне на-руку: здесь, по крайней мере, далеко видно. Я ведь ждал, что вот-вот появится наша «Виктория». Но она все не появлялась. Часа так через три я, как дурак какой-то, нарвался на стоянку арабов. Ну, и началась же тут охота! Скажу вам, мистер Кеннеди, ни один охотник не знает как следует, что такое охота, пока за ним самим не поохотятся. И признаться, не посоветовал бы я ему этого испробовать! Но вот моя лошадь падает от изнеможения, сам я валюсь на землю, вспрыгиваю на круп коня какого-то араба... Я не желал ему зла, но пришлось-таки придушить его. Тут я вас и увидал... А что было дальше, вы знаете сами... Но, скажите, разве я был неправ, рассчитывая на вас? Видите, мистер Самуэль, как все это просто и естественно! И если только когда-нибудь вам понадобится, я готов в любой момент все это проделать снова. Ну, а теперь еще раз повторяю: об этом вообще больше не стоит говорить.

— Дорогой мой Джо, — растроганным голосом заговорил доктор, — мы были совершенно правы, когда полагались на твой ум и ловкость.

— Да что там, сэр! Надо только следовать за событиями, и тогда всегда вывернешься. Знаете, самое верное — это принимать все так, как оно

случается.

За то время, что Джо повествовал о своих приключениях, «Виктория» успела пролететь немалое расстояние. Вскоре Кеннеди указал на показавшиеся на горизонте строения, имевшие вид города. Доктор сейчас же справился по карте и убедился, что это небольшой городок Тажелель в стране Дамергу.

— Мы опять попали на путь исследователя Барта, — сказал Фергюссон. — Именно в этом городе он расстался со своими двумя товарищами, тоже исследователями. Бедняги! Те так и погибли здесь. Помните, я вам рассказывал, что из троих только Барту удалось вернуться в Европу.

— Итак, мы несемся прямо на север? — спросил охотник, следя по карте за направлением «Виктории».

— Прямо на север, дорогой Дик.

— И тебя, Самуэль, это нисколько не беспокоит?

— А почему бы это могло меня беспокоить?

— Да потому, что это течение несет нас к Триполи, и нам придется снова перелетать через Сахару.

— О, так далеко мы не залетим. По крайней мере, я надеюсь на это, — ответил доктор.

— Где же ты, Самуэль, думаешь остановиться?

— Ну-ка, признайся, Дик, разве тебе не было бы интересно побывать в Тимбукту?

— Тимбукту? — переспросил Кеннеди.

— Уж, конечно, непозволительно быть в Африке и не осмотреть Тимбукту, — вмешался Джо.

— Знаешь, Дик, ты будешь пятым или шестым европейцем, посетившим этот таинственный город, — добавил доктор.

— Ладно! Летим в Тимбукту!

— Дай нам только добраться до семнадцати с половиной градусов широты, а там уж мы начнем разыскивать попутный ветер на запад.

— Хорошо, — отозвался охотник. — Но скажи, сколько приблизительно миль нам еще придется нестись на север?

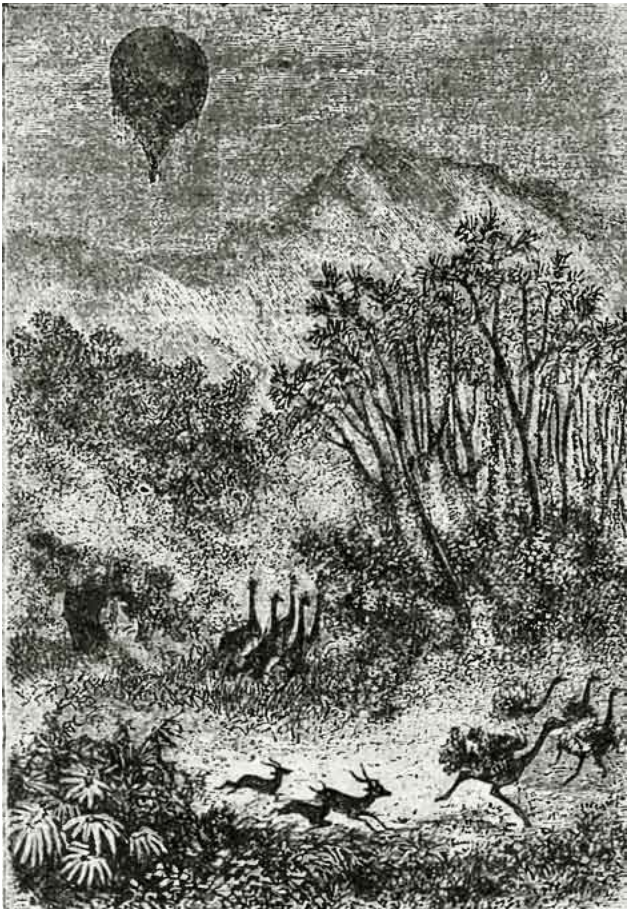
— По крайней мере, миль сто пятьдесят.

— В таком случае, я немного посплю, — заявил Кеннеди.

— Конечно, засните, мистер Дик, — стал уговаривать Джо, — и вы тоже, мистер Самуэль, последуйте примеру своего друга. Ведь оба вы так измучились без сна из-за меня.

Охотник улегся под тентом, но Фергюссон, который не так-то легко поддавался усталости, не оставил своего наблюдательного поста.

Через три часа «Виктория» проходила над каменистой местностью с обнаженной гранитной горной цепью. Некоторые отдельные вершины этой цепи достигали четырех тысяч футов. Потом на смену бесплодной пустыне появились леса акаций, мимоз и финиковых пальм, где с необыкновенной быстротой носились и прыгали жирафы, антилопы и страусы. Это была страна кэлуасов. У них, как и у свирепых их соседей — туарегов, существовал обычай закрывать лицо бумажным покрывалом.

Страна кэлуасов.

В десять часов вечера, сделав за день великолепный перелет в двести пятьдесят миль, «Виктория» остановилась над большим городом. При свете луны было видно, что часть его вся в развалинах. Здесь и там, залитые лунным светом, высились минареты. Доктор установил, что «Виктория» находится над Агадесом.

— Этот город в былые времена являлся центром обширной торговли, — пояснил доктор, — но когда его посетил Барт, он находился в упадке.

Среди ночи, никем не замеченная, «Виктория» опустилась милях в двух севернее Агадеса, на обширном поле, засеянном просом.

Ночь прошла спокойно, а на рассвете, в пять часов утра, легкий ветер стал дуть на запад и даже несколько на юго-запад. Фергюссон поспешил воспользоваться этим благоприятным обстоятельством. Он быстро заставил подняться «Викторию», и та умчалась дальше, залитая золотыми лучами солнца…

ГЛАВА XXXVIII

Быстрый перелет. — Караваны. — Беспрерывные ливни. — Гао. — Нигер.

17 мая прошло спокойно, совершенно без всяких происшествий. Снова началась пустыня. Ветер средней силы нес «Викторию» по совершенно прямой линии на юго-запад.

Прежде чем пуститься в путь, доктор благоразумно позаботился о том, чтобы возобновить запас воды. Он боялся, что в районе, заселенном племенем туарегов, нельзя будет снизиться.

Плоскогорье, лежащее на высоте тысячи восьмисот футов над уровнем моря, постепенно все понижалось к югу. Наши аэронавты пересекли проторенную караванную дорогу, ведущую из Агадеса в Мурзук, и, пролетев в этот день сто восемьдесят миль, вечером оказались на 16° широты и 4°55′ долготы.

Весь день Джо посвятил заготовлению впрок дичи от последней охоты Кеннеди, — на нее, за недостатком времени, было обращено мало внимания. К ужину он подал очень вкусно зажаренных на вертеле вальдшнепов. Так как ветер

был очень благоприятен, доктор решил лететь всю ночь, благо полная луна светила во-всю. «Виктория», сделав в эти ночные часы на высоте пятисот футов около шестидесяти миль, неслась так спокойно, что даже самый чуткий сон не был бы потревожен.

В воскресенье утром направление ветра вдруг стало северо-западным. В воздухе носилось несколько воронов, а у горизонта виднелась стая ястребов, к счастью, не имевшая склонности приблизиться.

Все эти птицы, по ассоциации, напомнили Джо о катастрофе с кондорами, и добрый малый не преминул поздравить доктора с тем, что он сделал для шара две оболочки.

— Будь у «Виктории» одна оболочка, что делали бы мы теперь? — с жаром сказал он. — Знаете, эта вторая оболочка — то же, что спасательная шлюпка на судне. Благодаря ей, при крушении всегда можно спастись.

— Ты прав, друг мой, — отозвался Фергюссон, — но должен сказать тебе, что моя «шлюпка» начинает меня немного беспокоить.

— Что ты этим хочешь сказать, Самуэль? — вмешался в разговор Кеннеди.

— А вот что: «новая» «Виктория» не стоит

прежней. Уж не знаю, почему: ткань ли слишком много вытерпела, или гуттаперча местами расплавилась вследствие жара змеевика, но я обнаруживаю утечку газа. Пока она незначительна, но с этим надо считаться. У «Виктории» несомненная тенденция снижаться, и я, чтобы удерживать ее на нужной высоте, должен все больше расширять водород.

— Чорт побери! — воскликнул Кеннеди. — Я не вижу, как это можно поправить.

— То-то и есть, что мы тут бессильны, — сказал доктор. — Вот почему нам надо во что бы то ни стало торопиться и даже, когда это возможно, избегать ночных стоянок.

— А как далеко мы от берега? — спросил Джо.

— От какого берега, друг мой? Разве мы знаем, куда нас закинет слепой случай? Все, что я могу тебе сказать, так это то, что Тимбукту находится на западе, в четырехстах милях от нас.

— Сколько же времени нам понадобится, чтобы туда добраться? — продолжал спрашивать Джо.

— Если ветер будет благоприятным, то я рассчитываю попасть в этот город во вторник к вечеру, — ответил Фергюссон.

— Ну, в таком случае, мы будем там скорее, чем

вон те, — проговорил Джо, указывая на длинную вереницу верблюдов, извивавшуюся среди песков пустыни.

Фергюссон и Кеннеди перегнулись за борт и увидели огромный караван; одних верблюдов в нем было больше ста пятидесяти.

Верблюды туарегов считаются наилучшими. Они могут от трех до семи суток обходиться без воды и по двое суток без пищи. Передвигаются они быстрее лошадей и очень разумно повинуются голосу кабира — начальника каравана. В здешних местах эти верблюды известны под именем «мегари».

Все эти подробности доктор сообщил своим товарищам, в то время как они с интересом рассматривали толпу мужчин, женщин и детей, с трудом передвигавшуюся по сыпучему песку, где местами только проглядывали чертополох, чахлая, высохшая трава и жалкие кустики. Ветер почти моментально заметал следы огромного каравана.

Тут Джо обратился к доктору с вопросом о том, каким образом умудряются арабы проходить через огромную пустыню и находить разбросанные в ней колодцы.

— Видишь ли, — ответил Фергюссон, — у арабов

есть какое-то прирожденное чутье к распознаванию дороги. Там, где европеец наверняка сбился бы с пути, для араба нет никаких затруднений. Ему, для того чтобы ориентироваться, достаточно какого-нибудь незначительного камешка, пучка травы, даже цвета песка. Ночью им указывает дорогу Полярная звезда. Передвигаются эти караваны не быстрее двух миль в час. Во время полуденной жары делают привал. Вы представляете себе теперь, сколько времени нужно каравану, чтобы пройти по огромной пустыне каких-нибудь девятьсот миль!

«Виктория» уже исчезла с глаз изумленных арабов. Как должны были они ей завидовать!

Вечером она перелетела через 2°20′ долготы, а за ночь еще пронеслась больше чем на один градус. На следующий день погода круто изменилась. Полил сильнейший дождь. Приходилось бороться и с ливнем и с возрастающим благодаря ему весом шара и корзины.

Этими ливнями объяснялись те болота и топи, которые виднелись повсюду в этой местности. Зато здесь снова появились мимозы, баобабы и тамаринды. Это была страна Сонрей, с рассеянными по ней конусообразными хижинами. Гор здесь было мало, виднелись лишь холмы,

между которыми лежали долины, где носились вальдшнепы и цесарки. Там и сям бурные потоки пересекали дорогу. Туземцы перебирались через них, цепляясь за лианы. Дальше расстилались джунгли, где копошились аллигаторы, гиппопотамы и носороги.

— По-видимому, мы скоро будем у Нигера, — сказал доктор. — Все, что мы видим, свидетельствует о близости большой реки. Эти «движущиеся» дороги, как очень метко называют большие реки, сначала несут с собой растительность, а позднее и цивилизацию. Так, на берегах Нигера, реки длиною в две тысячи пятьсот миль, — расположены самые крупные города Африки.

— Это напоминает мне рассказ об одном простаке, — вставил Джо, — который, представьте себе, восторгался мудростью провидения, устроившего, по его мнению, так, чтобы большие реки непременно протекали через самые большие города.

В полдень «Виктория» пролетела над Гао — небольшим городком с довольно жалкими хижинами.

— А когда-то этот городок был столицей. Именно здесь Барт переправился через Нигер, возвращаясь из Тимбукту, — начал рассказывать

доктор. — Вот он, Нигер, — эта знаменитая в древности река, соперница Нила. Язычники даже приписывали ей божественное происхождение. Как и Нил, Нигер привлекал внимание многих географов всех стран (начиная от Адамсона, проведшего на его берегах целых девять лет — с 1749 по 1758 год). Исследованию Нигера было принесено в жертву, пожалуй, еще большее количество человеческих жизней, чем даже исследованию Нила. Одни были замучены и убиты, другие погибли от тяжелых условий и местных болезней.

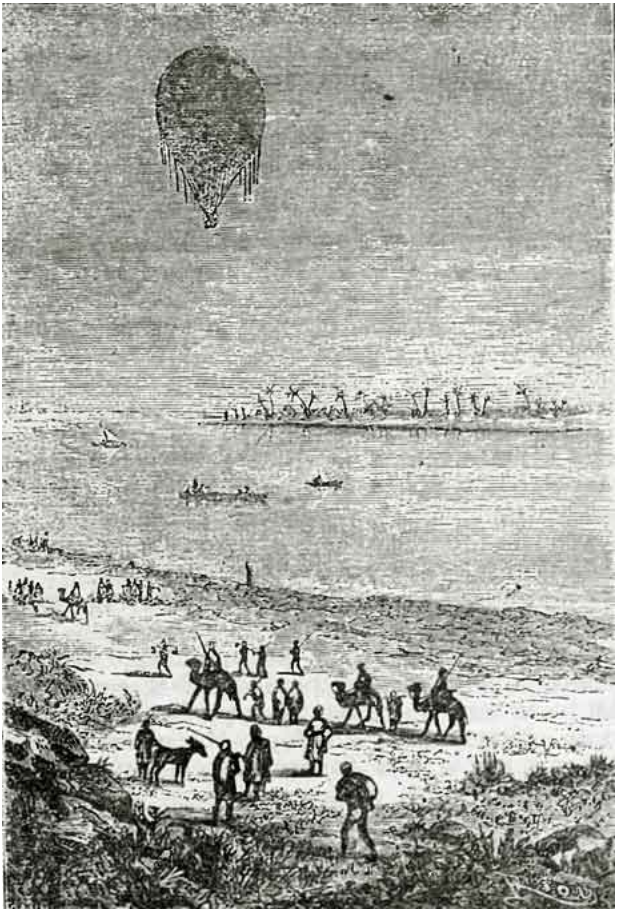
В то время как доктор обо всем этом говорил, Нигер катил к югу свои полные бурные воды. Но «Виктория» так быстро уносила вдаль наших аэронавтов, что они едва могли рассмотреть могучую реку и ее любопытные окрестности.

ГЛАВА XXXIX

Излучины Нигера. — Фантастический вид гор Гомбори. — Кабра. — Тимбукту. — План доктора Барта. — Упадок Тимбукту.

В течение всего этого дождливого, сумрачного дня доктор старался развлечь своих товарищей бесконечными рассказами о проносящейся под ними местности. Она была довольно плоской и потому препятствий для полета никаких не представляла. Единственно, что заботило Ферг-юссона, это проклятый северо-восточный ветер. Он дул со страшной силой и относил «Викторию» несколько в сторону от Тимбукту.

Дойдя на севере до Тимбукту, Нигер изгибается, словно гигантский фонтан, а затем целым снопом сверкающих рукавов несется к Атлантическому океану.

Нигер.

Внутри этой грандиозной излучины Нигера природа чрезвычайно разнообразна. Здесь и буйная растительность и полнейшее бесплодие: невозделанные равнины сменяются тучными полями маиса, а за ними тянутся обширные пространства, поросшие дроком. Всевозможные водяные птицы — пеликаны, чирки, зимородки — целыми стаями носятся над притоками Нигера и над его болотистыми рукавами.

Время от времени виднеются деревни туарегов с кожаными шатрами. Мужчин не видно, а женщины, куря большие трубки, бродят вокруг своих домов. Все они заняты какими-то работами.

К восьми часам вечера «Виктория» пролетела на запад больше двухсот миль, и здесь перед глазами наших аэронавтов развернулась чудесная картина: лунные лучи, прорываясь сквозь тучи и скользя между полосами дождя, заливали своим светом горную цепь Гомбори. И как причудливо при этом выглядели базальтовые вершины! Они вырисовывались на фоне темного неба фантастическими силуэтами, напоминая, подобно пловучим льдам полярных морей, легендарные развалины какого-то огромного средневекового

города.

Но тут ветер подул к северу, и 20 мая утром «Виктория» уже неслась над запутанной сетью потоков и речек. Некоторые из них так заросли травой, что издали производили впечатление тучных лугов. Нигер, в этом месте достигая восьмисот футов ширины, протекал среди берегов, поросших тамариндами. В густой траве прыгали, порой совсем исчезая в ней, стада газелей, а аллигаторы подстерегали их. Длинные вереницы ослов и верблюдов, нагруженных товарами, тянулись по дорогам среди великолепных деревьев. Скоро за излучиной реки появились расположенные амфитеатром низкие домики. На их крышах и террасах, казалось, было навалено все сено окрестности.

— Это Кабра, порт Тимбукту! — весело закричал доктор. — А до самого знаменитого города, пожалуй, не будет и пяти миль.

— Значит, вы довольны, сэр? — спросил Джо.

— Я в восторге, мой милый!

— Прекрасно! Значит, все к лучшему.

Действительно, в два часа дня столица пустыни, таинственная Тимбукту, имевшая в былые времена, как некогда Афины и Рим, свои школы ученых и свои кафедры философов, развернулась

перед взорами наших аэронавтов.

Тут Фергюссон, следя по карте, сделанной собственноручно доктором Бартом, убедился, насколько она была точна. Город этот представляет собой огромный треугольник, как бы начерченный на безбрежных белых песках. Кругом — ничего, кроме карликовых мимоз и чахлого кустарника.

Самый город с высоты птичьего полета представлял собой как бы множество разбросанных шариков и кубиков. Улицы были довольно узки. Их обрамляли одноэтажные дома из необожженного кирпича и тростниковые хижины с остроконечными соломенными крышами. На террасах домов там и сям виднелись лежащие в небрежных позах люди в ярких одеждах, с копьями или мушкетами в руках. В этот час совсем не видно было женщин.

— А говорят, что женщины здесь очень красивы, — заметил доктор. — Видите, — продолжал он, — три башни на трех мечетях. Это почти все, что осталось от былого величия Тимбукту. Напрасно искали бы вы дворцов и памятников. Здешний шейх — не что иное, как купец, и его царственное жилище представляет собой только контору. Да, этот когда-то великий центр ци-

вилизации, где в шестнадцатом веке ученый Ахмед-Баба владел библиотекой более чем в тысячу рукописей, теперь не что иное, как торговый склад Центральной Африки.

Когда «Виктория» проносилась над городом, в нем началось движение, забили даже барабаны. Но вряд ли последний захудалый местный ученый имел время исследовать новое удивительное явление. Наши аэронавты, подхваченные могучим ветром пустыни, уже неслись «ад извилистыми берегами Нигера, и вскоре город Тимбукту стал одним из их мимолетных путевых впечатлений.

— Куда же теперь занесет нас судьба? — задумчиво проговорил доктор.

— Хорошо, если б на запад, — заметил Кеннеди.

— Вот как! — воскликнул Джо. — А что касается меня, то, если б пришлось вернуться тем же путем на Занзибар и даже лететь через Атлантический океан в Америку, — это ничуть меня бы не испугало.

— Но, видишь ли, Джо, прежде всего надо иметь возможность это сделать, — возразил Фергюссон.

— А чего нам, мистер Самуэль, не хватает для этого?

— Газа, мой милый. Подъемная сила нашей «Виктории» заметно слабеет. И мы должны очень бережно' относиться к водороду, чтобы нам его хватило до побережья океана. Мне придется даже начать выбрасывать баласт. Как видно, мы стали слишком тяжелы.

— Вот что значит, мистер Самуэль, ничего не делать! — воскликнул Джо. — Лежишь себе по целым дням в гамаке, как какой-то бездельник, ну, поневоле начнешь жиреть и делаться тяжелым.

— Да, можно сказать, размышления, достойные Джо, — отозвался охотник. — Но подожди, друг мой, еще неизвестно, что будет впереди. Мы далеко еще не у цели... А скажи, Самуэль, у тебя нет предположений относительно того, в какое место побережья мы можем попасть?

— Очень затрудняюсь ответить тебе на это, Дик. Мы ведь находимся во власти очень непостоянных ветров. Скажу одно: я был бы счастлив, если бы удалось спуститься между Сиера Леоне и Портендиком. Там мы нашли бы друзей.

— Что и говорить, приятно было бы пожать им руки, — промолвил Дик. — Интересно знать, летим ли мы в данную минуту в нужном направлении?

— Нельзя этого сказать, Дик. Взгляни на стрелку

компаса — нас сейчас несет на юг, и мы поднимаемся к истокам Нигера.

— Какой был бы прекрасный случай открыть эти самые истоки, если бы, к сожалению, их уже не открыли до нас, — вмешался Джо. — А что, никак нельзя, мистер Самуэль, открыть еще какие-нибудь его истоки?

— Нет, Джо. Но успокойся, — я надеюсь, мы не залетим так далеко.

При наступлении ночи доктор сбросил последний баласт, и «Виктория» поднялась. Но вскоре горелка при полном пламени едва была в состоянии поддерживать ее на одной и той же высоте. В это время «Виктория» находилась в шестидесяти милях южнее Тимбукту, а на следующее утро она была уже на берегах Нигера, недалеко от озера Дебо.

ГЛАВА XL

Беспокойство доктора Фергюссона. — Упорное воздушное течение к югу. — Туча саранчи. — Город Женэ. — Столица Сэго. — Перемена ветра. — Сожаления Джо.

В том месте, где очутились наши аэронавты, Нигер был разделен большими островами на мелкие рукава с очень быстрым течением. На одном из островов виднелось несколько хижин пастухов, но сделать точные съемки этих мест было невозможно, ибо скорость, с которой неслась «Виктория», все возрастала. К несчастью, ее больше отклоняло к югу, и она в каких-нибудь несколько минут промчалась над озером Дебо.

Фергюссон, расширяя, насколько мог, водород, старался на разных высотах найти иное воздушное течение, но это ему не удавалось, и он вскоре прекратил поиски, стоящие большого количества газа.

Сказать он ничего не сказал, но стал очень беспокоиться. Упорное воздушное течение, уносившее шар к югу, разрушало все его планы. Он теперь уж не знал, на кого и на что рассчиты-

вать. Если они не доберутся до английских или французских владений, что будет с ними среди свирепых Дикарей, опустошающих побережье Гвинеи? Каково будет там ждать судна, на котором они могли бы вернуться в Англию! А этот ветер несомненно мчал их к стране Дагомей, где обитатели отличались особенной дикостью, а султан, в руки которого они неизбежно должны были попасть, имел милое обыкновение во время народных празднеств приносить в жертву тысячи людей. Там, конечно, их ждет верная гибель. С другой стороны, «Виктория» все больше сдавала.

Между тем погода как будто стала проясняться, и у Фергюссона появилась было надежда на то, что. с прекращением дождя могут наступить перемены в воздушных течениях.

Вдруг замечание Джо вернуло его к печальной действительности.

— Ну вот, — проговорил тот, — дождь опять усилился, и на этот раз, судя по приближающейся туче, это уж будет настоящий ливень.

— Как? Опять надвигается туча? — с огорчением воскликнул доктор.

— Да еще какая! — отозвался Кеннеди.

— А я могу сказать, что подобной тучи я в жизни не видывал, — прибавил Джо, — края ее как-то

вытянуты, словно по шнуру.

— Нет, можно вздохнуть свободно, — заявил Фергюссон, откладывая в сторону зрительную трубу, — это совсем не дождевая туча.

— Что же это такое? — удивился Джо.

— Это туча, но туча саранчи.

— Саранчи! — воскликнул славный малый.

— Да, это миллиарды саранчи, как смерч, проносящиеся над краем. И горе ему, если она здесь осядет, — все будет опустошено.

— Хотелось бы мне на это посмотреть! — заявил Джо.

— Погоди, мой милый, минут через десять туча нас догонит, и ты увидишь все это собственными глазами.

Фергюссон был прав: темная туча в несколько миль длиной уже приближалась с оглушительным шумом, бросая на землю огромную тень. Шагах в ста от «Виктории» вся эта масса опустилась на цветущий яркозеленый край. Через каких-нибудь четверть часа саранча поднялась и понеслась дальше, а аэронавты успели еще увидеть издали совершенно голые кусты, деревья и словно скошенные луга.

— Ну, что ты скажешь, Джо? — обратился к нему Фергюссон.

— Что я скажу, мистер Самуэль? Что это очень любопытно и вместе с тем очень естественно.

— Это, скажу я вам, пострашнее ливня и даже града, — заметил Кеннеди.

— И, представьте, спастись от этого нельзя никак, — сказал Фергюссон. — Бывали случаи, когда жители зажигали леса и даже хлебные поля, чтобы остановить движение этих насекомых, но тут первые ряды бросались в огонь, тушили собой пожар, а затем вся масса саранчи непреодолимо двигалась вперед. Хорошо еще, что в этих странах жители вознаграждают себя за это опустошение тем, что ловят эту самую саранчу в большом количестве и с удовольствием поедают ее.

— Жаль, что мне не удалось попробовать: знать все полезно, — промолвил Джо.

К вечеру внизу стали проноситься более топкие места, леса сменились отдельными группами деревьев; по берегам Нигера виднелись табачные плантации и болота, поросшие густой травой.

Вскоре на большом острове показался город Женэ с двумя башнями глиняной мечети и ужасным смрадом, Поднимавшимся от миллионов ласточкиных гнезд, облепивших городскую стену. Между домами здесь и там возвышались вершины баобабов, мимоз и финиковых пальм. Хотя

была ночь, но в городе царило большое оживление. Женэ — действительно коммерческий город. Он снабжает всем необходимым Тимбукту. Лодки по Нигеру и караваны по тенистым дорогам перевозят туда все изделия женэской промышленности.

— Если б только это не затягивало нашего путешествия, — сказал доктор, — я непременно попытался бы спуститься в этот город. Здесь, наверно, нашелся бы не один араб, бывавший и во Франции и в Англии, которого, быть может, и не удивил бы наш способ передвижения. Но остановиться здесь было бы, пожалуй, не очень благоразумно.

— Так отложим это до нашей следующей экскурсии, — смеясь, предложил Джо.

— К тому же, друзья мои, — добавил доктор, — если я только не ошибаюсь, ветер имеет наклонность дуть с востока, а такого случая упускать не надо.

Тут Фергюссон выбросил из корзины несколько ненужных предметов, пустые бутылки и ящик от мяса, и благодаря этому ему удалось поднять «Викторию» в зону, более благоприятствующую его планам.

В четыре часа утра первые лучи солнца осве-

тили перед глазами наших аэронавтов столицу Бамбарра — Сэго. Ее легко можно было узнать по отдельным четырем городам, из которых она, в сущности, состоит, а также по мавританским мечетям и непрерывному движению паромов, развозящих жителей по различным кварталам. Но наши аэронавты не имели времени рассматривать эту столицу, и на них там, видимо, тоже никто не обратил внимания. Они быстро мчались на северо-запад, и беспокойство доктора мало-помалу исчезало.

— Еще два дня полета с такой скоростью и по этому направлению — и мы будем на реке Сенегал, — объявил он своим товарищам.

— А там, Самуэль, мы будем в дружеской стране? — спросил охотник.

— Не совсем; но, видишь ли, в крайнем случае, если бы наша «Виктория» вдруг сплоховала, мы оттуда могли бы уже пешком добраться до французских владений. Но будем надеяться, что она еще продержится несколько сотен миль и мы, избавленные от усталости, страхов и опасностей, доберемся до западного побережья.

— И это будет конец? — воскликнул Джо. — Но знаете, что я вам скажу? Если бы не желание порассказать людям обо всем, нами виденном, я

предпочел бы никогда не спускаться на землю. А как вы думаете, мистер Самуэль, поверят ли нашим рассказам?

— Как знать, милый мой Джо! Во всяком случае, тут имеются неоспоримые факты: тысячи людей видели, как мы вылетели с одного побережья Африки, и тысячи увидят, как мы прилетим на другое побережье.

— А при таких данных, мне кажется, трудно будет утверждать, что мы не перелетели через Африку, — отозвался Кеннеди.

— Ах, мистер Самуэль! — с тяжким вздохом проговорил Джо. — Не один раз еще я пожалею о своих камнях из чистого золота! Вот что придало бы вес и правдоподобность нашим рассказам! Только начни я раздавать по грамму золота на слушателя, воображаю, какая толпа собралась бы послушать меня и, пожалуй, повосхищаться мной!

ГЛАВА XLI

Приближение к реке Сенегал. — «Виктория» продолжает сдавать. — Необходимость облегчать ее. — Трудно преодолимые горы. — Ружья Кеннеди. — Маневры Джо. — Стоянка над лесом.

23 мая к девяти часам утра местность начала менять свой вид. На покатой равнине стали появляться холмы, указывающие на близость гор. Действительно, предстояло перелететь через горную цепь, отделявшую бассейн Нигера от бассейна Сенегала и служившую водоразделом между реками, впадающими в Гвинейский залив и залив у Зеленого мыса.

Вся эта часть Африки до Сенегала считалась очень опасной. Фергюссон знал это — из рассказов своих предшественников-исследователей; те в этой стране свирепых негров вынесли бесчисленные лишения и подвергались бесчисленным опасностям. Да еще, ко всему этому, немало экспедиций погибло в этих местах из-за вреднейшего климата. Поэтому Фергюссон твердо решил не спускаться в этом негостеприимном крае. Но он

не имел ни минуты покоя. «Виктория» очень заметно сдавала, и приходилось время от времени, особенно, когда надо было взять какую-нибудь вершину, выбрасывать наименее нужные вещи. Это проделывалось на протяжении перелета в сто двадцать миль. Очень были утомительны эти спуски и подъемы. «Виктория» то и дело снижалась, и вид ее был далеко не прежний. От недостатка водорода «Виктория» как-то вся вытянулась и бока ее запали. Ветер, врываясь в ослабевшую оболочку, местами коробил ее.

Видя это, Кеннеди не мог удержаться, чтобы не спросить:

— Как ты думаешь, Самуэль, нет ли трещины в оболочке «Виктории»?

— Трещины-то нет, — отозвался доктор, — но, очевидно, гуттаперча под влиянием высокой температуры расплавилась, и тафта стала пропускать водород.

— А как же предотвратить эту утечку? — допрашивал Дик.

— Тут ничего нельзя поделать. Единственно, что остается, — это уменьшать наш груз. Будем выбрасывать все, что только можно.

— Ну, а что еще можно выбросить? проговорил охотник, оглядывая уже достаточно опустошен-

ную корзину.

— Да хотя бы тент, ведь он весит немало.

Джо, поняв, что этот приказ относится к нему, вскарабкался на металлический круг, к которому была прикреплена сетка шара, откуда без труда снял обе части тента и сбросил их вниз.

Джо сбрасывает тент.

— Этот самый тент может послужить одеждой целому племени, — заметил он: — ведь черные скуповаты на материю.

«Виктория» немного поднялась, но скоро стало очевидно, что она снова снижается.

— Давайте спустимся, — сказал Кеннеди, — и посмотрим, что можно сделать с оболочкой.

— Говорю же тебе, Дик, что нет способа ее починить.

— В таком случае, что же нам предпринять?

— Мы должны пожертвовать всем, что не является совершенно необходимым, — ответил доктор. — Я хочу во что бы то ни стало избежать стоянки в этой местности. Леса, над самыми верхушками которых мы пролетаем, далеко не безопасны.

— Что же там водится, мистер Самуэль, львы или гиены? — с презрительным видом проговорил Джо.

— Получше этого, милый мой: люди, и самые свирепые во всей Африке.

— А откуда это известно? — поинтересовался Джо.

— Да из рассказов бывших здесь до нас путеше-

ственников, а также французов. Те, живя в своих колониях на Сенегале, поневоле должны иметь сношения с окружающими их племенами… Нет, нет, говорю вам, попасть в руки здешних дикарей было бы далеко не сладко.

— Ну, так мы и не попадем к ним в руки, хотя бы для поднятия нашей «Виктории» пришлось пожертвовать даже обувью, — с решительным видом сказал Джо.

— Мы уже недалеко от Сенегала, — объявил доктор, — но я предвижу, что дальше мы будем не в силах лететь.

— Во всяком случае, давайте добираться до берегов Сенегала, и то уж будет хорошо, — заметил охотник.

— Попробуем это сделать, — отозвался доктор, — но, знаете, меня беспокоит одно обстоятельство.

— Какое именно?

— Нам ведь предстоит перелететь через горную цепь, а осуществить это будет чрезвычайно трудно, ибо, как бы я «и накаливал горелку, увеличить подъемную силу нашей «Виктории» все-таки я не смогу.

— Подождем, — промолвил Кеннеди, — а там будет видно.

— Бедная «Виктория»! — воскликнул Джо. — Я привязался к ней, как моряк привязывается к своему судну. Признаться, мне больно будет с ней расстаться. Конечно, она далеко не та, что была, когда мы вылетели из Занзибара, но все-таки хулить ее не следует: ведь она оказала нам немалые услуги, и бросить ее будет жалко.

— Успокойся, Джо, — сказал доктор. — Мы покинем нашу «Викторию» только в том случае, если станет совершенно невозможно поступить иначе. Она нам будет служить до полного истощения своих сил. Хорошо, если бы этих сил хватило ей еще на сутки.

— Если я не ошибаюсь, там, на горизонте, виднеется горная цепь, о которой ты говорил, Самуэль, — заявил Кеннеди.

— Да, это, конечно, те самые горы, — отозвался доктор, посмотрев в подзорную трубу. — Но, однако, какими они мне кажутся высокими! Трудно нам будет перебраться через них.

— Нельзя ли, Самуэль, избежать этого?

— Не думаю, Дик, чтобы это было возможно. Посмотри, какое огромное пространство занимают они, — чуть не половину горизонта. Нет, перелет через них неизбежен.

Между тем эта столь опасная преграда, каза-

лось, приближалась с удивительной быстротой, или, вернее сказать, сильнейший ветер мчал «Викторию» прямо к остроконечным вершинам. Чтобы не стукнуться о них, надо было во что бы то ни стало подняться.

— Вылить воду из ящика! Оставить то, что нужно на один день! — приказал Фергюссон.

— Есть! — отозвался Джо.

— Что, мы поднимаемся? — с беспокойством спросил Кеннеди.

— Немного поднялись, на каких-нибудь пятьдесят футов, — ответил доктор, не опускавший глаз с барометра, — но этого недостаточно.

В самом деле, скалистые вершины неслись навстречу аэронавтам, словно угрожая им. Увы! они высились над ними более чем на пятьсот футов.

Вода, нужная для горелки, тоже была вылита за борт; оставили всего несколько пинт, но и этого было недостаточно.

— Однако надо же подняться, — проговорил доктор.

— Давайте сбросим ящики, раз мы уже вылили из них воду, — предложил Кеннеди.

— Бросайте!

— Есть! — ответил Джо. — Но все-таки, скажу вам, невесело выбрасывать так все, одно за дру-

гим, — прибавил он.

— Слушай, Джо, — обратился к нему Фергюссон, — смотри, не вздумай повторить своего самопожертвования. Сейчас же поклянись мне, что ни в каком случае ты нас не покинешь.

— Будьте спокойны, мистер Самуэль, мы с вами не расстанемся.

«Виктория» поднялась еще саженей на двадцать, но остроконечная каменистая вершина еще возвышалась над ней больше чем на двести футов.

«Если только нам не удастся подняться над этими скалами, то наша корзина через десять минут будет разбита вдребезги», пронеслось в голове Фергюссона.

— Ну, что еще делать, мистер Самуэль? — спросил Джо, словно поняв его мысли.

— Оставь только запас пеммикана, а все это тяжелое мясо долой за борт!

«Виктория» освободилась таким образом еще фунтов от пятидесяти и поднялась на порядочную высоту, но это не имело значения, ибо она все-таки была ниже вершины. Положение становилось ужасным. «Виктория» неслась с огромной быстротой. Казалось, что вот-вот она со страшной силой ударится о скалы, и все разлетится

вдребезги.

Доктор обвел глазами корзину. Она была почти пуста.

— Дик, если понадобится, будь готов пожертвовать своими ружьями, — проговорил Фергюссон.

— Как! Пожертвовать моими ружьями?! — воскликнул с волнением охотник.

— Друг мой, раз я потребую этого, значит, это будет совершенно необходимо.

— Самуэль! Самуэль!

— Пойми, твои ружья, запас пуль и пороха могут нам стоить жизни!..

— Приближаемся, приближаемся! — крикнул Джо.

А гора все еще была выше «Виктории» саженей на десять.

Джо схватил одеяла и вышвырнул их. Не говоря ни слова Кеннеди, он выбросил также несколько мешочков с пулями и дробью. На этот раз шар «Виктории» поднялся выше опасной вершины, его верх озарился солнцем, но корзина все-таки была ниже скал и неминуемо должна была о них разбиться.

— Кеннеди! Кеннеди! — закричал доктор. — Бросай свои ружья — или мы погибли!

— Погодите, мистер Дик! Погодите! — остано-

вил его Джо.

И Кеннеди, обернувшись, увидел, как славный малый скрылся за бортом корзины…

— Джо! Джо! — в отчаянии закричал он.

— Несчастный! — вырвалось у доктора.

Площадка на вершине горы была шириной футов в двадцать. Корзина как раз опустилась на эту площадку и, скрипя по острому щебню, тащилась по ней.

— Проходим! Проходим! Прошли! — раздался голос, заставивший радостно забиться сердце Фергюссона.

Отважный Джо, держась руками за нижний край корзины, бежал по площадке, освободив таким образом «Викторию» от своего веса. Ему даже приходилось изо всех сил удерживать шар, рвавшийся ввысь.

Когда Джо очутился у противоположного склона и перед ним раскрылась пропасть, он могучим движением рук поднялся и, ухватившись за веревку, через мгновение был уже подле своих спутников.

— Не так уж было трудно это проделать, — заявил он.

— Друг мой, ты молодчина! — с чувством проговорил доктор.

— Только не думайте, пожалуйста, мистер Самуэль, что это я для вас сделал. Нет, нет! Это для карабина. Я ведь был в долгу у мистера Дика со времени истории с арабом. Но я люблю отдавать долги, и вот теперь мы с ним квиты, — добавил славный малый, подавая охотнику его любимый карабин. — Мне было бы слишком тяжело, если бы вы лишились его, — добавил он.

Кеннеди крепко пожал ему руку, но сказать что-либо был не в силах.

Теперь «Виктории» надо было только спускаться. Это было делом для нее нетрудным. Вскоре она снизилась до двухсот футов от земли и на этой высоте пришла в полное равновесие. Но тут местность стала очень неровной, на ней появилось много возвышенностей, избегать которые было очень нелегко в ночное время, да еще воздушному шару, плохо поддающемуся управлению.

Вечер надвигался чрезвычайно быстро, и доктор, несмотря на все свое нежелание, должен был решиться сделать привал.

— Надо нам поискать подходящее место, для того чтобы спуститься, — сказал он.

— Значит, Самуэль, ты в конце концов решил это сделать? — отозвался Кеннеди.

— Да, я долго думал над планом, который на-

до будет моментально привести в исполнение. Сейчас всего шесть часов, и у нас на это хватит времени. Джо, сбрось-ка якорь.

Джо немедленно же выполнил этот приказ.

— Мы будем лететь над самыми вершинами этого огромного леса и, конечно, зацепимся за одно из деревьев, — сказал доктор, — а я ни за что на свете не хотел бы в здешних местах провести ночь на земле.

— А можно будет вылезть, Самуэльц? — спросил Кеннеди.

— Зачем, в сущности, это надо? Повторяю: здесь нам чрезвычайно опасно разделяться. К тому же я буду очень просить вас обоих помочь мне в трудной работе.

«Виктория», летевшая над густым лесам, едва не касаясь верхушек деревьев, вдруг остановилась. Ее якорь наконец зацепился. К ночи ветер совсем спал, и «Виктория» почти неподвижно повисла над зеленым морем смоковниц.

ГЛАВА XLII

Борьба великодуший. — Последняя жертва: выбрасывание приборов для расширения газа. — Ловкость Джо. — Полночь. — Вахта доктора. — Вахта Кеннеди. — Его сон. — Пожар. — Вопли и выстрелы. — Вне опасности.

Фергюссон начал с того, что по звездам определил свое местонахождение. Оказалось, что они были от Сенегала приблизительно на расстоянии двадцати пяти миль.

Отметив это на карте точкой, доктор оказал:

— Все, что мы можем сделать, друзья мои, — это переправиться через Сенегал. Но так как в нашем распоряжении не будет ни моста, ни лодки, нам надо во что бы то «и стало перебраться на нашей «Виктории». Поэтому совершенно необходимо еще облегчить ее.

— Но, по правде сказать, я не вижу, что мы тут можем сделать, — сказал Кеннеди, все опасавшийся за свои ружья. — Единственный выход, по-моему, в том, чтобы кто-нибудь из нас пожертвовал собой, оставшись позади… И на этот раз я очень прошу эту честь оказать мне.

— Ну, вот еще! — воскликнул Джо. — Как будто я не привык…

— Тут, друг мой, — перебил его Кеннеди, — речь идет вовсе не о том, чтобы выброситься из «Виктории», а о том, чтобы пешком добраться до побережья океана. Я же хороший ходок, хороший охотник…

— Никогда на это не соглашусь! — закричал Джо.

— Ваш опор совсем ни к чему, друзья мои, — вмешался Фергюссон. — Мне думается, что мы не дойдем до такой крайности. Но если бы даже это и случилось, конечно, мы не расстались бы, а все втроем попытались бы пешком пробраться через этот край.

— Вот так хорошо сказано! — воскликнул Джо. — Эта маленькая прогулка, понятно, не повредила бы нам!

— Но раньше, — продолжал доктор, — мы прибегнем к последнему способу, чтобы облегчить нашу «Викторию».

— Что же это за способ? — спросил Кеннеди.

— Нужно избавиться от ящиков, соединенных с горелкой, а также от батареи Бунзена и змеевика. Ведь во всем этом около девятисот фунтов.

— Но, Самуэль, каким же образом тогда ста-

нешь ты расширять газ?

— Да я и не буду его расширять. Мы обойдемся без этого.

— А все-таки…

— Послушайте, друзья мои, — перебил доктор своего друга, — я самым точным образом высчитал, какая подъемная сила останется в нашем распоряжении. Она достаточна, чтобы поднять нас троих с тем немногим, что будет у нас в корзине. Все это, считая даже два якоря, которые я хотел бы сохранить, не будет весить и пятисот фунтов.

— Несомненно, дорогой Самуэль, ты более компетентен в таких вопросах, — сказал охотник. — Один ты можешь верно оценить наше положение. Говори нам, что надо делать, и мы будем делать.

— К вашим услугам, мистер Самуэль, — присоединился к Кеннеди Джо.

— Повторяю, друзья мои, как ни серьезен этот шаг, но нам надо пожертвовать всеми нашими приборами.

— Ну, и пожертвуем ими! — поддержал его Кеннеди.

— Тогда за работу! — воскликнул Джо.

А работа была — не из легких. Сначала надо

было снять смесительную камеру, потом камеру нагрева с горелкой и наконец ящик, где происходило разложение воды. Соединенных сил трех аэронавтов едва хватило, чтобы оторвать все эти приборы от дна корзины, к которому они крепконакрепко были приделаны, но Кеннеди обладал огромной силой, Джо — ловкостью, а Самуэль — изобретательностью, и в конце концов им это все-таки удалось. Все приборы были выброшены за борт и исчезли, нанеся немалый урон листве смоковниц.

— Воображаю, как будут удивлены негры, найдя в своем лесу подобные вещицы! — заметил Джо. — Пожалуй, они способны сделать из них себе идолов.

Вслед за этим надо было заняться трубками, идущими в оболочку шара. Джо сейчас же взобрался на несколько футов выше корзины и там перерезал каучуковые соединения. Но с самыми трубками дело было потруднее, так как верхние их концы были прикреплены с помощью латунных проволок к ободу клапана. Тут Джо проявил удивительную ловкость: босой, чтобы не повредить оболочки, он, несмотря на раскачивание шара, вскарабкался по сетке до верхушки «Виктории» и там, держась одной рукой, умудрился

отвинтить наружные гайки, которыми крепились трубки. Заделав как следует отверстия, он так же по сетке спустился вниз. «Виктория», облегченная от значительного груза, стала сильно тянуть вверх.

К двенадцати часам ночи все эти работы, потребовавшие стольких усилий, были благополучно закончены. Наши путешественники наскоро поужинали пеммиканом и холодным грогом, — ведь, увы, в распоряжении Джо больше не было горелки.

Джо и Кеннеди просто падали от усталости. Заметив это, Фергюссон сказал им:

— Теперь, друзья мои, укладывайтесь и спите, я же буду нести первую вахту. В два часа я разбужу Кеннеди, а он в четыре — Джо. В шесть часов утра мы должны вылететь.

Не заставляя себя больше просить, оба спутника доктора улеглись на дно корзины и моментально заснули крепчайшим сном.

Кругом все было спокойно. По временам несколько тучек набегало на луну. К тому же, находясь в последней четверти, царица ночи едва светила. Фергюссон, опершись на борт корзины, посматривал кругом. Он внимательно наблюдал за темной листвой, скрывавшей от него землю.

Малейший шум казался ему подозрительным, и он старался объяснить себе, что значит каждый легкий трепет листвы. Фергюссон переживал то состояние духа, которое еще обостряется одиночеством, переживал настроение, когда неясные мысли о всевозможных ужасах насильно лезут в голову. Да это и естественно: в конце подобного путешествия, преодолев столько препятствий и приближаясь к цели, он был взволнован, страхи его увеличились, и ему казалось, что конец пути словно уносится от него.

К тому же настоящее положение было весьма тревожно. Находились они среди свирепых дикарей, и в распоряжении у них был очень ненадежный способ передвижения. Прошло время, когда доктор мог так полагаться на свою «Викторию».

Фергюссону в его тревожном состоянии духа порой казалось, что до него доносится из леса какой-то неопределенный шум, а однажды между деревьями даже как будто блеснул огонек. Вооружившись подзорной трубой, он еще внимательнее стал всматриваться в темноту, но решительно ничего не было видно, и стало как будто еще тише.

«Конечно, — решил Фергюссон, — это просто

была галлюцинация». Он снова стал прислушиваться: стояла мертвая тишина. В это время как раз заканчивалась его вахта, он разбудил Кеннеди и, наказав ему быть особенно бдительным, улегся подле Джо, спавшего мертвым сном. А Кеннеди, протирая сонные глаза, спокойно зажег свою трубку и, опершись на борт корзины, стал усиленно курить, чтобы этим разогнать одолевавший его сон.

Кругом продолжала царить полнейшая тишина. Легкий ветерок слегка шевелил верхушки деревьев и, покачивая «Викторию», как бы убаюкивал сонного охотника. Тот изо всех сил старался стряхнуть с себя дремоту: поднимал отяжелевшие веки, таращил в темноте почти ничего не видевшие глаза, но в конце концов, поддавшись непреодолимой усталости, все-таки заснул.

Сколько времени проспал Дик, он и сам не смог бы оказать. Вдруг он был разбужен неожиданным светом и потрескиванием.

Он стал протирать глаза и вскочил. Ему в лицо пахнуло сильнейшим жаром. Лес внизу пылал…

— Пожар! Горим! — закричал он, хорошенько не понимая, что вокруг него творится.

Оба товарища его вскочили со своих мест.

— Что такое? — опросил Самуэль.

— Пожар! — Отозвался Джо. — Но кто мог…

В этот миг под залитой огнем листвой раздался вой.

— А, дикари! — закричал Джо. — Это они подожгли лес, чтобы уж наверняка нас изжарить.

Кругом «Виктории» свирепствовал огонь. Треск сухих ветвей смешивался с шипеньем зеленых. Лианы, листья — словом, все живое в этой растительности извивалось, как бы от боли. Всюду бушевал океан пламени. На фоне его вырисовывались черные стволы огромных деревьев с обуглившимися ветвями. И этот пылающий океан отражался в тучах. Самый воздух, казалось, был объят пламенем.

— Скорее на землю! — крикнул Кеннеди. — В этом наше спасение!

Но Фергюссон, крепко схватив своего друга за руку, удержал его, а затем бросился к якорному канату и одним взмахом топора перерубил его. Огонь со всех сторон подбирался к «Виктории», он уже лизал ее освещенные бока, но она, почувствовав свободу, взвилась на тысячу футов ввысь.

По лесу понеслись ужасающие вопли, раздались оглушительные ружейные выстрелы.

А «Виктория», подхваченная утренним ветром, уже неслась к западу. Было четыре часа утра.

ГЛАВА XLIII

Племя талиба. — Погоня. — Опустошенный край. — Умеренный ветер. — «Виктория» все снижается. — Сбрасывание последних продуктов. — Скачки «Виктории». — Необходимость защищаться с оружием в руках. — Ветер свежеет. — Гуинский водопад. — Нагретый воздух. — Перелет через Сенегал.

— Не сними мы с вами вчера вечером приборов с нашей «Виктории», без всякого сомнения, мы бы погибли, — заговорил доктор.

— Вот что значит сделать все во-время, — заметил Джо.

— Но мы еще далеки от того, чтобы быть вне опасности, — возразил Фергюссон.

— Что же тебя страшит, Самуэль? — спросил Кеннеди. — Ведь опуститься «Виктория» не может, а если бы даже она и опустилась, велика ли беда?

— Велика ли беда? — повторил доктор. — А ну-ка, Дик, взгляни!

«Виктория» как раз пролетала над опушкой леса, и там аэронавты увидели тридцать всадников,

одетых в широчайшие шаровары и развевающиеся по ветру бурнусы. Всадники были вооружены копьями и мушкетами и скакали на своих резвых, горячих лошадях по тому же направлению, по которому не очень быстро двигалась «Виктория». Завидев аэронавтов, всадники принялись дико кричать и размахивать оружием. На их лицах, казавшихся еще более свирепыми благодаря жидким всклокоченным бородам, видны были страшная злоба и жажда разделаться со своими жертвами. И они с большой легкостью неслись по полого спускавшейся к Сенегалу равнине.

— Конечно, это жестокие дикари племени талиба, свирепые сподвижники Аль-Аджи, — сказал Фергюссон. — Да, признаться, я предпочел бы очутиться в лесу среди хищных зверей, чем попасть в руки этих бандитов.

— Вид у «их, действительно, не особенно мирный, — отозвался Кеннеди, — и притом какие здоровенные малые!

— Хорошо еще, что такие звери не летают, — промолвил Джо. — Это все-таки что-нибудь да значит.

— Взгляните-ка, — продолжал Фергюссон, — на эти разоренные поселения, на сожженные хижины, — это ведь все их работа. Там, где были

возделанные, цветущие поля, теперь, благодаря им, бесплодие и запустение.

— Ну, они не могут догнать нас, — заметил Кеннеди, — а если нам еще удастся перелететь через Сенегал, то там уж мы будем в полной безопасности.

— Совершенно верно, Дик, но все это при условии, если мы не станем снижаться, — проговорил доктор, не спуская глаз с барометра.

— А знаешь, Джо, нам с тобой совсем не лишнее иметь наготове ружья, — промолвил Кеннеди.

— Конечно, мистер Дик, это повредить не может, — отозвался добрый малый. — Как хорошо, что мы их не посеяли в пути!

— Ах, драгоценный ты мой карабин! — воскликнул охотник. — Надеюсь, никогда с тобой я не расстанусь!

И Кеннеди зарядил ружье с особенной тщательностью. К счастью, пороха и пуль еще имелось в достаточном количестве.

— На какой мы сейчас высоте, Самуэль? — спросил Дик своего друга.

— Приблизительно на высоте семисот пятидесяти футов. Но теперь уж не в нашей власти, то поднимаясь, то опускаясь, искать в воздухе благоприятных течений. Мы, так сказать, рабы

нашей «Виктории».

— Это очень прискорбно, — промолвил Кеннеди, — и, как назло нам, ветер очень умеренный. Вот повстречай мы такой ураган, какой свирепствовал все последние дни, давно бы мы потеряли из виду этих бандитов!

— Теперь же эти плуты не особенно что-то спешат, — заметил Джо, — они не утруждают себя и едут рысцой, словно на прогулке.

— Будь мы от них на расстоянии ружейного выстрела, уж позабавил бы я себя, вышибая их из седла одного за другим, — заявил охотник.

— Так-то так, — отозвался доктор, — но дело в том, что тогда и мы были бы на расстоянии ружейного выстрела от них, и наша «Виктория» являлась бы чрезвычайно хорошей мишенью для их длинных мушкетов. А ты можешь себе представить, в каком положении очутились бы мы, если бы они продырявили ее оболочку!

Погоня продолжалась все утро. К одиннадцати часам «Виктория» едва пролетела пятнадцать миль на запад.

Доктор с огромным вниманием следил за каждым облачком на горизонте. Он все боялся перемены направления воздушного течения. Что бы только было с ними, если бы их отбросило на-

зад, к Нигеру! К тому же, от него не ускользало и то, что «Виктория» вообще имеет тенденцию снижаться. С момента вылета она успела опуститься более чем на триста футов, а Сенегал был от них еще милях в двенадцати. Передвигаясь с такой скоростью, они могли добраться до него не раньше чем в три часа. Вдруг внимание Фергюссона привлекли вновь раздавшиеся крики. Взглянув в сторону отряда, он увидел, что всадники в страшном возбуждении гонят во-всю своих коней.

Доктор бросил взгляд на барометр и сразу понял, что значат эти завывания.

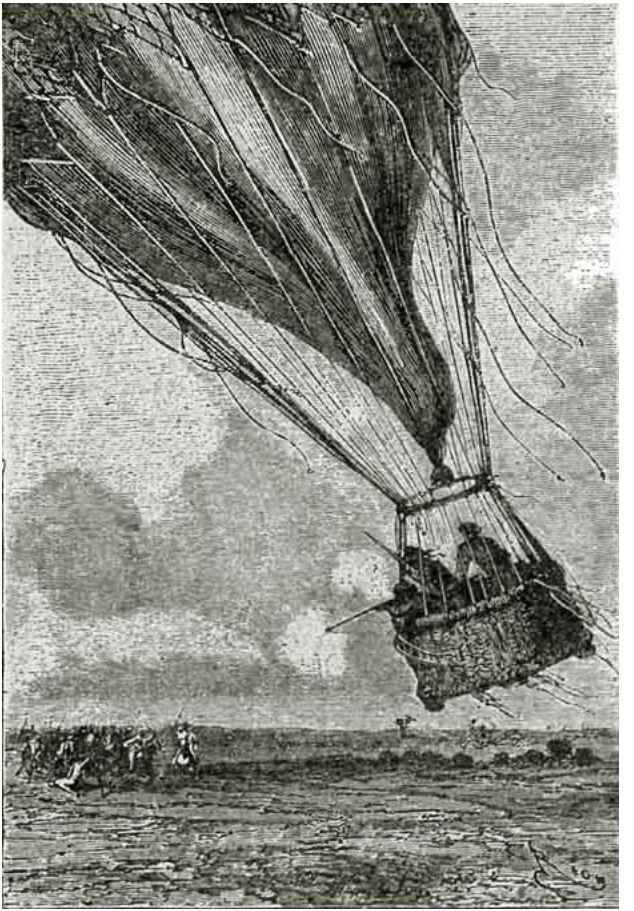
— Мы опускаемся, Самуэль? — спросил Кеннеди.

— Да, — отрезал Фергюссон.

— Чорт побери! — пробормотал Джо.

Через четверть часа «Виктория» была меньше чем в ста пятидесяти футах от земли, но, к счастью, ветер несколько усилился.

А всадники неслись во всю прыть, и вскоре прогремел залп из их мушкетов.

Всадники гонят во-всю своих коней.

— Не попали, дуралеи! — воскликнул Джо. — Но, кажется, следует держать этих негодяев на приличном расстоянии, — добавил он и, целясь в скачущего впереди всадника, выстрелил. Тот скатился с лошади; товарищи его остановились, и благодаря этому «Виктория» неоколько опередила своих врагов.

— Они осторожны, — заметил Кеннеди.

— Да, но потому, что они не сомневаются в том, что захватят нас, — сказал Фергюссон, — и, конечно, им это удастся, если мы станем еще снижаться. Во что бы то ни стало нам необходимо подняться!

— Что же еще выбросить? — с беспокойством спросил Джо доктора.

— Весь пеммикан, какой только остался. Все-таки избавимся еще фунтов от тридцати.

— Есть, мистер Самуэль! — ответил Джо, выполняя приказ.

Корзина, почти касавшаяся земли, в этот миг поднялась. У дикарей вырвался крик ярости. Но через каких-нибудь полчаса «Виктория» опять стала быстро снижаться; очевидно, газ уходил через трещины оболочки. Вскоре корзина снова

стала задевать за землю. Негры бросились к ней. Но «Виктория», ударившись о землю, подскочила вверх и, только пролетев еще с милю, снова стала падать.

— Да неужели нам не удастся вырваться?! — с бешенством воскликнул Кеннеди.

— Джо, бросай наш запас водки! — крикнул Фергюссон. — Бросай инструменты, бросай все, имеющее какой-либо вес! Бросай даже, раз это необходимо, наш последний якорь!

Джо стал срывать и кидать барометры, термометры, но всего этого было мало, и «Виктория», на минуту подпрыгнув, снова начала опускаться к земле. Негры мчались к ней и были уже шагах в двухстах.

— Бросай оба ружья! — крикнул доктор.

— Но уж не раньше, чем выпалим из них! — воскликнул охотник.

И четыре выстрела, направленные в гущу всадников, раздались один за другим. Четыре негра свалились на землю среди бешеных, неистовых криков остальной шайки.

Сброшенные ружья дали возможность «Виктории» снова подняться, и тут она, словно колоссальный упругий мяч, отскакивая от земли, начала делать огромные прыжки.

Как необходимо было, чтобы это ужасное положение кончилось! Приближался полдень. У «Виктории» вид был самый жалкий: она вся както съежилась; дряблая ее оболочка развевалась, складки тафты, шурша, терлись друг о друга.

— Все кончено! — вырвалось у Кеннеди. — Нам неминуемо предстоит свалиться.

Джо молча посмотрел на Фергюссона.

— Нет! — проговорил доктор. — Мы можем еще сбросить больше ста пятидесяти фунтов.

— Что же именно? — спросил Кеннеди, у которого в голове мелькнула страшная мысль, что его друг сошел с ума.

— Корзину! — ответил Фергюссон. — А сами уцепимся за сетку и так, держась за нее, достигнем Сенегала. Скорей же! Скорей за дело!

Отважные люди без колебания ухватились и за этот способ спасения. Как указал доктор, они вцепились в сетку. Джо, держась за нее одной рукой, другой перерезал веревки, на которых висела корзина, и она упала в тот момент, когда «Виктория» окончательно опускалась вниз.

— Ура! Ура! — закричал Джо, — когда они сразу подпрыгнули вверх футов на триста.

Всадники изо всех сил гнали своих лошадей, но «Виктория», попав в благоприятное воздушное

течение, опередила их и быстро неслась к холму, вырисовывавшемуся на западе. Этот холм был благодетелен для наших аэронавтов, ибо, в то время как они перелетели через него, шайка их преследователей должна была объехать его с северной стороны.

Три друга продолжали крепко держаться за сетку. Они умудрились связать между собой висевшие внизу веревки, и получилось нечто вроде большого, развевающегося по ветру кармана.

Перелетев через холм, доктор вдруг радостно закричал:

— Река! Река! Сенегал!

В самом деле, в каких-нибудь двух милях от них могучая река катила свои бурные воды. Ее противоположный берег, низкий и цветущий, сулил им верное убежище и был удобен для спуска.

— Еще четверть часа — и мы спасены! — радостно сказал Фергюссон.

Но, увы, их полету не суждено было кончиться так благополучно. «Виктория», теряя свой последний водород, все больше и больше снижалась. Местность под ней была совершенно бесплодная и каменистая. Кое-где лишь виднелись жалкие кустики и густая, совершенно высохшая от зноя трава.

«Виктория», несколько раз коснувшись земли, снова поднималась, но скачки ее с каждым разом делались все ниже и ниже. И вдруг верхней частью своей сетки она зацепилась за ветки одиноко стоявшего среди пустыни баобаба.

— Ну, теперь конец! — проговорил Кеннеди.

— И всего в ста шагах от реки, — добавил Джо.

Трое несчастных аэронавтов спустились на землю, и доктор потащил своих товарищей к Сенегалу. От реки несся неимоверный шум. Дойдя до берега, доктор догадался, что это был Гуннский водопад. Кругом не было ни единой лодки, ни единого живого существа.

Сенегал, в этом месте шириной в две тысячи футов, с оглушительным шумом низвергался с высоты ста пятидесяти футов. Воды его разбивались и пенились среди огромных скал, напоминавших чудовищных допотопных животных.

Было совершенно очевидно, что перебраться через эту бездну немыслимо.

У Кеннеди невольно вырвался жест отчаяния. Но энергичный и отважный Фергюссон и тут нашелся.

— Не все еще потеряно! — воскликнул он.

— Так я и знал! — отозвался Джо, ни на минуту не переставший верить в своего доктора.

При виде сухой травы в голове Фергюссона мелькнула смелая мысль. «Да, — сказал он себе, — это единственное, что может спасти нас», и сейчас же повел своих товарищей обратно к оболочке шара.

— Этим бандитам не доскакать до нас раньше чем через час, — начал Фергюссон, — и вот, друзья мои, нам нельзя терять ни минуты. Соберите как можно больше сухой травы, — мне ее понадобится по крайней мере фунтов сто.

— Зачем она тебе? — поинтересовался Кеннеди.

— Раз у меня нет газа, — что ж, я перелечу через реку при помощи нагретого воздуха!

— Ах, Самуэль, какой ты у меня молодчина! — воскликнул Кеннеди. — И вправду, ты великий человек!

Тут Джо и Кеннеди немедленно принялись за работу, и вскоре целый стог сена вырос у баобаба. Фергюссон же начал с того, что выпустил из шара через клапан весь остаток водорода, а затем увеличил отверстие внизу оболочки. Закончив приготовления, он через это отверстие вложил в оболочку некоторое количество сухой травы и зажег ее.

Чтобы наполнить шар нагретым и, следова-

тельно, легким воздухом, требуется немного времени, и вскоре «Виктория» начала все больше и больше округляться, благо в сухой траве не было недостатка и доктор усердно ее подбрасывал.

Было без четверти час.

В этот момент показался на севере, не дальше чем в двух милях, отряд преследователей. Уже доносились их крики и громкий топот мчавшихся галопом коней.

— Через двадцать минут они будут здесь, — проговорил Кеннеди.

— Джо! Травы! Еще травы! — крикнул Фергюссон. — И через десять минут мы будем в воздухе!

— Извольте, мистер Самуэль!

«Виктория» была уже на две трети наполнена нагретым воздухом.

— Ну, а теперь, друзья мои, — сказал доктор, — давайте снова уцепимся за сетку.

— Есть! — отозвался охотник.

Минут через десять толчки шара показали, что он вот-вот поднимется.

Талибы уже приближались, они были всего шагах в пятистах.

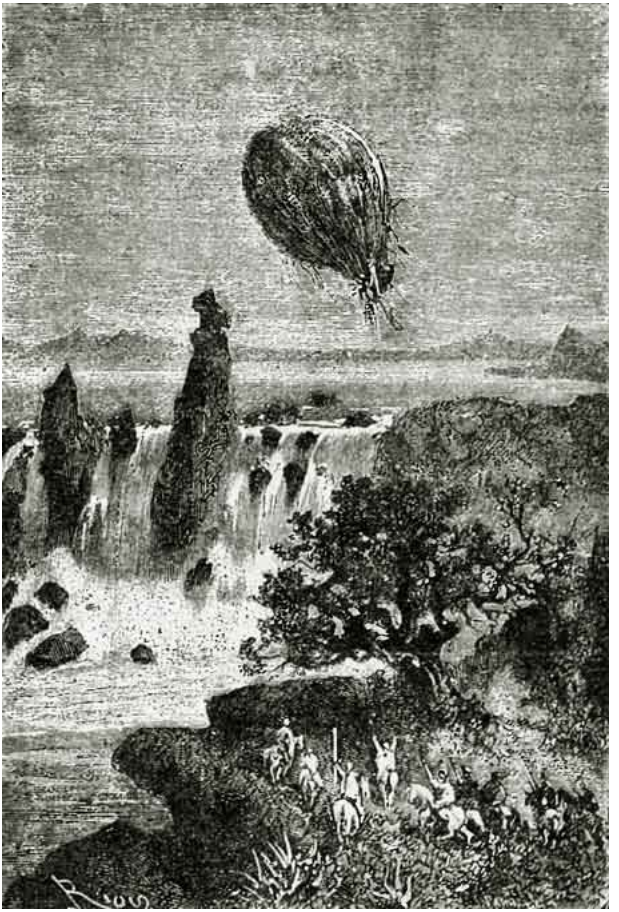
— Держитесь крепче! — крикнул Фергюссон.

— Не бойтесь за нас, мистер Самуэль! Не бойтесь!

Тут доктор ногой протолкнул в отверстие шара еще некоторое количество сухой травы, и «Виктория», окончательно наполнившись, быстро стала подниматься, задевая по пути за ветви баобаба.

— Полетели! — радостно закричал Джо.

Как бы в ответ на это, раздался залп из мушкетов, и одна из пуль задела плечо Джо. Но Кеннеди, нагнувшись, одной рукой выстрелил из своего карабина, и еще один враг свалился на землю. Крики ярости вырвались у дикарей при виде поднимавшейся ввысь «Виктории». Но она, захваченная на высоте восьмисот футов сильным воздушным течением, раскачиваясь, уже неслась через Сенегал. Отважный доктор и его товарищи смотрели вниз, на бушующий под ними водопад.

Гуинский водопад.

Через десять минут, не проронив ни единого слова, наши бесстрашные аэронавты мало-помалу начали спускаться к противоположному берегу Сенегала.

Там стояло человек десять, одетых в военную французскую форму. Можно представить себе, до чего они были удивлены, увидев «Викторию», поднимавшуюся с того берега. И не только удивлены и восхищены, но даже несколько перепуганы этим спускавшимся с неба феноменом. Но их начальники, лейтенант флота и мичман, знали из европейских газет о смелой экспедиции доктора Фергюссона и сейчас же догадались, в чем тут дело.

Между тем «Виктория», понемногу теряя подъемную силу, стала снижаться со своими смельчаками-аэронавтами, вцепившимися в ее сетку. Казалось сомнительным, чтобы она могла достигнуть земли. И вот французы бросились в реку и подхватили трех англичан в тот момент, когда совершенно обессиленная «Виктория» свалилась в воду в нескольких саженях от левого берега Сенегала.

— Доктор Фергюссон? Не правда ли? — крикнул

лейтенант.

— Он самый и два его друга, — спокойным тоном ответил доктор.

Французы на руках вынесли аэронавтов из реки, а «Виктория», съежившись, понеслась, словно огромный пузырь, по мчавшимся водам Сенегала и вместе с ними исчезла в бурном Гуинском водопаде.

— Бедная «Виктория»! — воскликнул Джо.

Невольная слеза блеснула на глазах доктора.

Он протянул руки своим друзьям, и те, охваченные необыкновенным волнением, бросились в его объятия…

ГЛАВА XLIV

Заключение. — Протокол. — Мединский военный пост. — Пароход «Базилика». — Сан-Луи. — Английский фрегат. — Возвращение в Лондон.

Французы, находившиеся на берегу, принадлежали к экспедиции, посланной сюда сенегальским губернатором. То были два офицера — лейтенант флота Дюфрэс и мичман Родамэль, — сержант и семеро солдат.

Всего за два дня до появления наших аэронавтов этот отряд прибыл сюда, чтобы найти наиболее удобное место для устройства военного поста в местности Гунна.

Нетрудно себе представить, какой горячий прием был оказан трем путешественникам. Французы, на глазах которых завершился отважный перелет, тем самым становились как бы свидетелями прибытия Самуэля Фергюссона на Гуинский водопад. Потому-то доктор и обратился к лейтенанту Дюфрэсу с просьбой официально удосто-.верить этот факт.

— Надеюсь, вы не откажетесь поставить свое имя под протоколом, удостоверяющим то, чему

вы явились очевидцами? — сказал он ему.

— К вашим услугам, доктор Фергюссон, — с жаром ответил лейтенант Дюфрэс.

Сейчас же французы провели англичан на свой временный пост, находившийся неподалеку, на берегу Сенегала. Здесь они накормили их всем, что только у них имелось. Тут же был составлен и подписан следующий протокол, находящийся и поныне в архиве Лондонского географического общества:

> «Мы, нижеподписавшиеся, заявляем, что сего числа были очевидцами появления на воздушном шаре доктора Фергюссона и его двух спутников, Ричарда Кеннеди и Джозефа Вильсона[12], державшихся за сетку этого шара, лишенного корзины. Самый воздушный шар упал в реку Сенегал всего в нескольких метрах от нас и, унесенный течением, погиб в Гуинском водопаде. В удостоверение вышесказанного мы и подписываем совместно с названными лицами настоящий протокол.

---

[12] Примечания: 12

Дик — уменьшительное имя от Ричард, а Джо — от Джозеф.

Гуинский водопад. 24 мая 1862 года.

Самуэль Фергюссон. Ричард Кеннеди. Джозеф Вильсон. Лейтенант Дюфрэс. Мичман Родамэль. Сержант Дюфэ. Солдаты: Флиппо. Майор. Пелисье.

Лоруа. Расканье. Гильон. Лебель.».

Так закончился удивительный перелет доктора Фергюссона и его славных товарищей. Теперь они были в кругу друзей, среди мирных туземных племен, имевших частые сношения с местными французскими колониями.

Отдохнув с новыми друзьями всего три дня, наши аэронавты были уже 27 мая в Мединском военном порту, расположенном несколько севернее, на берегу Сенегала.

Здесь французские офицеры также встретили их с распростертыми объятиями и оказали им самое широкое гостеприимство. Но Фергюссону и его товарищам почти не пришлось быть в их обществе, ибо в этот день отходил вниз по Сенегалу, к самому его устью, маленький пароходик «Базилика», и на нем они и отправились. Через две недели трое друзей прибыли в Сан-Луи, где они были приняты местным губернатором.

За это время они успели совершенно отдохнуть

от своих переживаний и усталости. Джо не переставал повторять:

— В сущности, что за жалкое путешествие это было! По правде сказать, я не посоветовал бы предпринимать подобное любителю сильных ощущений. В общем, было довольно однообразно, и не будь приключений на озере Чад и на Сенегале, пожалуй, можно было бы умереть от скуки.

Вскоре из Сан-Луи отходил английский фрегат, который взял на борт наших путешественников. 25 июня они высадились в Портсмуте, а на следующий день были в Лондоне.

Мы не станем описывать прием, оказанный Лондонским географическим обществом нашим аэронавтам.

Вскоре после чествования Кеннеди уехал к себе в Эдинбург, не позабыв, конечно, взять с собой знаменитый свой карабин. Дику не терпелось поскорее успокоить преданную ему старую экономку.

Фергюссон же с верным своим Джо остался в Лондоне. Оба они были все такими же, какими мы знали их, но в их отношениях появилось что-то новое, — они стали друзьями.

Все газеты не только Англии, но и всей Европы были переполнены самыми восторженными

отзывами об отважных аэронавтах. А газета «Дейли Телеграф», напечатавшая лишь краткое описание их перелета, разошлась моментально в количестве девятисот семидесяти семи тысяч экземпляров.

Доктор Фергюссон сделал доклад о своей воздушной экспедиции в Лондонском географическом обществе, и оно за эту экспедицию, самую замечательную в текущем 1862 году, присудило золотую медаль не только доктору Фергюссону, но и обоим его спутникам.

Экспедиция доктора Фергюссона, во-первых, подтвердила самым точным образом все исследования, сделанные его предшественниками, и, во-вторых, дала возможность ему самому совершить новые открытия в Африке между 14° и 33° долготы.

Цена 5 руб.